

ДАРЬЯЛ

2

2023

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

ДАРЬЯЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА**

Редакционный
совет:

**И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ**

2'2023

(175)

МАРТ-АПРЕЛЬ

Адрес редакции:
362040,
г. Владикавказ,
ул. Маркуса, 1.
Тел.: 53-60-30
53-68-10
54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru
<http://www.darial-online.ru>

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ТУ 15-00144 от 22.05.2017.
Выдано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам
печати и массовых коммуникаций
Республики Северная Осетия-Алания
362040, Республика Северная Осетия-
Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2,
офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

Выход в свет 28.04.2023.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15+1 печ. л.
цветная вклейка на мелованной бумаге.
Заказ № 184.
Тираж 600 экз.

АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр. Коста, 11.
Тел.: 25-97-94.

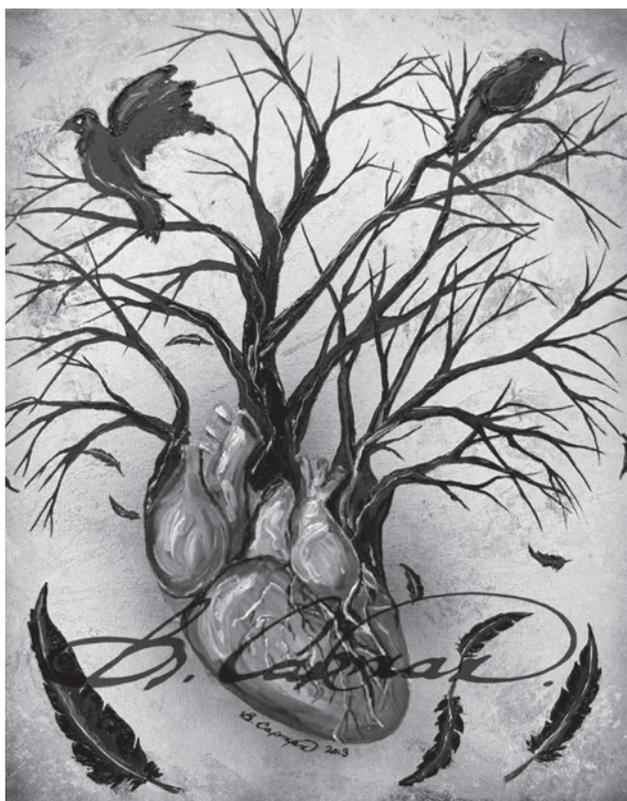
Цена свободная

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	4	Асфар ШАОВ, Ибрагим ШАОВ. Пациент № 132, или Живи здесь и сейчас. <i>Повесть</i>
	22	Михаил НАДЕЖДИН. «Всегда в моей душе живет Владикавказ...» <i>Стихи</i>
	32	Тенгиз МАРЖОХОВ. Нулёвка. <i>Повесть (окончание)</i>
	54	Ахсарбек ГАЛАЗОВ. Письма внуку <i>(продолжение)</i>
	84	Николай ТАКСИДИ. Уходят герои. <i>Стихи</i>
	88	Александр РЫБИН. Рембо в Эфиопии. <i>Рассказы</i>
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	108	Назым ХИКМЕТ. Незаконченное стихотворение о весне. <i>Стихи.</i> Перевод П. Железнова
	112	Ильзе ТИЛЬШ. Похвала странности. <i>Стихи.</i> Перевод А. Золоева
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	120	Татьяна ОСТАЕВА. Скульптор Руслан Тавасиев
		Руслан ТАВАСИЕВ. Скульптура
ЦИТАТА	129	СЕНЕКА
ЭХО ВОЙНЫ	130	Хаджи-Мурат ТОРЧИНОВ. Блокадные дни Ады Чесноковой-Торчиновой <i>(окончание)</i>
ПАМЯТИ ДРУГА	148	Мурат САСИЕВ. Смутное время. <i>Стихи</i>
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	154	Алексей ТОЛСТОЙ. Милосердия! <i>Рассказ</i>
ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА	180	Эрих Мария РЕМАРК. Тени в раю. <i>Главы из романа</i>
ГОСТЕВАЯ КНИГ@	198	Сергей УТКИН. Последний звонок
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	200	Алексей ЧИБИРОВ. Гарольд Бейли: черкеска для английского рыцаря
НАУКА И КУЛЬТУРА	230	Хасан ЧШИЕВ. Некрополь у святылища Дамбадели / Мады Майрам – новый памятник эпохи раннего средневековья в Мамисонском ущелье РСО-Алания
АВТОРЫ НОМЕРА	238	

Асфар ШАОВ, Ибрагим ШАОВ

ПАЦИЕНТ № 132, или Живи здесь и сейчас

ПОВЕСТЬ

В оформлении использована картина В. Серіха

Прекрати думать, начни действовать. Наши мысли постоянно заняты ожиданиями и надеждами. Прошрое и будущее – это всего лишь иллюзия, есть только здесь и сейчас. Но так хочется казаться другим – быть выше, громче. Перестань ждать того самого момента. Время просыпаться. Именно сейчас твое сердце бьется, ты молод, полон страсти, энергии делать то, чем горюшь. Не бойся своей силы. У тебя нет судьбы. Только ты можешь сделать свою жизнь такой, какой хочешь видеть. Делай глубокий вдох. Действуй. Живи здесь и сейчас!¹

Быть по-настоящему обновленным, или кокаиновая сторона жизни².

ОПЕРАЦИЯ. СЕКТИО

Ожидание донорского сердца может растянуться на месяцы и даже годы, которых почти нет в запасе у больных, нуждающихся в трансплантации. Мне, если можно так выразиться, повезло: человек, который был в очереди передо мной, не дождавшись подходящего донора, умер. Документы о согласии подписаны. Осталось провести операцию. Мне чуть больше сорока, и я твердо намерен выжить.

¹ Реклама «Кока-Колы».

² Слоган «Кока-Колы».

Донорское сердце необходимо изъять у жертвы несчастного случая и доставить реципиенту в течение нескольких часов. Чтобы предотвратить ишемические повреждения чувствительной части сердца, максимум через четыре часа извлеченный орган должен быть вновь снабжен кровью.

Пока спасительное сердце находится в пути, меня готовят к главной процедуре будущей вероятной жизни.

– Коллеги, за работу! Сто тридцать второй пациент в этом году! – последнее, что я услышал перед тем, как анестезиолог окончательно погрузил меня в медикаментозный сон.

132-й пациент. 132-й пациент.

– Рассекайте грудину и выделяйте сердце, – бодро командует всей операционной немолодой крупный хирург, – донорское сердце в пути!

– Коллеги, канюлируйте верхние и нижние полые вены! Будем подключать к аппарату.

Венозную кровь направляют в аппарат искусственного кровообращения и оттуда подают в аорту. В машине ее охлаждают до 28 градусов по Цельсию и артериализируют.

– Канюлируем аорту! – уверенным голосом руководит бригадой хирург в бинокулярах. – Выпускайте воздух из подводящей трубки!

Многочисленные руки помощников при помощи V-образной соединительной детали ловко сочленяют трубки, идущие из верхних и нижних полых вен, и подключают к аппарату. Теперь все подготовлено для немедленной трансплантации. Как только охлажденный орган донора поступает в операционную, он еще раз проверяется на целостность.

– Начинаем извлечение! Поехали! – хирург сопровождает каждое свое действие громкими комментариями. – Отсекаем крупные сосуды, лежащие спереди. Это аорта и легочная артерия.

Затем отсекаются левое и правое предсердия на задней стороне сердца. Удаляют сердце. Кульки предсердий и пережатые сосуды должны быть соединены с новым органом.

– Анастомозируем левое предсердие непрерывным швом! Соединяем правое предсердие! Анастомозируем крупные сосуды! Завершающий шов на аорте! – команды сыплются одна за другой в строгом алгоритмическом порядке.

– Вводим иглу в верхушку сердца и тщательно удаляем воздух из полости левого желудочка. Теперь ушиваем место пункции. Снимаем зажим с аорты!

– Перфузируем сердце, насыщаем кислородом. Есть сокращение!

СЕРДЦЕ. CORE

До инфаркта особых жалоб на сердце не было, жил, как будто этого органа не существует, не чувствовал его. Можно сказать, был человеком без сердца или без сердечных проблем, этакий упрощенный вариант Ульриха – «человека без свойств»³. Во мне было все и ничего одновременно. При этом вел здоровый образ жизни, следил за питанием, умеренно занимался спортом, не пил и не курил последние 20 лет.

Первые проблемы с сердцем случились после предательства моей голубоглазой Ксантиппы, предательства вероломного, неожиданныго и оттого весьма болезненного. Помню этот осенний день 19 ноября: в глазах потемнело, резкая боль в груди – и вот лежу абсолютно голый под операционными софитами, окруженный людьми в белых халатах и масках, сознание то приходит, то покидает меня. Инфаркт. Подвела жена Сократа.

Как хочется колы, никогда раньше не пил колу и даже, можно сказать, не любил этот напиток, а сейчас бы выпил холодную, с пузырьками, щекочущими нос. Как хочется колы в запотевшей бутылке!

По прошествии времени нашлись оправдания ее поступку, причем в разное время придумывались разные варианты. Самый простой и очевидный – она сошла с ума, так проще было утешить свое задетое мужское самолюбие. Много позже пришло понимание, что на самом деле вина была исключительно моя, ошибка в выборе: женился на ней добровольно и по любви, зная и игнорируя ее непостоянную и легкомысленную сущность. В любом случае в браке появились на свет трое прекрасных детей, и, в конце концов, успокаивал я свое раздутое эго, у известных мужчин дети рождаются от разных женщин, среди которых немало женщин легкого поведения. Грубо по форме, но верно по содержанию. Осталась самая малость – сделаться знаменитым, но для начала надо просто выжить, просто чтобы новое сердце прижилось.

Тем более это был мой второй развод. По законам драматургии в первом браке роль негодяя досталась мне. Закон бумеранга никто не отменял, и вот спустя десять лет мне мощно прилетело прямо в лоб, а точнее – в сердце. Болван, переступив через дочь и верную жену, совершил неравнозначный обмен духовного брака на эстетический. Пора перестать самостоятельно выбирать себе

³ Герой романа Р. Музиля «Человек без свойств».

жен, не сильно получается, оба союза просуществовали ровно по десять лет. Dum spiro, spero! Пока дышу, надеюсь! Если выживем, то непременно найдем кого-нибудь на следующую десятилетку.

Очень хочется пить, в висках стучат назойливые молоточки и выбивают одно и то же слово: «Кола! Кока-кола» – это влияние неродного сердца.

Голубые глаза. Это отдельная история. Тотемная легенда моей материнской родословной. Бабушка и прабабушка – голубоглазые красавицы, мама тоже красива, но с карими глазами, и вот когда ее любимый сын подрастет, женится на голубых глазах и вернет их в семью. Девушка с голубыми глазами априори не может быть плохим человеком – детский крюк, который долго и плотно держал меня за шиворот. Это мне потом психолог объяснил, что глаза не у всех являются зеркалом души и что не глаза надо искать, а человека, и вообще, у Гитлера, хоть он и не девушка, тоже были небесно-голубые глаза. Это был самый убедительный, железобетонный аргумент, такие козыри крыть нечем. Я долго думал: прощать ли предательство? Все течет, все меняется, но в одну реку дважды не войдешь. Сосуд надо чистить изнутри, а не снаружи, – что-то определенно происходит со мной, никогда прежде не мыслил затертыми цитатами из соцсетей.

Когда ж я доберусь до колы?! Жутко хочется пить...

Инфаркт вскрыл врожденные пороки и патологию клапанов сердца. Со временем эти факторы привели к выраженной сердечной недостаточности последнего типа. Так я оказался в клинике, которая специализировалась на трансплантации органов. Если бы не инфаркт, а точнее, не будь той измены моего голубоглазого проклятия, то умер бы безболезненно, но гораздо раньше отпущенного среднестатистического срока. А так еще поборемся.

Правда, в последнее время тянет закурить и выпить, стал нравиться рэп. Неужели донором был черный парень?! Теперь вот настал черед кока-колы. Осталось купить джинсы с заниженной посадкой, бейсболку и толстую золотую цепь. Какие-то тупые шаблоны и стереотипы. Почему черный парень, и откуда ему здесь взяться? Как будто белые не пьют колу и не любят рэп. Стало даже как-то неловко за свои мысли, всегда считал себя глубоким человеком, а тут такой интеллектуальный примитивизм. А может, это тоже из-за нового сердца? Бред какой-то...

Надо будет где-то найти колу.

Жизнь мужчины – это цепь витальных неудач. Женщины, которых не умеем любить, шансы, которыми не сумели воспользоваться, калейдоскоп потерь и разочарований. Моя сегодняшняя биография – плотно запротоколированная история болезни, но ведь когда-то была другая, абсолютно счастливая жизнь, не обремененная ошибками.

В детстве не было во мне ничего примечательного, кроме больших любопытных глаз. Мои сверстники уже тогда были поземному прагматичными, я же ничем посюсторонним не интересовался. Любимым моим занятием было оставаться одному и предаваться мечтаниям. О чем мечталось? Да это не мечты вообще, а, скорее, нелепые фантазии. Чаще всего фантазировал о том, как гуляю в облаках, точнее, сижу на облаке высоко над землей, смотрю на нее сверху, то приближаясь к ней, то удаляясь. Позже, когда я стал взрослее, фантазии обрели земные очертания, мне полюбились прогулки по крышам многоэтажек, маленькому человеку было приятно смотреть сверху вниз на маленьких людей.

В моей внешности не было ничего вызывающе спорного: когда большинство живет в удивительном противоречии со своим лицом, я с раннего детства с ним ладил. Вроде нравился девочкам и не имел обидного прозвища среди уличных товарищей. Как говорится, не было во мне телесного недостатка, который привел бы к умственному избытку. Золотое время счастливого и беззаботного детства.

В общем, до самой зрелости ничего непредвиденного со мной не случалось, ходил проторенными дорожками, ими же и возвращался.

Хотя один случай в детстве запомнился. Сбежал из детского сада. Выбежал за ворота и помчался домой, благо, что дом был в ста метрах, побег из «тюрьмы», но не на свободу, а в другое, более безопасное место. Такие «побеги» свойственны многим людям и зачастую становятся правилом поведения на долгие годы, по крайней мере так было со мной. Тем более, как оказалось позже, мой дерзкий побег проходил под наблюдением воспитательницы и по совместительству нашей соседки по подъезду. То, что мне казалось смелым поступком, в чужих глазах было не чем иным, как контролируемым падением «сбитого летчика».

РЕАБИЛИТАЦИЯ. RESTITUTIO

У таких пациентов, как я, первые послеоперационные дни сводятся к частому сну и редким моментам бодрствования. Организм восстанавливается от полученного во время операции стресса. Остаточное действие наркоза существенно ограничивает понимание происходящего вокруг.

Обрывками сознания, отрывками памяти и напряжением воли мысленно очерчиваю контуры своего тела. Обнаружить себя еще не значит осознать. Или все же это я?! А кстати, кто же это, если не я? Впрочем, тогда еще было непонятно, что поиски себя самого не имеют срока давности и путь к себе занимает куда больше времени.

Эпизодами мною овладевали редкие мгновения полного счастья, кратковременное упоение волшебным, ни с чем не сравнимым чувством невыносимого бесконечного блаженства и легкости бытия. И это пройдет. «Мне определенно внутривенно ставят наркотики...» – рефреном пронеслось в голове.

Если смотреть на меня отвлеченными глазами художника, застрявшего между реализмом и абстракцией, то композиционная схема такова: мое тело распластано на больничной кровати. Надо мной один лишь побеленный потолок, будто экран кинотеатра. То ли как конец всякой реальности, то ли ее избыточность, *tabula rasa*⁴, пиши на нем загадочные иероглифы или наноси краску широкими мазками. Ты вновь оживаешь – хочешь, как знак, хочешь, как эмоция... Все вокруг вместе с моим взглядом устремлялось к этой чистой форме побеленного потолка, и только мое тело под одеялом выступало геометрической антитезой действительности. Рисунок на простыне представлял собой монохромную мозаику квадратов Мондриана, остальное убранство в палате льстило неразборчивому вкусу ее пациентов.

Немые больничные декорации свидетельствовали о том, что несколько часов назад мне сделали тяжелую операцию, которую провели врачи во главе с главным хирургом. Хладнокровно, с ясным умом и стерильной совестью они пересадили мне донорское сердце подобно тому, как садовник пересаживает из тени на солнце полюбившееся ему растение.

Статичный потолок поплыл кинопленкой теней, и передо мной тривиальным киноштампом первого кадра появился доктор в окружении лечащего врача и медсестры. На их участливых лицах застыли немые вопросы, причем, что бы они ни спросили, отве-

⁴ Чистый лист (*лат.*).

том будет молчаливое согласие. Я так устал от вопросов, анкет и врачей! Обессиленный сомнениями от того, что до конца не было понятно, в чем состоит успех этой операции. Признаюсь, за последнее время в себе обнаружилось много неприятно очевидного. К примеру, оказывается, мне не чуждо все «общечеловеческое». Причем во всех смыслах – и в прямом, и в переносном. И, что отвратительней всего, пришло осознание того, что когда тебе хорошо, то хочется жить любой ценой, когда плохо – то умереть, несмотря ни на что. Какая пошлость! Какой убогий мелкобуржуазный дискурс, для доктора филологических наук это крайне мелко...

– Доброе утро, пациент! Есть жалобы, пожелания? – приветливо начал доктор. – У меня к вам всего один вопрос, – уже нагнувшись ко мне, сказал плотный белолицый хирург. – Каково расстояние от Земли до Марса?

Мое разумное молчание дало понять человеку в медицинском скафандре, что перед ним все еще землянин.

– Вижу, что все в порядке. С технической задачей мы, врачи, справились, все прошло по плану, шов заживает. Теперь главное, чтобы ваш организм не сильно сопротивлялся донорскому органу, – продолжил доктор.

– Это седьмой день после операции? Каждые сутки меняйте повязку, обработайте раствором для заживления и наложите «Медипор», – доктор дал указания дежурному врачу. – Три дня не мочить, протираем больного влажной губкой!

– А вам, голубчик, – в старорежимном стиле обратился ко мне заведующий отделением, – рекомендую избегать поднятия тяжестей, не напрягать мышцы лишний раз, ограничить все физические нагрузки как минимум на месяц после операции. И кстати, позвольте представить, это наша ухаживающая медсестра Лара, она будет вашим ангелом-хранителем на время реабилитации и быстро поставит вас на ноги! – закончил доктор, жестом указав на сопровождавшую его миловидную женщину.

– Операция прошла успешно, не залеживайтесь, ЛФК подключим, – уверенным голосом продолжил доктор. – Все должно быть хорошо, воистину за каждой тягостью наступает облегчение, – положив руку на мою голову, уже тише промолвил он.

Покидая палату, он хитро подмигнул, и мне показалось, что повязка скрыла его улыбку.

Что? Мне что, достался религиозный хирург-философ? «За каждой тягостью наступает облегчение» – это же цитата из Корана. Откуда он ее знает? Или случайно попал? В следующий раз надо будет расспросить его поподробнее... Облегчение – это

понятие абстрактное и абсолютно относительное, если речь не ведется о физиологическом облегчении – вот оно действительно для всех одинаковое.

В палате осталась только медсестра Лара. Это была женщина средних лет, небольшого роста, со светлыми волосами и простыми, понятными деревенскими чертами лица. Звонким голосом она скомандовала:

– Позавтракали? Лекарства надо принять, поставим укольчик, сейчас измерим температуру и давление! Немного позанимаемся. А потом пойдем-поедем в сад подышать свежим воздухом. Уже положено – неделю как из реанимации перевели. Доктор сказал, вас пора на ноги ставить.

От ее быстрых рук исходило неосоздаемое материнское тепло, телесный контакт с женщиной пробуждал в моем организме желание жить.

– Адам, начнем с дыхательной гимнастики, вы долго были на искусственной вентиляции легких, – уверенно начала Лара. – Основное упражнение: выдох с сопротивлением.

Усадив меня на кровать, медсестра поставила на стол передо мной обычную литровую банку, наполненную водой, и трубочку в виде небольшого тонкого шланга.

– Делаем глубокий вдох и очень медленный выдох в трубочку через воду, – разъяснила Лара. – Выполняем не менее четырех раз в день по десять минут. Потом можно будет делать упражнение самостоятельно.

Я покорно набрал как можно больше воздуха и выдохнул его через трубочку, довольно наблюдая за пузырями в стеклянной баночке. В голове засела мысль сделать все возможное, чтобы как можно скорее восстановиться.

– Во-о-от, молодец! Такими темпами скоро мячик начнем надувать, – подбадривала медсестра. – Но пока рано, шов может разойтись.

Только этого не хватало, подумал я. Но вслух почему-то спросил:

– У вас дети есть?

– Бог не дал, – ответила Лара. – Но вы не отвлекайтесь и не филоньте. Теперь сделайте сжатие-разжимание пальцев в кулак по пять-семь повторений.

Я подчинялся указаниям с непосредственным детским послушанием, как будто это сама мама заботилась обо мне.

– Теперь сгибание-разгибание стопы. Молодец. Сгибание и разведение рук. На вдохе согни руки в локтях и разведи их в сто-

роны. На выдохе вытяни руки вдоль тела. По три-пять повторений, – внимательно руководила процессом медсестра.

Честно говоря, я быстро устал от такой, казалось бы, малозатратной тренировки, а ведь когда-то был в неплохой спортивной форме. Ну, ничего, еще нагоним прежнее.

– Для первого раза достаточно! Карета подана, ваше величество! – несколько фамильярно бросила она, указывая на больничное кресло-каталку. – Не забудьте маску и перчатки, еще не хватало подцепить что-то нехорошее.

Одна из 1400 колесниц царя Соломона в современной версии выглядела не так парадно, как исторический оригинал, и была слегка обшарпана. Тяговая сила в лице медсестры располагалась сзади. Мне помогли воссесть на этот передвижной царский трон, укрыли ноги легким пледом, и мы покатались по белым коридорам больничного муравейника.

– Сидите, дышите, получайте солнечные ванны, – оставляя меня в саду, весело отдала распоряжения медсестра. – Через полчаса заберу вас на массаж.

Теперь мои прогулки зависят от простодушной медсестры. Всю жизнь человек от чего-то или кого-то зависит. Люди так устроены. В начале жизни мы крепко зависим от родителей, они учат нас есть, ходить и говорить. Потом мы начинаем зависеть от социума: ясли, школа, университеты, коллеги. А что скажут люди? Это такие общественные созависимости. Мы нуждаемся в них, равно как и они нуждаются в нас. И только когда человек взрослеет, он приходит к своим реальным, искусственно созданным зависимостям. Для мужчин это всегда алкоголь, табак, наркотики и женщины – незакрытый перечень главных страстей среднестатистического гражданина. Необязательно нуждаться во всем одновременно, но что-то из списка всегда присутствует в жизни не мальчика, но господина. Удивительно, но к своим годам я пришел свободным от пороков и зависимостей, можно сказать, ничем не порабощен, ничем не ангажирован. Я – просто я. А так хочется принадлежать чему-то большему, чем просто Я. Мое Я должно быть соткано из я – брат, я – племянник, я – дядя, я – внук, я – фамилия, я – род, я – народ, и это и многое другое является частью меня, то есть мое расширенное Я. Освободиться или потерять их – значит не обнаружить себя реального, то есть стать чужим, неузнаваемым для самого себя.

Вижу, что через дорогу от нашего больничного сада есть магазинчик, там будет холодная шипящая кола, но движение очень интенсивное, машины идут плотным потоком, и нет

пешеходного перехода. Плевать. Главное, быть внимательным и аккуратным. Как в школе учили, посмотри налево, потом направо...

Какая жара! Но в тени сада очень зелено и красочно, цветы распустились, жужжат пчелки, поют птички – какие-то приторные открыточные виды маячат перед усталыми впавшими глазами. То там, то здесь появляются такие же, как я, люди-книжки, у всех нас имеется отличительная особенность – стерральная отметина на груди, след от вскрытия. С помощью этого искусственно созданного портала в грудь проникали врачи, раскрывая нас, как книгу, и, заглянув внутрь, они работали над нашими открытыми сердцами.

По двору блуждали не только люди-книжки, но и другие пациенты клиники с различными заболеваниями. У почечников виднелись торчащие из разных мест трубочки и висящие бутылочки; онкологические больные не имели волос на голове, бровей, а некоторые даже ресниц; жители травматологии были частично в гипсе. Короче говоря, у каждой болезни свои видимые отличительные черты. И только клиенты проктологов внешне ничем не отличались от здоровых людей, кроме того, что никогда не садились.

Давно замечено, что в больницах, тюрьмах и очередях люди избегают протокольных формальностей и очень быстро заводят разговоры на любые темы, процесс прорыва личной границы происходит мгновенно и бесцеремонно. Именно такой инициативный собеседник достался мне в этот солнечный ясный день, когда так хочется колы и совсем не хочется говорить. Это был молодой мужчина южной внешности, с равномерным волосатым покровом на теле и небольшими залысинами на голове. «С тестостероном у него все в полном порядке», – промелькнула мысль в моем мозгу. Говорил он бодро, уверенно, с сильным акцентом и активной жестикуляцией.

– Что, брат, сердце заменил, поставил новый мотор? – вальяжно, с улыбкой начал он беседу.

– Да, неделю назад сделали операцию, – вяло ответил я.

– И как? Приживается? Кто хоть донор, знаешь? – продолжил допрос настырный южанин.

А я ведь, действительно, не знаю, кто донор, и как-то особо не интересовался этим, пока не стали происходить со мной какие-то странные кафкианские превращения.

– Да я не в курсе, кто донор, мне без разницы, – щурясь на солнце, солгал я.

– Как без разницы? А если педик или транс? Ты что, брат, это не по понятиям, – ни с того ни с сего перешел на блатной жаргон пациент проктолога, – ты же вроде сам кавказец, должен понимать!

– Сам-то с чем лежишь, земляк? – решил я его подловить.

– А я, а я... как бы, короче... Геморрой у меня обострился, пришлось оперировать, – смущенно, сбавляя голос, ответил он.

– Понятно, – лениво, с довольной ухмылкой протянул я.

– Ты что, думаешь, сердце важнее задницы? – вдруг резко спросил он.

Всегда предпочтительнее в разговоре избегать уличной вульгарной терминологии, ограничившись, допустим, чисто медицинскими номинациями, но мое мнение здесь явно не учитывалось.

Не дожидаясь ответа, надвигаясь на меня, он начал палить как из пулемета:

– Ты знаешь, сколько я натерпелся из-за этого геморроя? Ни сесть, ни встать, ни в туалет нормально сходить. Диета – мяса нельзя, не переохлаждайся, не перегревайся. Да у меня вся жизнь под откос пошла! Что тебе?! Уснул, проснулся с новым сердцем – и никакого геморроя. Задница самый главный орган в человеке, я тебе авторитетно это заявляю! – не унимался мой собеседник. – Сердце – это просто насос, оно таких неудобств не доставляет, ты даже не чувствуешь его: что есть, что нету. Все важнейшие функции организма начинаются и заканчиваются в заднице! – гордо закончил он.

– Тут ты прав, – решил согласиться с темпераментным южанином я, тем самым дав понять, что разговор окончен полным моим поражением. – Сердце ничто в сравнении с анусом!

По дороге из сада мне вспомнилось, что еще Адриан Спигелий утверждал, что ягодицы нужны человеку исключительно потому, что являются природной подушкой, «сидя на которой, человек может праведно и усердно предаваться размышлениям о божественном».

ПСИХОЛОГ. PSYCHOLOGIST

Реабилитационный курс включал в себя посещение психолога. Для этого случая в клинике имелся штатный психотерапевт с какой-то абсолютно бихевиористской наружностью. Круглая голова, буквально советская прическа «канадка», на глазах очки с квадратной оправой. В этой для меня отталкивающей,

«позитивистской» внешности, казалось бы, ничего не было от трансцендентных признаков.

Полусон сдавливал мое сознание, меня вкатили в классический кабинет модного психолога, с хорошей дорогой мебелью и стенами, увешанными различными дипломами. Автоматически, почти по-приятельски поприветствовав доктора, мучительно осознавая всю абсурдность своего желания, бесконечно стыдясь, вдруг неожиданно возопил внутренний голос: «Верните мне мое сердце!»

– Доктор, – произнес я вслух, – поймите, это для меня метафизическая проблема.

– Да, понимаю.

– Именно мне по роду профессии просто необходимо вернуть мое сердце, ну я имею в виду... вы понимаете?

– Да, понимаю.

– Дело все в том, что, как мне кажется, я понял.

– «Кажется, понял»? – с ударением на «кажется» произнес доктор.

– Ну да, более-менее.

– Простите?

– Я понимаю сердце как несколько метафизический орган.

– А именно? Вы верующий? Какую исповедуете религию?

– Ну я своего рода мусульманин. Но... как сказать... не канонический. Скорее агностик, да и дело не в этом.

– Вы верите в Творца, но не исполняете религиозных обязанностей, – оборвал он меня. – Просто из уважения к традиции придерживаетесь, но не задумывались о Боге глубоко и серьезно. А операция поставила перед вами этот выбор?

– И это верно, но суть в том, что... как бы это выразить... я светский ученый.

– Это по долгу службы, это в силу профессии, как вы сами выразились, – оборвал он меня вновь. – У вас кризис. Все проблемы идут из детства.

И тут уже я прервал его. Не знаю почему, но на слово «кризис» возникла резкая реакция, слишком много их случилось со мной в последнее время.

Неожиданно для себя я спросил:

– А вы верите в Бога, доктор?

– Ну я как бы психолог, – тихо промямлил он. – Атеист. Психология – это наука, а религия – вера. Психология способствует тому, чтобы человек взял на себя полную ответственность за все, что с ним происходит. Мы показываем человеку, что его удачи и

неудачи связаны с ним самим, с его сценариями и с его выбором, без божественного провидения или, если хотите, божественного предопределения судьбы человека.

– То есть эксплуатируете пошлую идею материализма? Тогда к чему нам моделировать разные варианты жизни, если финал у всех один – биологическая смерть как конечная точка существования? А дальше что? Земля и черви? Вы бы и голос Бога в голове Авраама, приказывающий принести в жертву своего ребенка, приняли как явный признак серьезного психического расстройства, требующий немедленного лечения!

– Возможно, так и было, – хладнокровно ответил мой собеседник. – Но в те времена не было психологов и психиатров.

«Песок – неважная замена овсу»⁵. Унесите этого психолога-симулянта, это не мой уровень, мне нужен другой собеседник, этот для меня уже почти умер. Притворщик, а не врачеватель чужих душ!

...В палате нахлынули мысли. Чье во мне сердце? Женщины или мужчины, черного или белого? Если христианина, то тогда какого? Кто этот донор по национальности? Либерал или социалист? Грешник или праведник? И исходя из какой системы ценностей? Возможно, я уже другая личность и не несу ни перед кем никакой ответственности? Мой разум просто изнывал от всех этих вопросов, все, что мучило меня до операции, забылось в одно мгновение, а то, о чем не думалось, захлестнуло с головой. Странно, почему эти мысли не приходили ко мне до трансплантации? Стало быть, главным было то, где и как пройдет операция? Выживу – не выживу? Конечно, не на последнем месте – за сколько? Что за бред?! Я с гордостью отношу себя к интеллектуальной сфере, то есть к духовной, хоть слово и понятие истертые. Но все же... занимаюсь наукой, преподаю, обсуждая со студентами вопросы, в том числе и бытия, смысла жизни, проблемы смерти, а с коллегами по одному цеху... Стоп! Это безумие! Слушайте, мое сердце подменили, оно же не мое! Чье это чуждое мне сердце? Оно навязывает все эти вопросы мне. Оно как шпион, как враг. Стоп! Враг? Во мне враг? Да что со мной?! Бездушный кусок мышцы, качающий кровь... ага! Душа располагается где-то в другом месте, не в сердце, хорошо, допустим так. Так, так, так... Ну и есть разум, есть душа, допустим, где-то пусть даже есть дух! Стоп! Дух, он где витает? Везде. Везде – где? Человеческий дух, он где? Ведь нигде не сказано, что в сердце. Да я не отрицаю, что он есть, только это тайна из тайн. Ну а сердце зачем?.. Хватит ненужных рефлексий!

⁵ Слова Билла из новеллы О. Генри «Вождь краснокожих».

Уникальные способности сердца – это народный фольклор, вымысел. «Сердце болит», «сердце радуется», «сердце не обманешь» «сердцем вижу», «сердце как камень», «чует мое сердце», «сердцу не прикажешь», «место в моем сердце». Казалось, что эти просторечия давали мне, рафинированному филологу, определенное успокоение. Все вдруг представляло как мнимое и излишнее беспокойство. Да, кстати, вот еще: «как легко стало на сердце», просто хорошо, просто замечательно. Что там сердце? Меняют гендер в наше время и не страдают вовсе.

Машинально рука потянулась за снотворным. Заглотнул. Запил водой. Но лекарство не дало долгожданного беспомысленства. Может, и прав южанин, сердце – обычный насос?..

В таком неожиданном настроении приходил усталый сон, а в голове крутилась песня Only God can judge me⁶. Только рэпа мне не хватало. Или как там у Кафки: «Был ли он животным, если музыка так волновала его?»

Тупак побеждает Гомера... – последняя мысль перед отбытием в царство Морфея.

СОСЕД. PROXIMUM

Мгновение, разрыв реальности, и я проснулся. Одна иллюзия сменилась другой. Опять все началось по новой, проснулся и теперь ни одной секунды без мысли. От такого тяжелого пробуждения остается ощущение, что ты был частью чужого сна. Я никогда не выйду из больницы. Все просто: я не попал в больницу, я был в ней всегда.

– С какого момента своего существования человек может считаться человеком? – этим экзистенциальным вопросом прервал мои мысли сосед по палате, мужчина средних лет, худощавого телосложения, с необычайно острыми чертами лица и странным именем Вениамин.

Вообще-то я филолог, а не философ. Он что, в курсе, что я доктор наук? Конечно в курсе – здесь вообще все в курсе всего.

Лежу молча, не открываю глаз и делаю вид, что сплю.

– Нет, ну ты вот мне скажи, философ, с какого момента дитё становится человеком? – не унимался Вениамин. – Вот кошка, когда рождает котят, уже понятно, что это котята. Даже если кошку-

⁶ Тупак Шакур. Only God can judge me.

мать убить, они все равно вырастут кошками, ну или котами, будут так же ловить мышей, плодиться и размножаться. И никто никогда не догадается, что они сироты и выросли без матери.

Он шутит или всерьез? Какие, к черту, кошки?! Шрёдингера? У которого кошка не может быть живой и мертвой одновременно. Не так прост этот Вениамин.

– Была недавно передача по телевизору. Про потерявшихся в джунглях детей. Их нашли через несколько лет. Так вот, я тебе ответственно заявляю, что они внешне как люди, но по содержанию это не люди. Они ближе к зверьям: говорить не могут, передвигаются на четырех конечностях, лают и воют и, что самое интересное, так в передаче сказали, научить их быть людьми не представляется возможным, время упущено... Человек – существо социальное! – глубокомысленно закончил он.

Опять телевизоры... Когда уже запретят законом эти проклятые телевизоры? Еще остались те ослы, кто их смотрит?

Стоп! Вениамином же звали оруэлловского ослика из «Скотного двора», который заявлял, что «...Господь Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он лично обошелся бы без хвоста и без мух».

Какая сухость во рту после сна! Раздобыть бы колы, настоящей, а не той диетической из больничного буфета. Хочу колу. Традиционную. Сильногазированную. С сахаром и пузырьками. И непременно в стеклянной бутылке.

Затем пришла Лара, принесла завтрак, мы позанимались, и по нашей новой традиции, с помощью коляски и ее сильных рук, меня телепортировали в Эдемский сад. Стояла прекрасная погода, когда нет жары или холода, нет ветра и не совсем безветренно, короче говоря, окружающая обстановка погружала меня в такое нужное мне состояние гомеостаза, где две реальности сливались в одну.

На глади сознания тянулись извилистыми дюнами островки беспамятства, а мысли витиеватыми узорами тонули в зыбучих песках подсознания и сворачивались в воспоминания. Сквозь щели век, как в мутном стекле, проглядывалась величественная вязь горных вершин. Это мой дом. Летом вершины гор – как растаявшее эскимо. Солнце теплыми лучами слизывает снежные пики, шлифуя их серебристым загаром. Облака словно корабли с

белоснежными парусами, бросив якорь, причаливают в высоких ущельях. Идиллическая природа заглушает тишиной все звуки мира. Свежесть преддawnного воздуха, сладкого на вкус, словно базиликовый щербетный сироп, пробуждает зашмурившуюся природу к рождению нового дня. Я хочу быть с тобой, новый день! Я хочу вновь и вновь просыпаться каждое утро!

– Закурить не найдется? – прервав мой первый опыт медитации, присаживаясь рядом со мной, спросил незнакомый пациент клиники с таким же, как у меня, шрамом на груди.

– Закурить? – переспросил я.

– Да, обычной сигареты не найдется?

– Зачем вам сигарета в нашем положении? Ищите сразу пистолет. Пуля в висок – и бросите курить раз и навсегда, – попытался неуклюже пошутить я.

– Я не верю в их вред. Это миф, навязанный пропагандой здорового образа жизни, – оригинально ответил незнакомец.

Я присмотрелся внимательнее: рядом сидел угрюмый черноволосый парень лет сорока, по ощущению как будто бы ровесник, но выглядит старше. Что-то в нем напоминает булгаковского Воланда, только трости не хватает и штиблетов.

– Адам, – представился я.

– Очень приятно. Альберт.

– Странно, я всегда считал, что вред от курения очевиден и доказан, – сухо начал я.

– Это наивное заблуждение. Вы всерьез полагаете, что до сих пор фармацевтические гиганты с их денежными ресурсами не смогли изобрести лекарство от рака или СПИДа? – заговорщически, сбавляя голос, промолвил Альберт.

– Вы приучили себя никому и ничему не доверять? – спросил я.

– Это простая логика.

– Логика не всегда приводит к точной цели. Бывают ложные аналогии, которые приводят к неправильным выводам. Например, морской лев – это прежде всего лев, а львы живут в саванне, значит, морские львы живут в саванне? – попытался разъяснить я.

– Опять летают, – задумчиво посмотрев на небо, произнес Альберт. – Каждый раз что-то расплывают над нами, травят безбожно!

– Инверсионные следы? – увидев след от самолета, спросил я.

– Они их так называют. Но почему-то не всегда и не от всех самолетов они остаются. Когда правительство в отъезде, следы есть, а когда на месте – их нет! Совпадение? Не думаю.

– Вас надо познакомить с моим соседом Вениамином. Вы не знакомы? – шутливо переспросил я.

– И пандемию тоже они придумали – сокращают население планеты. Продают маски, перчатки и никому не помогающие препараты, – важно отметил он. – А вы и дальше продолжайте им верить.

– А как вы им доверились лечиться – с такими-то взглядами? – спросил я. – А как же подорожник и настойки на травах?

– Смеетесь? Хорошо смеется тот, кто смеется последним! – раздраженно произнес Альберт.

– Не смеюсь. В одном могу с вами согласиться – курящий врач и правда начинает вызывать недоверие. Посмотрите, их полно в саду.

– Так и я про то же, – довольно улыбнулся мой собеседник. – Так у вас есть закурить или нет?

– Я бросил двадцать лет назад и вам настоятельно рекомендую не обременять себя лишними зависимостями. Наблюдатель должен оставаться беспристрастным, – закончил наш разговор я.

Налицо синдром базального недоверия человека, подумал я. Родом из детства. Младенец доверяет родителям и через них доверяет миру. Со временем, с опытом ребенок начинает понимать, что мир вовсе не безопасен, он несет угрозу вместе с людьми, населяющими его. Нам труднее становится выстраивать межличностные отношения, пережитый опыт расставания ведет к разочарованию в людях. Недоверие к миру порождает недоверие к себе. Мы начинаем бояться не самих предательств – нам страшно за то, как мы сможем их преодолеть. Вероятная боль блокирует желание строить отношения. Жены предают мужей, мужья жен, граждане не верят правительствам, начальники не доверяют подчиненным и наоборот. Недоверие рушит семьи, ломает дружбу, подрывает мир между странами и народами. Но это не про меня, я продолжаю верить и доверять людям, хоть меня предавали не раз, но я себе благодарен за то, что во мне все еще сохранилась эта наивная детскость моей души.

Окончание следует.

Михаил НАДЕЖДИН

**«ВСЕГДА В МОЕЙ ДУШЕ
ЖИВЕТ ВЛАДИКАВКАЗ...»**

СТИХИ

Михаил Надеждин (Демушкин)

В декабре отшумевшего года исполнилось 120 лет со дня рождения поэта, журналиста, публициста Михаила Надеждина (Демушкина), многие стихотворения которого посвящены Владикавказу, да и Кавказу в целом. Однако мы о них, скорее всего, никогда бы не узнали, ибо единственный поэтический сборник Надеждина «Через страдания к звездам» вышел еще в 1963 году в далеком Сан-Франциско. Но проведению было угодно, чтобы он попал в руки терского казака, атамана станицы имени Александра Стародубцева Дмитрия Лозового. В 2011 году при финансовой поддержке Дмитрия Дмитриевича этот сборник был переиздан во Владикавказе.

И это справедливо, потому что поэт Михаил Надеждин беззаветно любил Кавказ, страдал от ностальгии, но по объективным причинам не мог жить там, куда влекло его сердце. Дело в том, что еще в ранней юности, будучи кадетом Владикавказского кадетского корпуса, он участвовал в Белом движении. А значит, навсегда был пригвожден клеймом врага советской власти – врага народа.

Михаил Демушкин (псевдоним Надеждин он возьмет много позже) родился во Владикавказе 21 ноября (4 декабря) 1902 года в семье войскового старшины Терского казачьего войска Иосифа Корнеевича Демушкина. Здесь еще в раннем детстве проявился его поэтический дар, а во время учебы во Владикавказском кадетском корпусе благодаря активному сотрудничеству в кадетском журнале «Досуг владикавказца» выкристаллизовывался его дух.

В тяжелое время для корпуса, для города, для страны выпало на долю учиться Михаилу Демушкину. Но занятия продолжались и в 1918-м, и в 1919-м, чередуясь с участием в начавшемся тогда Белом движении. За что воевали мальчишки-кадеты, встав плечом к плечу с отцами и старшими братьями? Отнюдь не помещиков и фабрикантов они защищали, а сражались, как им представлялось, за великую и неделимую Россию, свободного человека в ней, за поруганную веру и оскорбленные ее святыни, за поэтические образы русской старины и любимые книги, за впитанные с молоком матери представления о чести и справедливости, добре и зле. Они чувствовали себя стражами этих, по их глубокому убеждению, революцией уничтоженных ценностей. Надо ли говорить, что сражавшиеся в

Добровольческой армии беззаветно любили Россию? Ведь и для белых, и для красных была одна Родина, которой они служили согласно своему пониманию сыновнего долга. Вот почему главный стихотворный цикл книги Надеждина «Через страдания к звездам» посвящен ей – матушке России, которая по воле судьбы стала для поэта «суровой мачехой», измучившей его.

Мучения начались для поэта еще в годы Гражданской войны. Когда весной 1920 года кадетский корпус, в котором учился Михаил Демушкин, отбыл из Владикавказа сначала в Крым, а потом в Югославию, где продолжал работать в эмиграции, он был тяжело болен. ПроболеЛ практически целый год – сначала сыпным, потом брюшным, а затем и возвратным тифом, отчего и не смог эвакуироваться к моменту ухода из Владикавказа Белой армии.

Во Владикавказе же, занятом большевиками, бывший кадет Михаил Демушкин неоднократно арестовывался, попадал в застенки ЧК, где имел все основания считать каждый свой день последним. Так продолжалось до 1927 года, когда в одну из ночей Михаил Надеждин был в очередной раз арестован агентами ГПУ за принадлежность якобы к контрреволюционной организации, а чуть позже без суда сослан в Соловецкий лагерь особого назначения. Он мужественно переносил и все тяготы ГУЛАГа, и ссылку на Урал – в Красновишерск, куда ему разрешили выписать семью: овдовевшую мать и жену Надежду с дочерью Мариной. В невероятно тяжелых условиях Михаил Демушкин продолжал оставаться поэтом. Он оставался поэтом в Бутырской тюрьме, куда его поместили по дороге в Соловецкий лагерь, в товарном вагоне, в котором везли без воды и пищи в числе 40 других заключенных. Он был поэтом, когда преодолевал пешком в тридцатиградусный мороз последние 50 километров от Соликамска до места назначения и когда выкорчевывал лес и строил бараки...

Потом была Казань, где Демушкин работал на заводе, был Ставрополь, где в конце 1937-го его арестовали по ложному доносу и целый год продержали в тюрьме. А дальше была война, во время которой Михаилу Демушкину с семьей чудом удалось выехать в Польшу к родственникам его супруги Надежды Ивановны. Затем были скитания по Европе, пять лет в ожидании американской визы. И только в 1950 году вся семья Михаила Надеждина (к тому времени поэт уже взял себе этот псевдоним, ибо надежда, которая, как известно, умирает последней, была его путеводной звездой в самых трудных жизненных обстоятельствах) отправилась через Новый Орлеан в Сан-Франциско.

Много разочарований ожидало поэта и на другом конце континента. Но работа в газете «Русская жизнь», дававшая

возможность постоянно соприкасаться с культурной и образованной частью русского населения Америки, помогла преодолеть пессимистические настроения. Политические статьи и стихи Михаила Надеждина, его мягкая, нежная лирика обеспечили ему поклонников и друзей во всех концах света. А главной и определяющей темой его творчества оставалась тема родины и непреходящей тоски по ней.

Очень часто поэт вспоминал Кавказ, «землю отцов своих и дедов», старый бурный Терек, «с детства милую картину гор, уснувших в серебре», славу терских казаков и, конечно же, дорогой его сердцу Владикавказ с его «тихим Треком и говорливым Терekom, одетым, как фатой, в седые кружева», город, где по вечерам «на синем бархате чернеющих небес», навсегда поражающая воображение, «отчетливо встает резной узор мечети и полумесяца сверкающий разрез». Слово из распахнутого окна смотрим мы глазами молоденького кадета на этот чарующий, завораживающий Владикавказ начала XX века. И понимаем, что любовь, которую человек пронесит через всю свою жизнь, не становится меньше в сердце любящем. Она неизбежна и высока. Она гораздо важнее, чем что-либо другое. И она суть главная и определяющая тема высокой поэзии.

Ольга Резник

ДУМА

Здравствуй, Терек горделивый,
Наш красавец с пенной гривой,
Милая река!
Помни: в каждом честном терце
Бьется пламенное сердце,
Сердце казака.

Не забыли мы просторы
И родные наши горы,
Круг родных станиц!
И вишневое цветенье,
И весною ранней пенью
Перелетных птиц!

Помним Сунжу и Архонку,
Всю родимую сторонку
Помним наизусть...

Вспомнишь дуб с лохматой веткой –
И в казачью грудь нередко
Западает грусть,

Потому что возле дуба
Казака встречала любя
Вместе зоревать,
Потому что дуб мохнатый
Рос еще и возле хаты,
Где осталась мать!..

И мечтой своей горячей
Мы летим к земле казачьей,
К дорогой реке...
Не иссякнет нежность к дому,
Верность войску дорогомому
В терском казаке!

К. АБРАМОВУ

Я говорю с тобой, и кажется мне сразу,
Что мановением таинственной руки
Лег дивный мост на юг – туда, к Владикавказу,
Где нашей юности остались огоньки.

Ты помнишь, милый друг, те искренние речи,
Что мы с тобой вели в семнадцатом году,
Когда наш каждый шаг был честностью отмечен,
А юные сердца не чуяли беду?..

Там, Костик, было все: и молодость, и смелость,
Дерзание орлят, и смелые мечты...
Одна и та же песнь тогда иначе пелась,
Как ныне не споем, поверь, ни я, ни ты.

Ты помнишь тихий Трек и говорливый Терек,
Одетый, как фатой, в седые кружева,
Когда он, зарывав, бросается на берег
И от бегущих волн кружится голова?

А там, на берегу, в прозрачном лунном свете
На синем бархате темнеющих небес

Отчетливо встает резной узор мечети
И полумесяца сверкающий разрез...

Я вижу это все как будто на картине,
Я грежу наяву, не закрывая глаз,
И здесь, за много верст, в изгнание, на чужбине,
Всегда в моей душе живет Владикавказ.

Пусть он давно забыл смешливого кадета,
Пусть для него теперь я стал совсем чужим,
Но этой памятью мечта моя согрета,
И в мыслях о былом я не расстанусь с ним.

Я не забыл тех дней, когда на Осетинской
Беседа тихая, как ручеек, лилась
В уютной комнате, доньше сердцу близкой,
И время медленно текло, за часом час.

Бог знает, что нас ждет. Быть может, вновь разлука.
Но я тебе, мой друг, скажу: былого не сожжешь,
Нетрудно позабыть уехавшего друга,
А нового сейчас едва ли тут найдешь!

БЕССОННИЦА

Сегодня мне трудно запеть о веселом,
Сегодня я вспомнил опять о былом,
О том, что когда-то с таким ореолом
Манило идти за собой напролом!

Далекие песни, далекие были!
Как счастливы те, кто в мелькании дней
О прошлых кумирах давно позабыли
Для новых надежд и для новых огней!

Я прошлое видел, конечно, немного,
Но крепко с ним связан мечтою своей,
А жизнь без романтики слишком убога,
И я не могу позавидовать ей!

И детство, и юность, и молодость наши
Под знаком мечты золотой хороши.

И ею, как нежностью ласки, украшен
Расцвет молодой и широкой души...

В романтике – все наши лучшие чувства:
И дружба, и верность, и честь, и любовь,
И творческий взлет, и порывы искусства,
И песни, которых не спеть уже вновь!

Я детства не видел в суровых походах,
А юность и молодость в ссылке прошли,
Но яркость мечты не угасла в невзгодах,
Как боль за судьбу нашей милой земли!

Романтику можно найти под луною,
Но можно найти и на каторжном дне.
Она и в тюрьме не рассталась со мною
И там свои песни навеяла мне!

* * *

Под небом любой параллели,
В богатстве заморских чудес
Забуть ли нам скромные ели
И милый березовый лес?

Задумчивый шелест погоста
И дуб над зеркальным прудом –
Все это и близко, и просто,
Как отчий покинутый дом,

Как детства родная картина,
Как няниных сказок узор,
Как ночью при блеске камина
Сердечный, живой разговор.

Забуть ли калик перехожих,
Их образный, красочный сказ
О людях, на сказку похожих
И живших задолго до нас?

Всего не учтешь, не опишешь,
Как облик бескрайней страны,
Но в каждом из образов слышишь
Дыханье родной старины...

Поэтому хочется страстно
Писать, как о самом святом,
О Родине нашей прекрасной,
О сердце ее золотом!

Я в юные русские души
Вложить, как умею, стремлюсь
Не плач о России минувшей,
А веру в грядущую Русь!

* * *

Я не знаю, сон ли это
Или прошлым я живу,
Но пылающее лето
Вижу часто наяву...

Вижу яркие закаты,
Слышу мерный, ровный гуд –
То речные перекаты
В пенном кружеве бегут...

Вижу золото пшеницы,
Вдалеке – кудрявый лес,
А над ними, как мне снится, –
Ярко-синий свод небес...

Волны рвутся из Дарьяла,
Словно к Каспию спешат,
Вдалеке застыл устало
За Казбеком старый Шат...

С детства милая картина
Гор, уснувших в серебре,
И напевы муедзина
Ранним утром на заре

* * *

Не знаю, на этой ли бедной планете
Иль, может быть, где-то в системе иной
Мы встретимся снова, как тихие дети,
Во сне вспоминая о жизни земной.

Ничто не уходит навеки бесследно,
И память о прошлом, как тайную нить,
В своем подсознании дымкою бледной
Душа, улетев, продолжает хранить...

Когда-то потом, при особенной встрече,
Ты чувствуешь эхом растаявших снов,
Что видел уже этот гаснувший вечер,
Пронизанный лаской и взглядов, и слов.

Душа встрепенется, но эхо умчится,
И сердце забудет о том, что сейчас
Слегка приоткрылась бывшего страница,
Связав с ним грядущего новый рассказ.

ИЗ ДНЕВНИКА

Родной Кавказ! Мой край благословенный!
Ты, как живой, встаешь передо мной,
И я стремлюсь к тебе мечтой своей смятенной,
И я зову тебя душой своей больной...

Где ты, земля отцов моих и дедов?
К чему я здесь угрюм и одинок,
Немую боль отчаянья изведав,
Несу тоски своей нервущийся клубок?

Кому я нужен тут? И кто мне будет близок?
С кем поведу сердечный разговор?
И кто поймет печаль о драгоценных ризах
Твоих сияющих, неповторимых гор?..

Не видя выхода, покорствуя бессилью,
Я говорил уже и повторяю вновь,
Что берегу я ненависть к насилью
И для страны моей сыновнюю любовь!..

* * *

Ветер, друг летучий,
Поднимись под тучи,
Полети, как птица, к милой стороне...

С песнями веселыми
Над родными селами
Прошепчи на родине слово обо мне...

ВСПОМНИ...

В час, когда на небосводе
В ясной тишине
Золотистый месяц бродит,
Вспомни обо мне...

Если ласковость привета
Ты пошлешь весне,
Вспомни друга и поэта,
Вспомни обо мне!

Если дождь встречает вечер,
На твоём окне
Словно слезы человечьи,
Вспомни обо мне.

Если пляшет злая вьюга
В снежном полотне,
Вспомни ласкового друга,
Вспомни обо мне!

Если что-нибудь, как в сказке,
Видишь ты во сне,
О певце, не знавшем ласки,
Вспомни обо мне!

Тенгиз МАРЖОХОВ

НУЛЁВКА

ПОВЕСТЬ

В оформлении использована иллюстрация автора

Аслан шарил глазами по стенам, по потолку. Не различал прежних узоров. От интенсивности подсветки узоры менялись. Утром бывал один ландшафт грунта, днем другой. Вечером, когда тусклая лампочка начинала верховодить над скупым освещением, – третий. Ночью, когда она безраздельно царствовала, – четвертый. Каждый раз появлялось что-то новое, чего Аслан не видел раньше.

Он пытался сосредоточиться, чтобы войти в медитативное состояние и отвлечься от реальности. Приближалось время обеда. Он рассчитывал только на пайку хлеба. Баланда проходит мимо. Как долго протянет на хлебе и воде, он не думал. Даже намек на возможность зачерпнуть весло щей из келешованной шлёмки вызывал отвращение.

Весло, которое, доедая кашу, облизывал * * * * * ...

Шлёмка, из которой завтракал козел, или еще какая нечисть...

Нет, подобная перспектива разбивалась о гранит самолюбия.

Под вечер поднялся ветер. Сыграл на металлических ресничках тревожную мелодию. Пovýл. Ударился грудью в решку – просился в гости, разбойник. После стих. Тишина повисела часок. Потом полил октябрьский дождь. Сначала одиночные капли попадали в камеру. Затем дождь показал себя – стал заливаться

Окончание. Начало см. «Дарьял» 6'2022, 1'2023.

внутри через незастекленное окно, расположенное наполовину ниже уровня земли. По стене полился ручеек. Аслан присел на шконку и подобрал тапки. Вода сперва заливалась под пол, затем проступила, затопила пол и полилась рекой, вытекая в щель под тормозами.

В коридоре забегали. Послышался мат. Заелозили швабра с тряпкой. Аслан когда-то читал, что в тюрьмах тропических стран, в карцерах, во время приливов вода поднимается чуть ли не по грудь. После остается ил по щиколотку, крабы и медузы. Он представил картину: грязную воду, затопившую камеру... Представил и поежился. В тропиках тепло. С голода можно крабов погрызть. Говорят, они питательные. Здесь же такой потоп ни к чему, проблема. И так холодно, еще и сырость. Река, рожденная октябрьским дождем, понесла травинки и сухие листья. Они исчезали под тормозами. Аслан, загипнотизированный, провожал их глазами. На мгновение он представил: бегущая вода напомнила ему завиток бороды могучего Терека. Господи!.. Донбеттыр и здесь нашел меня, шлет свой привет.

Здесь даже грязь не такая, как у нас, на Кавказе, подумал Аслан, разглядывая пол, или то, что оставил после себя потоп. Он тронул щеку. На пальцах – грязь. Рассмотрел черные пальцы, понюхал... Здесь другая грязь. Аслан открыл кран, умылся. Жаль нет мартышки, посмотреть бы на себя. Скулы ломило, щеки жгло.

С недавних пор Власов применил новую тактику унижения. Если раньше он начинал дежурство с утреннего обхода под крышей и просто дубасил за режим, за доклад, то теперь не просто дубасил. Он приказывал выволакивать нарушителя режима из камеры, ставить на растяжку. Обработывал дубиной – подмолаживал, чтобы не заживали раны. После растяжки бедолагу валили на пол, пристегивали руки за спиной к трубе. Власов подходил, вытирал грязные ботинки о лицо, приговаривая: «Я говорил, что сделаю из тебя половую тряпку?! Ты у меня научись докладывать! Я тебя научу соблюдать режим! Или буду приходить и вытирать об тебя ноги! Ты будешь половой тряпкой, пиковый! Понял?!»

Аслан смывал с лица грязь и думал: эта грязь не такая, как у нас. Его трясло. Трясло от возмущения и злости. Но страха не было. Страх был по другому поводу.

На днях к нулевке подошел козел, обитавший под крышей, падаль конченная. Стукнул в тормоза. Аслан прислушался.

– Пиковый, ты живой? – бросил козел.

На вид он был чернявый, как черт. Проявлялась примесь то ли южной, то ли цыганской крови. Раньше он блатовал в лагере, потом переобулся. Перекрасился в красный цвет и подвизался козлом под крышу. За тремя замками гулял, как кум короля. Совсем страх потерял. А людского воспитания и совести в нем отродясь не было.

– Пиковый, девочку еще не сделали из тебя? – хохотнул козел с коридора. – Подожди, скоро сделают! Недолго осталось.

Аслан подскочил как ошпаренный. Метнулся к тормозам, саданул кулаком по металлической обшивке.

– Слышь, ты, козлина! Где ты мне попадешься на продоле, там же я тебя сломаю! И мусора тебе не помогут!

Из глубины коридора послышалось нахальное:

– Посмотрим.

Этот страх был главным, всеобъемлющим. Аслан был уверен, что физически может выдержать многое, сломать его очень не просто. Морально тоже – духом падать он не собирался.

Но как быть, если особо рьяные поборники режима пойдут на унижение его мужского достоинства? Если предпримут запрещенные приемы? А то, что такие методы практикуются, Аслан слышал еще на воле. Да что там слышал – даже встречал пострадавших от этого. Не дай бог попасть в эту масть, в эту касту. Обратной дороги нет. Лучше смерть. Тем более для парня с Кавказа. Определенно, лучше смерть. Этот страх не давал покоя. Разрушал изнутри. Обесценивал прожитую жизнь. Воспитанный в духе кавказских традиций, где честь ценится дороже жизни, он решил, что, если до этого дойдет, пожертвовав своей, заберет чужую.

А если такой возможности не будет? Тут подлость и коварство правят бал. Могут ударить исподтишка, в спину... Об этом лучше не думать. Мысли проваливались в жуткую бездну. И поднял эту муть, задел стрёмную струну козел, обитавший под крышей. Наступил на больной мозоль. Посыпал соль на рану. Аслан переключился. Если раньше его злость была направлена на Вову Чечена, на Власова, на Павла Анатольевича, то теперь он хотел добраться до козла, обитавшего под крышей.

– Страх разрушает, – говорил тренер. – Разрушает тело и подтачивает душу. Дух покидает такое тело. Ни при каких обстоятельствах не падай духом. Упадешь духом – потеряешь разум. Разум задает телу режим существования. Внуши себе – и тебе станет жарко. Внуши – и станет холодно. Представь себе – и увидишь любую картину. Так можно побороть страх. А бесстрашный человек

непобедим – это секрет нартов. Сможешь входить в это состояние силой мысли – ты мастер.

Аслан входил в медитативное состояние и забывал про боль, голод, холод. Как милые тучки после дождя, уплывали они за горизонт спокойствия. Злость, агрессия, страхи, как змеи, убаюканные дудкой факира, расползались по норам и щелям. Его обволакивало теплое лучистое сознание и несло по волнам воображения. Тело могло лежать, сидеть на шконке, ходить по камере. А душа была далеко, была свободна. Он мог пойти к матери, обнять, посидеть рядом. Мог побывать в кругу семьи. Среди братьев и родни. Побродить по родному городу. Постоять на любимом пятачке, потравить с кентами анекдоты. Мог перенестись в горы. Представить себя в любой декорации. Но стоило лязгнуть замку. Скрипнуть металлической задвижке. Грохнуть и покатиться по коридору тюремному шуму. Как тут же из всех щелей выползли страхи. Появлялись голод с холодом в обнимку. Боль тащила за собой злость и агрессию.

Голод становился все навязчивей. На завтрак пайка хлеба с теплым чуть подслащенным чаем. На обед и ужин по пайке хлеба. Пайка – отрезанный от буханки кусок толщиной в палец. Утром белый, в обед и вечером – серый. Весь рацион – хлеб и вода. Аслан заметил, что до желудка ничего не доходит. Он пережевывал так тщательно, что хлеб таял во рту, рассасывался и впитывался в десны. Сначала он съедал мякиш, затем смаковал коркой. Запивал утром чаем, в обед и вечером – водой. После принимался уговаривать желудок подождать до следующего приема пищи.

Голодному помогала надежда. Он говорил себе, что надо держаться еще день и все кончится. Тогда он не знал, что просидит в нулевке девяносто суток. Дни он не считал – сбился. Радио молчало. Количество суток при водворении в изолятор ему не объявили. Он был узником.

Снились голодные сны – цветные, яркие в противовес неприглядной, суровой реальности. Какая еда только не снилась! Осетинские пироги с разными начинками, мясо вареное и цахтон, шашлык под томатным соусом, красные яблоки, желтые груши, персики, арбуз, всевозможные сладости, орехи. И все это настолько явно, что Аслан просыпался от скрежета зубов. Он жалел, что проснулся. Пытался снова погрузиться в сладкий сон. Но нарочно не получалось. Сны приходили по своей прихоти, когда хотели. Как-то раз сквозь дрему Аслан услышал, будто кто-то царапает шконку. Подумал: показалось. Он лежал, обняв трубу ото-

пленя, и не хотел поворачиваться. Царапанья продолжились. Нет, не показалось. Борясь между любопытством и мистическим страхом (кто может быть с ним в этой могиле?), он повернулся. Вроде ничего... Только что это? По ножке шконки ползло что-то серое. Аслан в растерянности протер глаза. Это была крыса. Она усердно карабкалась вверх, как по столбу на масленичной ярмарке за подарком, и ее совершенно не смущало присутствие живого человека. Аслан достал из-под себя тапок и сбил наглухую крысу со шконки. Крыса приземлилась на лапки и была крайне недовольна таким бесцеремонным обращением. Аслан не мог сообразить, откуда она взялась. Тут даже кабур нет. Убегать крыса не думала. Гладкий и гадкий хвост, как змей-полоз, изгибался петлей. Аслан запустил тапок в крысу. Крыса отпрыгнула. Подбежала к дыре – канализации – и скрылась. По мокрому ходят, твари, подумал Аслан и припомнил, что слышал, как в изоляторе кому-то погрызли мочки уха.

Несколько дней спустя Аслан крепко спал, что бывало крайне редко. В таком состоянии, когда нервы на пределе, да и физические возможности тоже, границы сна размываются. Днем бодрствуешь, как во сне, а ночью уснуть не можешь – дремлешь. Но бывают часы – темные ямы, в которые проваливаешься и спишь как убитый. Сейчас Аслан провалился в такую яму. Он спал в позе эмбриона, прислонившись спиной к трубе отопления. По позвоночнику растекалось приятное тепло. Разомлевший, так и проспал бы до утра, если бы не почувствовал резкий запах. На днях Аслан подошел к решке подышать. Посмотрел в щель, глоток холодного осеннего воздуха легким перышком пощекотал ноздри. Аслан потрогал переносицу. Видимо, заживает, раз обоняние возвращается. Резкий запах, как нашатырь, пробудил его. Он приоткрыл глаза, не понимая, что происходит. Поднял голову, огляделся и обомлел. На плече у него сидела крыса. Она смотрела черными крысиными глазками и шевелила усами. Аслан дернулся, скинул крысу на пол. Она отбежала к дыре. У дыры сидели еще две крысы. Рука машинально схватила тапок. Аслан замахнулся и крикнул: «А ну, пошли прочь!» Крысы одна за другой попрыгали в канализацию. Вернулась с подмогой, вот же тварь, подумал Аслан. Он потрогал ухо и с облегчением выдохнул. Вовремя проснулся, не успела укусить.

Аслан полдня думал, как быть. Ведь в следующий раз он может вовремя не проснуться, а перспектива быть покусанным крысами его совсем не устраивала. Может, заделать дыру или приспособить какую-то крышку? Но материала, из чего можно сделать крышку,

не было. Ничего не было. Пусто. Тогда Аслан стал размышлять по-другому. Крысы ведут себя как дома. Похоже, я у них в гостях. Тоже мне, тюремные жители. А раз тюремные... значит, с ними надо делиться. Он отломил от вечерней пайки четвертинку и положил возле дыры.

Наутро хлеба не оказалось. Аслан стал по вечерам класть на это место четвертинку. Больше крысы на глаза не показывались, но хлеб забирали.

Аслан рассмеялся от души. Вот же тварь! Плати налоги – и спи спокойно!

Крыша жила по своему распорядку. По-своему вела счет времени. Когда стучала суставами. Гремела костями. Скрежетала замками. Скрипела и хлопала дверьми. Козел, обитавший под крышей, по будням выводил мужиков на работу – вязать сетки. В планшете помечал – сколько человек выходит из каждой камеры, кто выполняет план, кто нет, освобожденных от работы и тому подобное. Он знал, что пиковый отрицала не выходит на работу, но все равно мимо нулевки не проходил. Подходил, чтобы, как деревенский хулиган, позлить «волка». Правда, если в деревне найдется и сердобольная душа, которая пожалеет, то здесь такой души не было. Здесь были утренняя и вечерняя поверки. Утренняя – агрессивная, злая. Вечерняя – насмешливая, издевательская, провокационная. Аслан понимал, что портит статистику, как единица-колышек в той графе, которая желательно должна пустовать.

Перевести колышек в другой разряд была задача для Власова. И неважно, как он этого добьется. В ИК-9 Борисоглебска не должно быть отрицательных осужденных. Блатные и полублатные могут быть. А отрицательные нет. Блатные, те, у кого есть блат, идейно неопасные. Такие будто играют в тюрьму. Подражают уркам во всем: жаргон, наколки, четки. Одним словом, лагерная романтика, выраженная через внешнюю атрибутику. Они до поры до времени пальцы гнут – блатуют, но при случае против администрации не пойдут. Даже подыграют, как козлы, ведущие стадо на убой.

Другое дело отрицалова. Режим содержания нарушают. Имеют дурное влияние на массу. На контакт с администрацией не идут. Контролировать их невозможно. Значит, с ними надо бороться. Безжалостно бороться. А методы борьбы бывают разные. Изучить феномен преступника, разработать многоходовую операцию

и, не марая рук, прыгнуть в дамки – это работа кумчасти (оперативного отдела). Власову ближе простые методы. Есть установленный режим, и нарушать его зампорор не позволит. Высунувшийся из полотна гвоздь забьет обратно. Забьет, чтобы другим неповадно, чтобы не нарушали. Над целесообразностью режима как такового он голову не ломал. В морально-этическую сторону не вникал. Воспринимал просто как данность. Соблюдаешь режим – сиди тихо, нарушаешь – ломаем!

Другое дело зам по безопасности Миронов. Родословную свою вел с дореволюционных времен. Насколько знал, всегда Мироновы служили при власти и, почитай, все офицерами. И он продолжил традицию – служит. Наказ отца и деда хорошо помнил: «Как власть меняется, так, стало быть, идеология меняется. За что вчера били – сегодня милуют. Поэтому, чтобы не запутаться, не сбиться с пути, делу служи и на том твердо стой». Следуя семейному наказу, Миронов нашел себя в работе отдела безопасности и дослужился до зампобора. Никакой идеологии – нашел у человека запрещенный предмет (заточку, карты, деньги, наркотики), тогда и наказывай. Все просто, факт – наказание. Ведь факт – вещь упрямая. Факт при любой власти, при любом режиме – факт. И невелика разница, каких традиций придерживается тот или иной субъект и какому богу молится. Закон для всех один. Бражка, наркотики, карты, заточки запрещены хоть в остроге, хоть в тюрьме, хоть при царе, хоть при коммунистах. Исходя из этого, Миронов порой не понимал чуждой логики отдела по режиму. Например, за что так мурыжат пикового? Ничего запрещенного у бедаги не нашли. Подкоп он не рыл, в побег не собирался. Бунт не затевал. Почти голого – босого, в одной робе и тапках, закинули в нулевку и дубасят почему зря.

Аслан боролся сам с собой. Он мог плюнуть на прошлое, отказать от своих идеалов. Заключить соглашение с администрацией. Подписать 106-ю. Вступить в секцию дисциплины и порядка (СДП). Начать наворачивать режим в лагере. Пользоваться послаблениями, жить припеваючи и освободиться раньше срока условно-досрочно. Он ходил бы в лучшем прикиде, какой только может быть в лагере. С ноги открывал бы дверь в столовую. Своими руками зачерпывал бы со дна самую гущу. Жрал бы от пуза. Строил бы всю эту козлотню. Отрабатывал бы на них удары. Обложил бы всех данью. Ему бы несли долю со всех куражей. Администрация была бы не против. Она, может, этого и добивалась,

чтобы такой отрицательный осужденный вдруг переобулся, перекрасился, поднял флаг красного режима. Для них это и есть исправление и перевоспитание. Власов перевел бы колышек в другой разряд и поставил бы плюс в правильной статистике: мол, не зря работаем.

Аслану претило это, он призадумывался, но всерьез не рассматривал такое развитие событий. Вывернуть себя наизнанку, плюнуть на прошлое он не мог. Перечеркнуть свою жизнь не поднималась рука. Как посмотрит в глаза пацанам, кто был рядом с ним в Каменке, во Владике? Нет, он не даст перевести колышек в другой разряд. Ему хотят навязать игру, где он шестерка, пиковая шестерка. Но Аслан понимал, что в своей игре он джокер. Только важно не дать навязать себе чужую игру. Он вспоминал Каменку, Абасова... Как попадал под молотки. Там тоже умели бить, били – мама не горюй! Но тогда он был моложе, сильнее. Собственно, сюда его и привезли потому, что там инструменты воздействия закончились. Там если видели, что ведешь себя достойно, как мужчина, начинали уважать. И можно было сыграть на этом, нащупать дно, опереться. Здесь же это не канает. Здесь присутствует что-то иное, чуждое кавказскому мышлению. Какой-то иезуитский подход. Сломать, и basta!

Аслан видел перед собой глаза Власова, как глаза бешеной собаки, вцепившейся в него не на шутку, и не находил, что сделать, чтобы отстала, на чем сыграть, на что опереться. Пока он расплачивался здоровьем, которое утекало, как кровь из открытой раны. Голод терзал душу, как капризный ребенок терзает мать. Холод, который с приходом ноября посеребрил инеем решку, пытал уже цыганскими иглами. К середине декабря решка обледенеет. Языки морозного воздуха будут тихо затекать в камеру, стелясь по полу. Под решкой образуется наледь, как каток, как горка в ледяном городке. И будет казаться порой при тусклом освещении мерцающей лампочки, будто маленькие гномики катаются на этой горке. Не считая зрительных галлюцинаций и снов, Аслан заметил, что перестал различать цвета. Все вокруг стало серой трясиной. Лишь видения и сны, грань между которыми стиралась, оставались яркими, цветными. С холодами стало суше, грязь подмерзла, и в этом были свои плюсы. Власов перестал вытирать об Аслана грязные ботинки. Но бить, унижать не перестал. Он по-прежнему приходил под крышу и устраивал сущий ад.

Утренняя поверка – агрессивная, злая. Вечерняя – насмешливая, издевательская, провокационная. В вечернюю поверку обыч-

но не били. Могли дурно пошутить, позубоскалить, пожелать спокойной ночи и удалиться. Крыша засыпала. Бывало, захрапит среди ночи, как старуха скрипом тележки хозбригады. Или швабра упадет у нерадивого шныря. Ветер поиграет на ресничках, повоет в колючке и путанке горемычные мелодии. Проснутся голоса – и давай перекрикиваться.

Как-то раз старший смены, заступившей в ночь, поглядев на Аслана через запирающуюся решетку, обронил:

– Ты смотри – живой еще... Вообще-то трое здесь повесились.

Тормоза захлопнулись. Замок проскрежетал два оборота. Поверка пошла дальше – клацать замками, хлопать дверьми. Аслан оглядел нулевку – пахло мертвечиной, почудилось присутствие темных сущностей. Где здесь можно повеситься?

«Да при желании... выбор богатый, – слышались голоса. – Можно на запирающейся решетке повиснуть. Можно, поближе к свежему воздуху, на решке удавиться. А можно и на шконку петлю накинуть. Петлю? Да, петлю. Порвать робу на ленты, сплести в канатик... или взять матрасовку – таким же макарон удавочку смастерить».

Аслан представил эту картину и поморщился. Голоса убеждали, что и он до этого дойдет, вернее – его доведут. Зачем так страдать, зачем мучиться, если можно разом все прекратить? Надо всего-то убедить себя. Перебороть страх. И все... Вечное блаженство! Аслан увидел весы, на которых взвешивают поступки. На одной чаше стоял он, с красной повязкой на руке, бродяга, перекусившийся в козла. На другой чаше... Аслан плюнул на свое видение, на свои мысли. Даже думать об этом не хочу! Оба варианта неприемлемы! Первый вариант по людским соображениям. Второй по вере. Смалодушничая – Бог отвергнет.

Дни Аслан не считал – сбился. Радио молчало. Количество суток при водворении в изолятор ему не объявили. Администрация не утруждала себя формальностью – сажать «через матрас» – когда по истечении наказания в штрафном изоляторе (пятнадцать суток максимум) осужденного выпускают в отряд только на ночь и снова сажают. Аслана вывели один раз на вахту, когда добавляли очередные пятнадцать суток, потом не делали и этого. Водворение в нулевку продолжалось для него бессрочно.

По закону держать в штрафном изоляторе разрешается не более сорока пяти суток (три пятнашки). Затем, если нарушитель не

исправился, должны менять режим – сажать в помещение камерного типа (ПКТ). В ПКТ могут держать до полугода. Но там разрешается больше личных вещей, сигареты, чай, кофе, а также книги и журналы, писать и получать письма. Если и после этого клиент не созрел и хочет продолжить квест, то его разрешается посадить в ЕПКТ до года. Если злостный нарушитель оказался крепким орешком, то его судят в крытую тюрьму. Он получает особый (полосатый) режим и приземляется во Владимирский централ – ветер северный, этапом из... или в Елец, Балашов, Чистополь, Златоуст.

В нашем случае до этого не дойдет, так как наш случай уникальный в своем роде. Наш герой или антигерой просидит девять суток в нулевке. Потом, под новый год, его переведут в ПКТ, в единичку.

Единичка – сестра-близняшка нулевки, камера по соседству, за стенкой. Если нулевка была пыточной камерой, комнатой страха, преддверием могилы, то единичка была лишь строгой сестрицей, с кем не забалуешь. И надо сказать, единичка была благороднее своей холодной сестрицы. Внешне они были одинаковые: размер, расположение. Но в единичке было застекленное окно, что не давало сквознякам разгуливать как хотят. И там была раковина, а не просто кран, гнутым носиком направленный в дыру, по которой, кстати, бегали крысы. Короче говоря, единичка была одиночной камерой с минимально допустимым для содержания людей набором удобств. По всем раскладам Аслана можно было поздравить с новосельем. Теперь не будет дышать на него холодом решка с обледеневшей губой. Не будет ощущения, что живешь на улице. Не станет дождь заливаться в камеру и петь свои горемычные песни ветер. Как много меняет хорошо подогнанная остекленная оконная рама. Определенно, единичка теплей и уютней.

Но статус Аслана не поменялся. Положение его все равно было незавидно. Он считался злостным нарушителем, потерянным для общества человеком, а значит, юрисдикция исправительного кодекса на него не распространялась. Его перерабатывал прессовочный цех со всей изощренностью административно-го производства.

Однажды утром Аслан заметил, что решка светится, будто включили мягкую светодиодную подсветку. Он посмотрел в щель меж металлических ресничек во двор и резко закрыл глаза. Все

было белое – и земля, и небо. Зима покрыла все вокруг пуховой периной. Аслан долго не отходил от решки, не мог надышаться утренним морозным воздухом. Ему хотелось, как в детстве, попробовать на вкус первый снег. Упасть и поваляться на чистой перине. Он погрузился в воспоминания. Его ослепило, залило светом...

Когда глаза привыкли, он огляделся, понял, что стоит в строю. Стоит в тонкой казенной телогрейке и в ботинках без шнурков. Руки пристегнуты за спиной наручниками. В строю человек тридцать. Командует парадом капитан Павел Анатольевич, при нем пара офицеров помладше.

– Значит так, осужденные! – начинает Павел Анатольевич сердито. – Вас собрали для выполнения 106-й статьи! А точнее, для уборки снега на плацу перед баракom СУСа! Так что не стесняемся, разбираем инвентарь!

Десяток совковых лопат свалили в кучу, как высыпающиеся из коробка спички или как сданное оружие поверженных козлов. Со всей зоны собрали небось, подумал Аслан, глядя на лопаты, да и на лица в строю. Среди мелькавших лиц знакомых почти не было. Лишь на другом конце, под шапкой-ушанкой и воротником телогрейки, казалось, таился Вова Чечен. Но сейчас это мало заботило Аслана. Его больше заботил вопрос: почему среди этих крутых парней он один в наручниках, да еще пристегнутых за спиной? Глядя на блаткомитет, на этих отрицал, которых действительно собрали со всех отрядов, даже вывели из СУСа, Аслан чувствовал какую-то театральную постановку.

– Так, что непонятно?! – гаркнул Павел Анатольевич. – Быстро похватали лопаты! Или кому-то придать ускорение?! – стал махать своими здоровенными колотушками в зимних офицерских рукавичках, то ли согреваясь, то ли разминаясь.

– Не хотите брать лопаты, утапывайте снег ногами, – предложил офицер помладше.

Строй качнулся и пошел паровозиком топтать снег. Прямо как в детском саду, подумал Аслан, провозжая взглядом паровозик.

– Ты, что стоишь? – подошел к нему Павел Анатольевич. – Самый умный?

Аслан молчал. Для него что лопатой махать, что ногами утапывать – все равно, выполнять 106-ю. Неприемлемо, западло.

Павел Анатольевич схватил своими ручищами Аслана и воткнул в большой сугроб вниз головой. Хотел попробовать на вкус первого снега? – подумал Аслан. Вот, пожалуйста, пробуй... Не успел он об этом подумать, как мощные ручищи достали его из

сугроба. Перед глазами мелькнула зимняя картинка лагеря – он проделал петлю в воздухе и снова воткнулся в сугроб по пояс. Лицо обожгло. В уши и ноздри набился снег. Аслан стал задыхаться. Он уже чувствовал такое, когда в горах его накрыл хвост лавинного облака. Тогда он выбрался сам. Сейчас не может. Уши заложило от давления, он начал терять сознание. Павел Анатольевич достал его из сугроба, поставил на ноги. Отряхнул – хлопнул по груди так, что Аслана шатнуло.

– Будем считать, 106-ю ты отработал, – хохотнул капитан. – Уведите.

Крыша жила по своему распорядку. По-своему вела счет времени. Когда стучала суставами. Гремела костями. Скрежетала замками. Скрипела и хлопала дверьми. Козел, обитавший под крышей, по будням выводил мужиков на работу – вязать сетки. В планшете помечал – сколько человек выходит из каждой камеры, кто выполняет план, кто нет, освобожденных от работы и тому подобное. Он знал, что пиковый отрицала не выходит на работу, но все равно мимо не проходил. Подходил, чтобы, как деревенский хулиган, позлить «волка».

Однажды он подошел к единичке, стукнул ключом в дверь камеры.

– Говори, – отозвался Аслан.

– Слышь, пиковый. Я тут узнал, бумаги на тебя стряпают... в крытую поедешь, в Елец. Там быстро из тебя девчонку сделают. Или все подпишешь, и тряпку в руки. Или опустят, посадят в обиженку и тем более все подпишешь, и тряпку в руки. Там разговор короткий.

Аслан молчал. Оставаясь спокойным, он кипел внутри. Его било то, что какой-то козел, шнырь оперской, до сих пор не угомонился. Подходит, провоцирует. Раз за разом наступает на больную мозоль. Правда, сейчас Аслан призадумался над словами козла. Он слышал про Елец. Слышал, как двух молодых пацанов из Воронежа осудили и повезли туда. Они не выдержали пыток и повесились. Там не просто издевались, там насильовали, опускали, загоняли в обиженку. Если так, по беспределу, ломали местных, то ему, парню с Кавказа, страшно и подумать... Надо что-нибудь предпринять, чтобы не попасть в Елец.

Аслан подошел к раковине. Умылся ледяной водой, чтобы остыть, чтобы отпустило. Давая стечь воде с лица, он склонился над раковиной, уперся в края руками. Закрыв глаза и попытался глубоко подышать, чтобы успокоиться. Вдруг под правой рукой

раковина качнулась. Аслан заглянул под нее. Она крепилась на двух металлических штырях, вбитых в стену. Один штырь плотно сидел в стене, второй шатался.

Аслан потянул на себя штырь. Из отверстия просыпалась бетонная крошка. Он вытер штырь о робу – конец был заточен, как карандаш художника. Ничего себе! Вот это да! Предмет двойного назначения. Аслан поблагодарил того, кто сделал это. Кто, отбывая наказание, время зря не терял. Подготовил грозное оружие. Но, видимо, не пригодилось... Кто бы это ни был, подумал Аслан, спасибо тебе! Он вставил штырь в отверстие и сдул с пола следы бетонной крошки. В голове созрел план.

Утром Аслан подозвал козла, обитавшего под крышей.

– Выведи меня на работу, – сказал Аслан через тормоза.

– Не положено, – ответил козел после паузы. – Тебя нет в разрядке.

– Ну внеси.

– Ты же отрицалова, пиковый, тебе западло работать! – начал ерничать козел.

– Тебе какая разница? Говорю, внеси в разрядку.

– Че, сетки пойдешь вязать?

Аслан не отвечал. Стоял под тормозами, слушал.

– Ну, я поговорю с бугром, – посулил козел и пошел по коридору.

Козел смотрел в свой планшет и не мог сосредоточиться. Его записи казались ему шумерской клинописью. Он машинально открывал тормоза камер, откуда выходили мужики-работяги. Правильно или неправильно выводит, тех не тех? – сегодня он был рассеянный и практически ничего не контролировал. Его поглотил вопрос: почему вдруг пиковый попросился на работу? Три месяца не выходил из камеры ни на прогулку, ни за матрасом – спал на железе. Отрицал и работу – никогда не вязал сетки, и хозработы – отказался убирать снег. Получал по горбу за доклад. Сидел на хлебе и воде. Видите ли, западло из келешованной посуды – принципиальный какой. А тут попросился на работу. Исправился? Переобулся? Не похоже. Может, пропустить это мимо ушей? Но формально, если осужденный просится на работу, он обязан вывести. Только что-то тут не так. Козел завел работяг в цех. Закрыл цех на замок. И побежал на вахту.

Хлопнула входная дверь. В коридор ввалился шум. Скрипнул зубами камерный замок. Бах! – открылись железные тормоза. Стоявшее, как вакуум, пространство камеры высосало в коридор.

Перед запирающейся решеткой стоял Миронов и два контролера. Один контролер держал деревянную киянку.

– Шмон! – объявил Миронов. – Вывести осужденного из камеры!

Аслана вывели и поставили напротив нулевки. Глядя на «ноль», пропечатанный казенным трафаретом, он почувствовал, как по спине пробежал холодок: не дай Бог снова... В этот момент он услышал, как в единичке орудует киянка. Вот подала глухой металлический голос решка. Вот прошлись по шконке, как по металлофону. Вот фальшиво звякнула раковина. За это получила еще. У Аслана внутри что-то дрогнуло. Из единички в коридор вылетел самодельный кипятильник и какая-то ржавая проволока. За ними тяжело громыхнул об пол штырь. Миронов поднял штырь и внимательно рассмотрел заточенный конец.

– В крытую собрался? – повернулся Миронов к Аслану, слегка подбрасывая в руке, как бы взвешивая, штырь.

– Никуда я не собрался, – ответил Аслан. – Но если в крытую... то хоть за дело.

Козел, обитавший под крышей, долго крутил в руках штырь, найденный в единичке. Потрогал острый конец – заточен на совесть. Он вспомнил угрозу пикового: «Слышь, козлина... где ты мне попадешься на продоле, там же я тебя сломаю! И мусора тебе не помогут!» Вмиг у него ослабели ноги. Ему сделалось дурно. Он понял, что этот штырь готовили по его душу. Этим штырем его закололи бы, как свинью. Рано или поздно он вывел бы пикового из камеры. Не имел права не вывести. И все!.. Черная клякса и белый мел. Он тут гуляет себе вольготно. Живет сыто на мужицких горбах. Домой собрался раньше срока по УДО. А тут на тебе – цугцванг. Сам себя загнал в угол. Поставил под удар. У козла, обитавшего под крышей, разболелась голова.

На днях под крышу пришел ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) капитан Карпов, Карпуха, как говорили и зэки, и сотрудники. Зашел в единичку. Постоял, огляделся. Показал на перекошенную раковину.

– Хулиганишь?

– Так было, – ответил Аслан.

Карпуха недоверчиво покачал головой и ухмыльнулся. Потом внимательно посмотрел на Аслана.

– Ты же осетин?.. Из Владикавказа?

– Да, – ответил Аслан. – Родился в Беслане, потом уже... во Владик.

– Понятно. Я сам вырос во Владике. У меня там братья, тетка... Ты присядь, – как-то не по здешним порядкам предложил Карпуха.

Аслан не понимал причину визита ДПНК и продолжал стоять.

– Плохие новости... мать умерла, – неожиданно сказал Карпуха. – Подробности не знаю. Просили передать, чтоб ты держался...

Все поплыло перед глазами. Земля стала уходить из-под ног. Аслан присел на шконку.

– Еще вот что... Послушай. Материал на тебя готовят. Хотят в крытую осудить. Дела серьезные.

– Ничего нельзя сделать? – с трудом сосредоточился Аслан.

– Попробовать можно. За крытую Власов и несколько офицеров топят. Хозяин колеблется – сор из избы... как говорится. Миронов до вчерашнего дня против был. Возможно, деньги понадобятся.

– Свяжись с моими, должны помочь.

Карпуха шагнул к выходу, остановился. Еще раз посмотрел на Аслана.

– Если что-то надо, мне скажи. Ни с кем ничего не передавай... сам понимаешь, где находишься.

Если бы у Аслана оставались силы, он бы закричал. Но сил не было, как не было эмоций. Он был опустошен. Пребывал в прострации. Мысли беспорядочно колотились в голове. Последнее время мать болела, не могла приехать. Но все чувствовала. Чувствовала, как тяжело сыну, что сын в беде. Молила Бога о спасении, чтобы сохранил сына, помог в трудную минуту. Получается, Господь забрал мать к себе, но услышал молитвы. Послал Карпуху. Кто б мог подумать, что здесь окажется офицер-земляк родом из детства!.. Мать живая стояла у Аслана перед глазами. Перед глазами, полными слез. Не проводить мать в последний путь – одно из худших наказаний. И это наказание выпало на его долю.

Аслан стоял неподвижно. Он дошел до предела, до истощения всех физических и моральных сил. Сейчас он без кожи, без мяса, в нем не осталось крови... Никогда не видел свои нервы, сухожилия, кости. Отчаяние голодной гиеной пришло и принохивается к нему. Подбирает момент, чтобы напасть, сокрушить, растерзать. Она говорит разными голосами... Порой кажется: все, остается один шаг, гиена клацнет зубами, вопьется в больную душу и никогда больше не отпустит. Зловонное дыхание ее так близко, что душа канарейкой в клетке начинает метаться, предчувствуя беду.

Аслан стоял неподвижно, но мысленно выполнял ката. Не было сил, все тело болело, но он бил руками, ногами, чем мог... Дух бился с тьмой до последнего. Он не мог уже заставить тело сражаться, сопротивляться, но и сдаться, погибнуть без борьбы тоже не мог.

Попытался через медитацию выйти из этого мрака. Утопить в ментальном облаке страх, голод, холод. Он положил тапки на железные струны шконки, присел, подобрал ноги. Погрузился в состояние отрешенности. Надо было полностью, тотально расслабиться, чтобы ничто не мешало выйти сознанию. Он закрыл глаза и выровнял дыхание. Научись входить в это состояние силой мысли – ты мастер, сказал когда-то тренер. Он прислушался к сердцу и попросил его успокоиться. После задышал глубоко и ровно. Клетка открылась, и душа-канарейка полетела ввысь. Канарейка летела все выше и выше. Через грозные облака и свинцовые тучи. Вдруг на порхающих крыльях души-канарейки блеснуло золотом солнце. Все засверкало. Небо возвысилось бездонным космическим пространством. Душа лопнула, подобно мыльному пузырю, и поглотилась этим пространством. Раньше он не прорывался сюда, за эту завесу. Доходил до края и... страх неизвестности не пускал. Душа обессиленная падала в бездну.

Облака клубились под ногами, он шел по ним, как по белоснежной перине. Все устранилось, осталась лишь легкость, невесомость. Как долго находился погруженный в состояние глубокой эйфории, он не понимал. По времени это минуты, по силе восприятия – вечность. В какой-то момент пред ним предстал путник. Он узнал в нем виденье юности, образ Господа-Иисуса. Он смотрел сейчас ясными глазами. Во взгляде было понимание. Знаю, казалось, говорил Он. Все знаю. И предан был в руки злых людей. И люди, державшие Его, ругались над Ним и били Его. И били Его по голове тростью. Мучили Его и издевались над Ним. Он проходил через страданье. Сам выбрал этот путь по неверию, дерзости, глупости. Он забыл Меня. Но Я не забыл Его. Я всегда оставался рядом, сопровождая в блужданиях по миру тьмы и боли. Я терпеливо ждал, когда в Его сердце появится проблеск желания вернуться ко Мне. Помогите, Господи. Если Я дам Тебе власть над палачами Твоими? Как Ты поступишь? Он призадумался, великое искушение смутило Его. Не хочу власти подобной, Господи. Уподоблюсь таким, как они. Стану на них похож. Лучше страдать, чем приносить страданье. Тогда смерть. Лучше смерть. Не боюсь смерти, боюсь позора, бесчестия. Не бойся. Тело тлен. Душа вечна. Не дано им прикоснуться к душе.

Аслан спал, прислонившись к трубе отопления. Спал крепко, как не спал уже давно. Спал как младенец. Ему снились красивые яркие сны, и он не хотел просыпаться. Ему не мешало то, что он спал на голом железе, подложив один тапок под голову, второй под бедро. Не мешал голод, который усиливался к полуночи, шарил по углам, травил желудок, гудел в голове. Все было не так, как прежде. Даже камера преобразилась, посветлела. Стала не одиночной камерой, а монашеской кельей. Его не тревожили крысы. Он хотел бы пронаблюдать, как они забирают четвертинку пайки. Но крысы строго выполняли договор: плати налоги – и спи спокойно.

За стенкой хлопнула входная дверь. В коридор ввалился шум. Утренняя поверка пришла под крышу. При этих звуках у Аслана начинали трястись колени. Он весь начинал дрожать. Выработался рефлекс – он перестал контролировать тело на физическом плане. Аслан, ты ли это?! – спрашивал он себя. – Что сделали с тобой эти свиньи? Довели до того, что при звуках поверки у тебя мандраж. Правда, так было до этого дня, до этого утра. Этим утром Аслана постигло озарение. Он осознал виденье. Осознал ценность своего переживания. Проснулся обновленный. Он смирился, попросил у Господа прощения. И отпустил ситуацию. В это мгновение он понял, что страх ушел. Покинул его, как капитулировавший враг. Гиена удалилась, жалобно скуля. Страх разрушает, а бесстрашный человек непобедим. От этого понимания дух выпрямился. Он перешел в измененное состояние сознания. Голова вдруг прояснилась. Мозг начал по-другому работать, будто включился внутренний генератор. Выпрямилась осанка. Легкие вздохнули. Тело налилось прежней силой. Он почувствовал былую мощь в руках, будто ничего не было. Не было шести лет тюрьмы, лагерей, не было бесконечных побоев, голода, Пятигорска, Каменки.

Скрипнул зубами камерный замок. Бах! – открылись железные тормоза. Стоящее, как вакуум, пространство камеры высосало в коридор. Через запирающуюся решетку на Аслана смотрели дежурный принимающей смены, дежурный сдающей смены, контролер. Возглавлял эту группу Власов.

– Утренняя поверка! – гаркнул дежурный. – Осужденный Тамаев...

Аслан назвал имя, отчество, год рождения.

– Доклад! – продолжил дежурный, косясь в планшет.

Аслан молчал.

– Опять за свое... давай на продол его! – скомандовал Власов. Аслана выволокли в коридор.

– К стене!.. Руки в гору! – хотели поставить Аслана на растяжку.

– Не стану я к стене! – огрызнулся Аслан. – Бей так!.. – в глазах его мелькнула уверенность.

Контролер замахнулся дубинкой.

– Бей! Что стал?! Не буду я докладывать!

Контролер медлил с ударом, дергал рукой, будто кто-то невидимый держал его.

– Да он обнаглел совсем! Тащите его на вахту! – проревел Власов.

Аслана приволокли на вахту. Закинули в предварилровку. Туда же набилась вся смена. Аслан вспомнил, как здесь, в предварилровке, принимал карантин Павел Анатольевич. Тяжелая же рука у этого мерина. Хорошо, хоть сейчас его нет. Власов забрал дубинку у контролера. Схватил Аслана за плечо, чтобы повернуть лицом к стене. Дернув плечом, Аслан освободился от захвата.

– А ну стал лицом к стене! – в бешенстве прокричал Власов.

– Не стану, – ответил Аслан. – Бей так, глядя в глаза! Что ты за офицер такой?.. Только в спину и можешь бить.

В этот момент Аслана пронял лихой кураж. Он понял, что страх – питательная среда для этих палачей. Когда жертва боится, кричит, просит пощады, они проникают в нее, подключаются и высасывают силу. Чем больше страх, тем легче сломать, дожать, ведь у всего есть предел. Когда он мысленно мстил им: резал на куски, выворачивал им суставы, выкалывал глаза, то сам становился жертвой, на которую собираются падальщики. Он осознал, что зря боялся, зря злился, зря ругал своих палачей. Теперь он выбросил месть из головы и принял неизбежное испытание без страха. И сразу почувствовал, как темные сущности отцепились от него.

Власов занес дубинку для удара и замер. Какая-то гипнотическая сила мешала ему начать применять спецсредства. Экзекуция, которую он проделывал тысячу раз, вдруг не удалась. Он не видел в глазах осужденного страха, а значит, потерял власть над ним.

– Не докладываю я! – подавшись вперед, сказал Аслан. – Че вы пристегнулись ко мне?! Не докладывал и не буду докладывать!

Власов так и остолбенел с занесенной над головой дубинкой. Он посмотрел по сторонам, как бы ища того, кто вызовется продолжить экзекуцию, но желающих не было. Как стая шакалов не

решается кинуться на волка, так и они лишь зыркали глазами, не двигаясь с места. Эту картину наблюдал, стоя в дверном проеме, замборбор Миронов. Он смотрел, как психиатр на пациентов.

– Или убейте его, или оставьте в покое, – проговорил деликатно Миронов. – Не видите, что ли? Он погнался.

Миронов поправил фуражку, повернулся, чтобы уйти, и бросил Власову:

– Вы его три месяца дубасите, а у него авторитет только растет.

Странное дело – впервые за десятилетие дал сбой прессовочный цех Борисоглебска. Перенапрягся, остановился, перестал давить из людской массы паштет. Перед администрацией стала дилемма: либо вообще отказаться от пресса, либо снизить требования к качеству выработки. Но надо было найти причину. Что привело к поломке? То ли ремень где-то порвался, то ли камень попал меж шестеренок? А камень, который попал меж шестеренок, сидел в единичке и тоже не понимал, то ли это временное затишье и скоро все начнется заново, то ли побил он их карту. Нет больше козырей. Сыграл джокер!

Крыша жила по своему распорядку. По-своему вела счет времени. Когда стучала суставами. Гремела костями. Скрежетала замками. Скрипела и хлопала дверьми. На кого-то властно кричала. Над кем-то смеялась, издевалась. Только Аслана это уже не касалось. Про него будто забыли, не тревожили. Даже на поверку перестали заходить. Просто открывали китовое веко шнифта, смотрели – живой... и шли дальше. Козел, обитавший под крышей, стал тише воды, ниже травы. О его существовании Аслан стал забывать. Лишь кормушка как прежде – три раза в день открывалась.

В таком режиме Аслан проводил зиму и встретил весну. Когда потеплело, на Пасху, пришел Карпуха и выпустил Аслана в лагерь. Пока шли до вахты, Карпуха что-то говорил, но до Аслана не доходил смысл слов. Аслан с непривычки щурился от света и был опьянен свежим весенним воздухом.

– Как ты понял, с крытой уладили, – сказал Карпуха, остановившись перед вахтой. – Теперь будь умнее, держи язык за зубами. Весь блаткомитет красный. Все смотрящие наши.

Аслан шел по аллее в отряд и не мог налюбоваться нарождающейся зеленью. Не мог наслушаться пения птиц. Не мог надыхаться, напиток голубым бескрайним небом. Казалось, он только

сейчас осознал значение, ценность природы. Неописуемую радость доставляло слышать, как ветерок расчесывает мягким гребешком кроны деревьев. Как ползают премудрые муравьи. Как легко порхает первая бабочка. Просто идти, видеть, слышать, дышать было для него невысказанным подарком.

В локалке одиннадцатого отряда стоял стол, за которым собралась братва. По традиции полагалось достойно встретить бродягу, вышедшего из-под крыши. Аслана пригласили к столу, посадили среди братвы. Пустили чифир по кругу. Братва понимала: шутка ли – пропереть больше полугода на хлебе и воде, в одной робе зимой, под постоянными издевательствами и побоями. Пропереть там, где, дело прошлое, три человека повесились. Они-то сидели по теплым баракам и гоняли чифир. А он сидел как на дрейфующей льдине, как узник подземелья. Они вообще не понимали, как такое возможно.

– А где Вова Чечен? – поинтересовался Аслан.

– В козлятник улетел.

– Как улетел? – удивился Аслан.

– По буху набуровил лишнего. После не смог обосновать. Получил по башке! Накипело. Когда его разгрузили, положение с келешованными шлёмками поправилось. Посуду ***** отделили.

Аслан хлебнул ядерного чифира – внутренности прожгло. Загудело в голове.

– Что-то Власова и его бей-бригады не видать.

– А ты не знаешь?.. Власов на дурке. А его правая рука, помощник по бей-бригаде, угорел...

– Как на дурке?

– До тебя, походу, сарафанное радио не доходило. У Власова сына зарезали в пьяной драке. Сына похоронил. Жена ушла. Он на дурку попал. Помощник его в своем доме угорел... то ли бухой был, то ли еще что... короче, нашли мертвым. Павел Анатольевич утонул.

– Как утонул?

– Он круглый год купался – моржевал. А недавно, только лед сошел, нырнул и не вынырнул. Вещи на берегу нашли.

Аслан не верил своим ушам. Как такое возможно? По телу пробежал холодок. Он взял со стола сигареты, закурил.

– Вот так... Боженька все видит.

В этот момент в локалку вошел козел, обитавший под крышей. В руках он держал сверток, обернутый в ларечную бумагу. Все напряглись: совсем козел рамсы попутал, совсем страх потерял, приканал не к месту. Аслан видел его через кормушку мельком и

только теперь рассмотрел. Довольно крупный. Одет в приличную, сшитую на заказ, робу. На голове феска. Наглый, бесовский блеск чернявых глаз пропал, сейчас он смотрел иначе. Козел подошел к Аслану. Снял с головы феску и неожиданно поклонился.

– Не побрезгуй, бродяга, прими от души, – сказал он и положил перед Асланом сверток. Затем выпрямился и добавил: – Если что-то надо, только скажи, для тебя по зеленой.

После обвел присутствующих презрительным взглядом и вышел из локалки. Пошел по аллее в сторону вахты.

– Одного бродягу-осетина признаю! – прокричал он.

Поглядывая на локальные сектора отрядов, Аслан замечал перемены. Теперь локалки не казались ему вольерами в зоопарке, откуда смотрели злые голодные глаза. Сейчас он чувствовал понимание, одобрение. Арестанты гуляли во двориках. Играли в шашки, шахматы, нарды. Занимались на самодельных спортплощадках. И даже загорали – то, за что раньше сажали на пятнадцать суток и подвергали экзекуции.

Аслан посмотрел в весеннее небо. Он понял, что, как только отпустил ситуацию, отбросил гордыню и мысли о мести, оставил на божью волю переживания за свою дальнейшую судьбу, он вернулся в изначальное, чистое состояние сознания и стал свидетелем присутствия высших сил. Произошедшие события поразили его, он и представить себе такого не мог. Аслан смотрел в весеннее небо. Небо сверкало как огромный сапфир. Взгляд тонул в нем, как в бездонном океане. Белой морской пеной раздувались облака. Они двигались и меняли формы, словно в гигантском калейдоскопе. Аслан мысленно поблагодарил Господа. Поблагодарил за то, что сохранил, преподал урок, позволил многое понять.

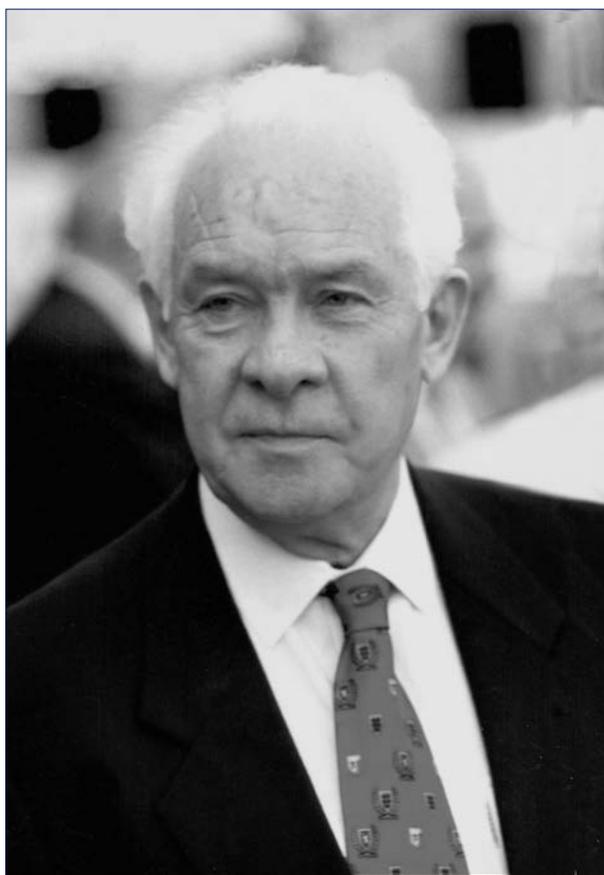
P. S.

В исправительной колонии (ИК-9) Борисоглебска Воронежской области, как в прессовочном цеху, из людей делали паштет. Трудно сказать, какая была цель у исправительной системы, но паштет получался что надо, со знаком качества. В этом месте по полной давали распробовать вкус наказания, а послевкусием всегда оставалось стыдливое желание забыть.

Правда, после известных событий бить заключенных перестали.

Ахсарбек ГАЛАЗОВ

ПИСЬМА ВНУКУ

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

25 мая 2010 года

У меня, дорогой Азамат, есть друг – Хаджимурза (Хаджи) Колиев. Хаджи часто повторял для молодежи осетинскую народную мудрость: «Цы обауыл лæууыс, уый нымай хæхтæй бæрзонддæр»¹. Смысл этой народной поговорки сводится к тому, что каждый человек обязан свой дом, свое село, свой город, в котором он родился, рос и воспитывался, почитать, сохранять их традиции, внимательно и заинтересованно относиться не только к членам своей семьи, но и к своим соседям, к жителям родного села, деревни, города, беречь честь своей малой родины. Без этого нет и не может быть любви к своей республике, к своей стране, к миру.

Представители нашего народа, желая подчеркнуть планетарный характер творчества великого осетинского поэта Коста Хетагурова, часто приводят вот эти строки из его стихотворения:

*Весь мир – мой храм,
Любовь – моя святыня,
Вселенная – отечество мое...*

Это искреннее признание поэта о своем отношении к миру и к человечеству. Но, определяя истоки этой любви, следует не забывать другое признание поэта:

Продолжение. Начало см. «Дарьял» 1'2023.

¹ Холм, на котором стоишь, почитай выше гор.

*Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных, сирот,
Но больше всех люблю, чего скрывать позорно? –
Тебя, родной аул и бедный наш народ.*

*За вас отдам я жизнь... все помыслы и силы, –
Всего себя лишь вам я посвятить готов...
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов!..*

Я привел тебе эти строки Коста Хетагурова для того, чтобы ты понял, что любовь к миру, к человечеству, к планете, на которой мы живем, начинается с любви к маленькой частице земли, на которой ты родился, к дому и семье, где ты растешь и воспитываешься, к улице и соседям, в ежедневном общении с которыми проходит твое детство.

Человеку может не повезти в жизни, он может расти среди людей злых, безнравственных, порочных... В этом случае под влиянием обстоятельств человек незаметно для себя постепенно уподобляется им, становится одним из них. Мне повезло: мои детство, отрочество, юность, первые годы взрослой жизни прошли в Хумалаге. В этом большом селении все служило воспитанию порядочных людей: и семья, и школа, и работа, и сама атмосфера на улице, в общественных местах, и примеры отношений между старшими и младшими, мужчинами и женщинами – все способствовало воспитанию в молодых людях трудолюбия, ответственности, честности, благородства.

Сегодня, по прошествии восьми десятков лет, дорогой Азамат, признаюсь тебе, что все хорошее, что есть во мне как в человеке, было заложено в Хумалаге во времена моего детства. После Хумалага мне посчастливилось бывать по работе во многих городах и населенных пунктах нашей страны и за рубежом, встречаться, общаться и работать с интересными людьми: большими писателями, деятелями науки, культуры, искусства, политиками. Но, оглядываясь на весь пройденный жизненный путь, анализируя его шаг за шагом, год за годом, признаюсь тебе: в мире для меня были и остаются самыми дорогими и близкими Союз Советских Социалистических Республик (СССР), в Советском Союзе – Россия, в России – Осетия, в Осетии – Правобережный район, в Правобережном районе – селение Хумалаг.

Я побывал в таких прекрасных городах, как Москва, Ленинград (Санкт-Петербург), Баку, Тбилиси, Киев, Минск, Дели, Прага,

Лондон, Париж, София, Бухарест и многих других. Везде было интересно. Поражали архитектура, музеи, театры, парки, концертные площадки. Остались в памяти встречи и общение с учеными и деятелями искусства, простыми людьми.

Но скажу тебе честно, по совести, дорогой друг, что для меня ни один из самых значительных и интересных из перечисленных мною городов не может сравниться по теплоте и душевности с Хумалагом; ни в одном из них, даже самом большом и значительном, я не нашел более красивых, добрых, внимательных и обаятельных людей, чем в Хумалаге.

К сожалению, друг, я не могу показать тебе моего Хумалага: мой Хумалаг в моей душе – это страна моего детства.

Будь здоров, дорогой.

Дед.

25 мая 2010 г.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

8 июня 2010 года

В тот первый приезд в Хумалаг с селом я так и не познакомился. В памяти сохранились только те впечатления, которые остались от захватывающей поездки на бидарке вместе с отцом; доброе, светлое в красивых морщинках лицо, шершавые и вместе с тем теплые, нежные руки бабушки; первые мои «трудовые» успехи под руководством дедушки; игры с ягнятами и козлятами.

В этот раз, когда утром 3 мая 1934 года я проснулся в объятиях любимых дедушки и бабушки, которым меня, крепко спящего после Беспланского ипподрома, передал накануне, сняв со своей брички, лучший наездник республики Ханджери Хабаев, я чувствовал себя взрослее и разумнее: совсем недавно, четвертого апреля, мне исполнилось пять лет. Очевидно, Азамат, с этого возраста начинается мое знакомство с нашими родственниками и соседями, с обстановкой и порядками в селе, с взаимоотношениями людей.

Из года в год мои познания о Хумалаге и его жителях расширялись, углублялись, я сам становился частицей Хумалага и постепенно врос в него до такой степени, что впоследствии ни большие города, ни высокие должности и положение, ни значительные люди, с которыми меня сводила жизнь, не могли приглушить чувства любви к родному селу и восхищения его жителями: мудрыми старшими, удивительно хлебосольными, верными и добрыми

женщинами, красивыми, мужественными и обаятельными юношами и девушками; детьми – моими сверстниками, с которыми было интересно играть, говорить, рассуждать. С детьми, из которых никто не оставил в моей памяти и тени обиды.

Первое впечатление, которое отложилось в моей памяти, – это чистота улиц, дворов, даже прилегающих к селу лугов и пастбищ. Тогда не было в селе асфальтированных улиц и дворов. Только главная улица, на которой размещались правление колхоза, сельский совет, дом культуры, больница и поликлиника, средняя школа, почта, другие общественные учреждения, была вымощена булыжником. Во всех дворах площадки, прилегающие к жилому дому, были покрыты шелковистой низкорослой мягкой травой, по которой было приятно ходить босиком, даже посидеть или полежать на ней, постелив под себя циновку или какое-либо легкое покрывало.

Вдоль всех длинных улиц, прилегающих к домам, были за низкими заборчиками высажены цветы, деревья с широкой листвой, дававшие большую тень и защищавшие сидевших на лавках соседей от летнего солнца. По всем улицам были прорыты арыки – узкие и неглубокие русла маленьких речонок. Эти русла рек, протекавших по селу, были отведены от главной реки, которая брала свое начало где-то в районе Камбилеевки, поэтому официально называлась Камбилеевкой. А жители Правобережного района, не только нашего села, называли ее Хумæллæджы дон (река Хумалага).

Во времена моего детства она была очень полноводной, быстро и легко несла свои воды в Терек, а потом они вместе за Моздоком образовывали огромную реку, которая впадала в Каспийское море, освежая его своими родниковыми источниками.

Особо, Азамат, хочу тебе рассказать о том, как ухаживали в Хумалаге за улицами. Каждый дом имел свой участок улицы, за порядок на котором отвечал хозяин дома. Обычно рано утром, после того как скотина отгонялась на пастбища, молодые женщины и парни поливали водой из уличных речонок проезжую дорогу, тротуары, цветники и декоративные деревья; подметали улицу, сребрая мусор в маленькие кучи. Потом собирали их в корзины или ведра и относили во двор, высыпали в специально для этого вырытую яму, а яму закрывали большой деревянной крышкой. Если среди мусора попадались сухие веточки, щепки, бумага, солома, – все это сжигалось возле ямы, а образовавшаяся зола, после того как остывала, сбрасывалась в ту же яму. Если в доме жили престарелые люди, их участок без всяких просьб и напоминаний убирали девушки и юноши из соседних домов.

Это был порядок, наверное давно заведенный умными людьми, усвоенный и неукоснительно поддерживаемый всеми жителями села. К нему привыкли, как привыкают люди ежедневно умываться, чистить зубы, убирать постель и свое жилище. Были и люди, специально уполномоченные для того, чтобы следить за этим порядком. Тогда, насколько мне помнится, не было никаких соревнований за лучшую улицу, лучший дом, лучшее село. Все делалось без всякой корысти и лишней похвалы. В конце концов, люди понимали, что все это они делают для себя, для своего удобства и своего здоровья.

Правда, был один человек, который в неделю один раз обязательно проходил по твоей улице, внимательно все осматривал, переговаривался с жителями села, в основном с мужчинами, о всяких житейских делах. Это был участковый милиционер. Звали его, если я правильно запомнил, Мулдар. Это был крепкий мужчина средних лет, всегда подтянутый, застегнутый на все пуговицы своей милицейской форменной одежды. Ходил он медленным, но твердым солдатским шагом, говорил негромким, но внушительным голосом.

Замечаний он почти не делал. Если заметит какой-нибудь беспорядок, остановится, назидательно покачает головой и идет дальше. Что самое удивительное, вот эта короткая остановка и покачивание головой воспринимались как укор нерадивому хозяину или хозяйке дома и действовали эффективнее, чем окрик или брань начальника.

– О, Мулдар! Бахатыр кæн. Сывæллоныл фæдæн æмæ бырæттæ айрох кодтон², – спешила объяснить или, вернее, извиниться за свою недоработку иная хозяйка дома и мгновенно устраняла недостаток.

Мулдар понимающе улыбался, поглаживая сверху вниз свою узкую бородку, и сочувственно спрашивал:

– Æмæ куыд у ныр кæстæр? Йæ къух ма риссы?³ – и, не дожидаясь ответа, шел дальше по улице своей неспешной твердой походкой.

В один из майских дней, примерно через две недели после моего приезда, мы сидели с дедушкой на новой лавке, которую смастерили и поставили перед нашим домом под невысоким деревом с широкой кроной. Дедушка мне рассказывал очередную историю из своей жизни во время пребывания в Америке. Его прервал своим почтительным приветствием участковый Мулдар:

² О, Мулдар! Прости. Увлелась ребенком и забыла о мусоре.

³ А как себя чувствует сейчас младший? Рука у него еще болит?

– Дæ бонтæ хорз, нæ кадджын хистæр, Къамболат, æмæ æнæниз-амондджынæй цæр дæ кæстæрты кæстæртимæ!⁴

– Мулдар! Алыбон дæр нæм æгасæй цу æмæ бузныг дæ арфæтæй. Мах мæнæ мæ бæппуимæ бандон сарæзтам æмæ йæ иртасæм: бæззы æви нæ бæззы бадынæн. Курын дæ æмæ махимæ абад, хуыздæр та мидæмæ: нæ зæронд нæ кæд истæмæй хорз фенид⁵.

– Бузныг, Къамболат, нырма мын бирæ куыст ис. Хорзæй баззайут⁶, – вежливо попрощался участковый и собирался уже уходить, когда дедушка спросил его:

– Мулдар, æмæ дæ дамбаца хорз æхсы?⁷

Мне показалось, что эти слова дедушка произнес с едва заметным веселым смешком.

– Хуыцауæй бузныг! Кæстæртæм нырма нæ ныхас хъуысы, æмæ нæ æнæ хæцæнгарзæй дæр æмбарынц⁸, – с этими словами Мулдар неспешно удалился.

Особый интерес у меня вызвал не сам участковый, а его револьвер, красивая черная рукоять которого виднелась из кожаной кобуры. Я стал упрашивать дедушку рассказать мне про него: сколько патронов вмещает барабан, на какое расстояние стреляет и тому подобное.

Дедушка рассмеялся и рассказал мне, что это «оружие» смастерил Мулдару он, когда узнал, что его кобура набита простой бумагой. Револьвер получился как настоящий: со стволом, прицелом, барабаном для патронов, спусковым крючком, рукояткой.

– Стрелять он не может, – сказал дедушка, – потому что изготовлен из дерева. Да у Мулдара и нужды не было в том, чтобы из него стрелять: на его участке уже много лет все спокойно.

Меня, Азамат, это тогда разочаровало. А сегодня, когда в десятки раз выросли штаты милиции, когда каждый милиционер вооружен не только пистолетом, но и автоматом Калашникова с

⁴ Добрый день, наш уважаемый старший, Камболат; живи в здравии и счастье со своими внуками!

⁵ Мулдар! Здравствуй и каждый день приходи к нам живым и здоровым, и спасибо за пожелания. Мы вот с моим мальчиком смастерили новую лавку и испытываем ее на прочность. Прошу тебя посидеть с нами, а лучше в дом: может быть, наша старушка угостит нас чем-нибудь.

⁶ Спасибо, Камболат, у меня еще много работы. Счастливо оставаться.

⁷ Мулдар, а твой револьвер хорошо стреляет?

⁸ Слава Богу! До младших еще доходит наше слово, и они нас понимают и без оружия.

полным боекомплектом, когда у каждого большого и даже маленького начальника есть вооруженная охрана, почти каждый день мы слышим о том, что и простых людей, и начальников, и олигархов грабят, похищают, убивают... И многочисленная милиция не может это прекратить. Именно поэтому сейчас, в это время, богатое техникой, товарами и новыми изобретениями, я вспоминаю бедные годы моего детства и считаю их счастливыми, потому что мою жизнь, жизнь моих родных и близких, жизнь жителей большого Хумалага и небольшого селения Брут мог защитить один участковый милиционер Мулдар, для которого мой дедушка Бабзе смастерил игрушечный пистолет.

На этом отдохнем, дорогой друг.

Дед.
8 июня 2010 г.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

9 июня 2010 года

Наша улица примыкала к шоссейной дороге, выходящей из села и пересекавшей, кроме нашей, еще две крайние улицы. Эта дорога, вымощенная булыжником, связывала Хумалаг с районным центром Бесланом и проходила через селение Новый Батако. По этой дороге впоследствии мне приходилось часто ходить пешком из Хумалага в Беслан на железнодорожную станцию; из Беслана в Хумалаг, когда возвращался домой из Орджоникидзе пригородным поездом до Беслана, а потом пешком до Хумалага; или из поселка Бесланского маисового комбината (БМК) в Хумалаг каждую субботу вечером после уроков в средней школе № 2 города Беслана, где я окончил начальную школу; в воскресенье вечером, когда шел обратно из Хумалага в Беслан, чтобы в понедельник утром не опоздать к первому уроку. Но обо всем я расскажу тебе попозже, когда еще немного подрасту и стану школьником.

А сейчас вернемся к нашей улице и к ее началу. Дорога, от которой начиналась наша улица, имела еще одну особенность: от нее начиналась часть села, которую коренные хумалагцы называли «Хох» (гора), а другие – «Хидыхъус» (буквально «ухо моста» – в смысле окончания моста населенным пунктом). Так называлось большое горное селение в Куртатинском ущелье. Село располагалось на правом берегу бурной горной реки Урсдон (Белая река), через которую в районе Хидикуса был перекинут мост.

Он связывал Куртатинское ущелье с Цейским, с населенными пунктами, здравницами, святилищем Реком, находящимися в Цейской котловине.

Жители Хидикуса позже других жителей Хумалага переселились с гор на плоскость, поэтому пренебрежительно какое-то время назывались «хохæгтæ» (горцы). Это исходило в основном от незначительной неразумной, чванливой части хумалагцев, позабывших о том, что они сами были такими же горцами и совсем недавно переселились из своих горных поселений на равнину.

Разумеется, мой дед не относился к неразумным людям и уважал всех жителей хумалагского Хидикуса. У него были здесь друзья среди Куловых, Колиевых, Боговых, Таучеловых, Басаевых... Особенно теплая дружба их связывала с Налыком (Налыхъ) Басаевым. Эта дружба была основана на их отношении к труду крестьянина, на их стремлении добрыми советами помочь молодым людям найти правильную дорогу в жизни, на их критическом отношении к новым порядкам, нарушавшим, по их мнению, веками складывавшиеся традиции чистых нравственных отношений между старшими и младшими.

– Габоси, дæ фарн бирæ уа! – сказал однажды своему другу Налык. – Нæ кæстæртæ ныхас нал æмбарынц, æмæ дæм уый куыд кæсы?⁹

– Налыхъ, хистæр-кæстæры æгъдау куы фесæфа Ирыстоны, уæд нæ адæм кæрæдзийы нал æмбардзысты. Æмæ уæд сæфтмæ æрцæудзыстæм. Фæлæ мæ алыварс цы кæстæрты уынын, уыдон мын ныфс дæттынц. Уырны мæ: нæ фæстæ цы фæлтæртæ цæуынц, уыдон нæ фыдæлты кад æмæ намыс дарддæр ахæццæ кæндзысты, бафтаудзысты ма сæм сæхи зонд æмæ хъару¹⁰, – закончил с оптимизмом мой дедушка Бабзе.

Это был небольшой фрагмент из разговора, который я услышал во время одной из их очередных встреч. На этот раз (а это был первый), прежде чем отправиться к Басаевым, дедушка попросил бабушку:

⁹ Габоси, множиться бы твоей благодати! Наши младшие уже не понимают слова, и как ты на это смотришь?

¹⁰ Налык, если в Осетии пропадет традиция взаимоотношений старшего и младшего, то наш народ перестанет понимать друг друга. Тогда мы придем к гибели. Но младшие, которых я вижу вокруг себя, укрепляют мою надежду. Верю: поколения, которые следуют за нами, понесут дальше честь и достоинство наших славных предков и обогатят их своим умом и силой.

– Тохъон! Уæртæ ма уыцы фæткъуыйæ йæ дзæбæхтæй авзар æмæ, Налыхъ цы наливкæ уарзы, уый стыр авджы ныккæн. Мах бæппуимæ нæ хорз хæлары бабæрæг кæнæм¹¹.

Бабушка быстро собрала все в небольшую корзину, от себя еще добавила ею изготовленный любимый Налыком молодой домашний сыр, и мы с Бабзе отправились в путь. Путь был не очень далекий: собственно, та часть Хумалага, которая переселилась из Хидикуса, была продолжением нашей улицы. По нашей стороне улицы мы прошли вдоль домов Кудзиевых, Чшиевых, Цалоевых, Дзубиевых, миновали перекресток, прошли дома Боговых, Гаппоевых, Куловых и, не доходя до дома Колиевых, оказались перед большим кирпичным домом Басаевых.

На лавке перед домом, опираясь на красивый посох и задумчиво наблюдая за детьми, играющими в футбол, сидел сам Налык. Наше появление для него было неожиданным, и он без всякой наигранности удивился и обрадовался обычному приветствию дедушки.

– Дæ бонтæ хорз, Налыхъ! Дæ сабийы бонтыл хъуыдытæ кæныс?¹² – сказал дедушка и, не дожидаясь приглашения, присел рядом, мягко опустив руку на его плечо.

– Габоси! Дæ цæрæнбонтæ дын Хуыцау бирæ æмæ амонджын скæнæд: хур аныгуылди, фæлæ мын æй ды фæстæмæ скæсын кодтай¹³, – волнуясь, ответил Налык.

Он обласкал и меня, поинтересовался здоровьем отца и матери, попросил передать им добрые пожелания. После этого он позвал старшего из игравших в мяч детей и наказал ему принять меня самым достойным образом.

Они зашли в дом, а я постепенно, преодолевая смущение, вошел в компанию детей, втянулся в игру, и через десять минут было трудно отличить, кто из нас хозяин, а кто гость. Впоследствии многие из них со мной учились, работали, дружили. Я не буду называть их имен. Скажу только, что среди них были дети из самых разных фамилий: Басаевых, Боговых, Гаппоевых, Куловых, Таучеловых, Дулаевых, Дзтиевых...

Уже начало темнеть. Постепенно наша детская компания стала редеть. Закончили свое застолье и задушевные беседы Налык и мой дедушка. Они вышли из дома, о чем-то беседуя и споря.

¹¹ Тохъон, отбери лучшие из этих яблок и наполни большую бутылку наливкой, которую любит Налык. Мы с внуком проведем нашего хорошего приятеля.

¹² Добрый день, Налык! Вспоминаешь свое детство?

¹³ Габоси! Пусть Бог сделает твои жизненные дни долгими и счастливыми: солнце зашло уже, но ты заставил его для меня снова взойти.

Вспомнили и о моем существовании. Налык и его невестка Верка́, жена старшего сына Бабега, работавшего председателем колхоза, пожалели о том, что ничем не накормили меня. Я выразил им благодарность за заботу и заверил, что сыт и интересно провел свое время с детьми. Верка́ быстро вернулась в дом, вынесла большой пакет с конфетами и, несмотря на мои протесты, вручила их мне, убеждая, что они предназначены не столько для меня, сколько для моей любимой бабушки и ее дорогой тети. Дело в том, что Верка́ была тоже из фамилии Цалоевых, и моя бабушка Готта доводилась ей троюродной тетей. Этот довод убедил меня, и я уверенно взял пакет. Однако этим подарком дело не ограничилось.

– Чындз! – обратился Налык к Верка́. – Мæнæ лæппу сывæл-лæттæн цы порти æрласта, уый-ма рахæсс¹⁴.

Она немного заколебалась, потом решительно вошла в дом и вынесла в продуктовой сетке новый футбольный мяч и передала Налыку. Тот позвал меня к себе, нежно погладил по голове и вручил мне этот подарок. Это был на тот момент самый большой дар в моей жизни. Быть обладателем настоящего футбольного мяча в наше время мальчику моего возраста было престижным. Мое положение, мой авторитет сразу поднимались на недостижимую для многих высоту. Отныне я, обладатель настоящего, кожаного, сделанного по всем спортивным правилам футбольного мяча, мог диктовать свои правила игры и собирать вокруг себя мальчиков и в Хумалаге, и в Беслане. Тебе, Азамат, сегодня, когда детям доступны всякие мячи, трудно понять меня. Но по тем временам это был царский подарок. Конечно, Налык лишил этого мяча своих внуков, для которых мяч представлял не меньшую ценность. Но почему-то в тот момент я об этом совсем не подумал. Нехорошо. Это я сегодня понимаю и мог бы вернуть внукам Налыка взамен даже десять мячей. Но, к сожалению, они в них уже не сыграют, потому что такие же старые, как я.

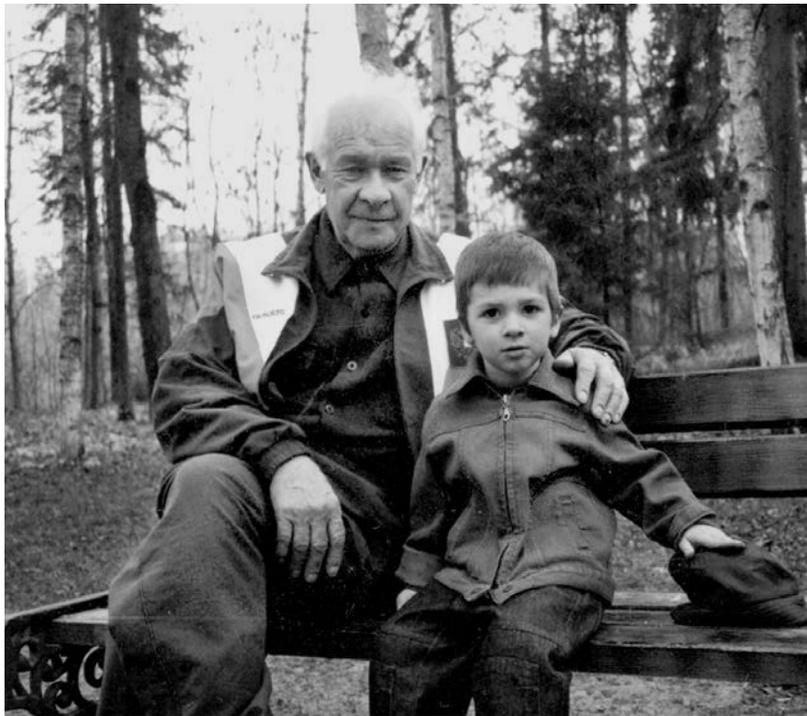
Твой дед.
9 июня 2010 г.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

14 июня 2010 года

На второй день после посещения Басаевых дедушка разбудил меня рано утром и предложил вместе с ним отогнать нашу скотину – двух коров, молодого бычка, трех овец и козла – в колхоз, где

¹⁴ Невестка! Принеси-ка тот мяч, который сын привез для детей.

собирали стадо и отару из личного скота селян. Для них колхозы выделяли пять пастбищ. Тогда в Хумалаге было два колхоза. В первый колхоз, который был образован для верхней части села (уэллаг сых) и носил имя Молотова, входили мы. Второй колхоз, имени Сталина, объединял крестьян нижней части села (дæллаг сых). Хумалаг и сейчас четко разделяет широкая дорога, которая проложена от магистральной автотрассы Москва – Владикавказ, Москва – Беслан – Баку. Фактически эта дорога является своеобразным перекрестком – центром, где сосредоточены средняя школа, магазины, поликлиника и больница, сельская администрация.

На территории каждого колхоза для домашнего крупного и мелкого рогатого скота имелись по два стада и по две отары. Кроме того, какое-то время жители верхней части села (Хидикуса) имели свое стадо и свою отару. Так было во времена моего раннего детства. К тому времени, когда мне исполнилось одиннадцать лет и я навсегда приехал в Хумалаг, никто уже не отделил жителей Хидикуса от остальных хумалагцев. И колхозы объединили в один

колхоз имени Сталина. К твоему сведению, на моей памяти колхоз в разное время возглавляли три председателя из «Хидикуса»: Бабег Басаев, Хаджи Колиев и Алыка Басаев. Все они были отличными руководителями и почитались всеми жителями села. Но вернемся к нашим домашним коровам, бычку, овцам и козлу.

Мне еще хотелось спать, но я вскочил, быстро оделся и уже за воротами на улице догнал дедушку. Впереди него шли коровы, бычок, овцы, за ними важно следовал огромный козел с большими ровными и острыми рогами, с хохолком между ними и красивой темно-бурой гладкой шерстью. Это был мой любимый рыжий игривый козленок, который за год потемнел и стал теперь вожаком отары. Я окликнул его:

– Дзыгы! Дзыгы! Дзыгы!

Он остановился, повернул ко мне свою красивую рогатую голову с хохолком, дождался, когда я подойду к нему, и, как прежде, когда еще был козленком, лизнул мою руку шершавым языком. Немного постоял, потом мотнул головой, как бы извиняясь за свою занятость, и пошел за другими. За селом он уже важно вышагивал впереди отары, над которой, гордо покачиваясь, возвышалась его голова с красивыми ровными рогами и черным хохолком. Вот так, друг, мой маленький игривый козленок Дзыгы всего за один год вырос и превратился в статного бодза (бодз – это осетинское название козла – вожака отары).

Хорошо, что я не поленился, так рано встал и пошел вместе с Бабзе отгонять скотину в стадо. Этой важной частью крестьянского труда, которой фактически начиналась жизнь села, деревни, занимались в основном женщины, старики и дети: работоспособные мужчины, молодые люди, юноши и девушки задолго до этого, уже на утренней заре, трудились или на косовице, или на прополке, или на уборке ранних овощей и других сельскохозяйственных работах, требовавших для своего выполнения утренней или вечерней прохлады. Наверное, поэтому в народе крестьянский труд определялся как работа «от зари до зари», то есть от утренней до вечерней зари, от восхода до захода солнца. Работа «от зари до зари» не означает, что все это время, без отдыха и перерыва, крестьяне косили, пололи, убирали урожай...

Ни один уважающий себя крестьянин не позволял ни себе, ни своим детям трудиться в весенний, летний или осенний зной, потому что такой труд был вреден не только здоровью человека, но и наносил большой урон урожаю крестьянина. В то время, Азамат, в селе не знали о таком понятии, как безработица. И трактористы, и комбайнеры, и механизаторы, и агрономы, и мелиораторы, и

учителя, и врачи, и работники культуры имели возможность работать по специальности. Я не говорю просто о крестьянах, потому что и колхозная земля, и приусадебные участки, и домашние, и колхозные животные требовали их повседневного труда. Этот труд кормил крестьянина. И на селе в этом нелегком труде «от зари до зари» крестьянину помогали и учителя, и врачи, и работники культуры, и работники торговли и бытового обслуживания... Но это небольшое отступление от главной темы.

Так почему я обрадовался тому, что рано встал и вместе с дедушкой отогнал нашу скотину на пастбище? Главным образом потому, что там я встретился со своим маленьким другом Русланом Акоевым и с его помощью познакомился почти со всеми мальчиками, моими ровесниками. С нашей улицы это были Крым и Измаил Кудзиёвы, Ахсар Чшиев, Руслан Цалоев, два брата-близнеца Казаковы (имен точно не помню), Шмел, Ахсар, Додик Дзампаевы; из соседних улиц – Ахсар и Бексолтан Цалоевы, Ахсар Гугкаев, Коля Габаков... Я не буду тебе перечислять всех поименно, но в нашем небольшом квартале из трех соседних улиц моих ровесников набиралось на две футбольные команды.

Я сразу вспомнил о подаренном мне вчера футбольном мяче и предложил Руслану Акоеву договориться с мальчиками и поиграть с ними в футбол. Руслан был шустрым мальчиком: все решения он немедленно воплощал в дело. Неслучайно его отец Габли дал ему прозвище «Бистро», которое надолго к нему приклеилось. К нему он и сам привык и охотно на него откликнулся. Руслан быстро собрал в кружочек всех мальчиков и поделился с ними нашим предложением. Все на него охотно откликнулись, поддержали. Решили встретиться после обеда на поляне за старым кладбищем.

После обеда, когда спала июньская жара, мы все собрались на красивой ровной поляне, покрытой зеленой низкорослой травой, устроили условные ворота, обозначив их сложенными в маленькие кучи булыжниками, разделились на две команды, выбрали вратарей (считали эту роль игрока самой важной), и игра началась. Конечно, Азамат, она была бестолковой: было много возни, криков, шума, но мало настоящей игры. И откуда она могла взяться, если мы играли в тяжелый для нас футбольный мяч в тряпичных осетинских чувяках, если до этого никто нас не обучал правилам игры, если все мы сами себе были судьями и изобретали на каждый случай свои законы игры в футбол, и даже сами себе назначали пробивать пенальти. Но все-таки всем было хорошо, всем

было весело, и все мальчишки получали истинное удовольствие от игры в настоящий футбольный мяч.

Но радость наша была недолгой. Примерно через час после начала игры в нашу компанию влился сосед Буштик Акоев, сын одного из лучших трактористов колхоза Беба Акоева. Он был старше нас на три года, не признавал никаких правил поведения, считался самым невоспитанным мальчиком, короче – хулиганом. Он был сильнее нас и стал раздавать пинки и тумачи направо и налево, обижать, оскорблять. Больше всего доставалось от него соседям: Акоевым, Дзампаевым. Меня он почему-то не тронул. Чтобы не разрушать игру, мы до поры до времени терпели его. Но любому терпению есть предел: стал раздаваться, постепенно нарастая, ропот возмущения ребят. Буштик почувствовал, что общими усилиями его просто прогонят. В один момент он крикнул:

– Да с вами неинтересно, мелюзга пузатая! – схватил мяч и убежал с ним в сторону Хидикуса.

На какое-то время мы оторопели. Все почему-то сели на землю, кое-кто вытирал перепачканными руками слезы беспомощности и обиды. В таком состоянии нас застал Коля Акоев – старший брат нашего обидчика. Он был всего на два года старше Буштика, но отличался выдержкой, каким-то особенным, мягким отношением к ребятам, которые были младше его. Выяснив, в чем дело, он попросил нас не горевать, сидеть здесь, никуда не уходить. Обещал скоро вернуться. Он сдержал свое слово. Примерно через полчаса он появился перед нами вместе с младшим братом. Тот как особую драгоценность нес на вытянутых вперед руках наш мяч, бережно положил его передо мной и виновато отвернул голову.

– Дарддæр!¹⁵ – сурово сказал Коля и подтолкнул младшего брата в бок.

– Бахатыр кæнут! Æцæгæй уын æй нæ адавтон уæ порти, хъазгæйæ!¹⁶ – так закончил свою миссию Буштик.

После этого они оба ушли. До нас еще долетели слова Коли, который внушал неразумному брату:

– Сколько раз тебе говорил отец, что ты обязан защищать младших, а не обижать их!..

Мяч нам вернули, но мы не стали больше играть. Все молча поднялись и тихо стали расходиться по домам. Очевидно, все были под впечатлением того урока, который преподал своему младшему брату Коля Акоев. Впрочем, дорогой Азамат, я закончу

¹⁵ Дальше!

¹⁶ Простите меня! Я не на самом деле украл ваш мяч, я пошутил.

на этом свое письмо, а в следующем расскажу тебе, какие отношения в Хумалаге были между старшими и младшими в годы моего детства.

Твой дедушка Ахсар.
15 июня 2010 г.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

7 августа 2010 года

Я обещал тебе, Азамат, рассказать о том, какие взаимоотношения между людьми были во времена моего детства в моем родном селении Хумалаг. По сравнению со временем твоего детства эти взаимоотношения отличались более высокой культурой, основанной на народной традиции. Эта культура позволяла сохранять и развивать село, содержать в исправном состоянии все, что было связано с жизнью, с трудом и благополучием его жителей: поля, луга, леса, сады, огороды, жилые и хозяйственные строения, русла рек и речонки (арыков), улицы и дороги. Я не помню, чтобы во времена моего детства моих односельчан застала врасплох какая-либо природная аномалия. Они знали, что возможны и засуха, и разливы рек, и град, и другие природные ненастья. Именно поэтому они готовились к ним заблаговременно, сообщая, без всякого принуждения со стороны властей. Такое отношение людей к делу давало свои результаты. В моей памяти не отложилось ни одного случая, связанного с затоплением села, с погибшим полностью урожаем, со сгоревшим домом даже у какой-нибудь одинокой старушки.

Кстати, в отношении одиночества. Не было тогда в Хумалаге одиноких, брошенных на произвол судьбы людей. Мои односельчане могли повздорить между собой, поругаться, даже подраться. Но в беде любой человек чувствовал поддержку родственников, соседей, всего села. Если у кого-то повалился забор, обрушилась кровля, треснула стена, если одинокая старушка, вдова, престарелые люди не могли обработать свой огород и сад, им на помощь приходили соседи. В то время не только в Хумалаге, но и по всей Осетии действовала форма традиционной коллективной помощи, которая называлась «зиу».

Я сам вместе с дедушкой Бабзе был «активным» участником зиу в нижней части нашего села. А дело обстояло так. В субботу к нам в гости пришел друг дедушки Мацко Бзыков и сообщил ему о том, что он завтра объявляет зиу, чтобы помочь одинокой

женщине, которая воспитывает приемного мальчика, восстановить обвалившуюся кровлю дома и заодно обработать ее огород. Дедушка Бабзе внимательно выслушал своего друга и спросил его, не нужна ли его помощь. Мацко левой рукой пригладил свою бородку и резонно заметил дедушке, что в таком деле помощь лишней не бывает. Особо он подчеркнул, что было бы хорошо, если бы наш бригадир Габли Акоев попросил правление колхоза выделить недостающие строительные материалы.

Дедушка послал меня к Акоевым с просьбой пригласить к нам Габли. Габли я застал дома за обедом. Как только я высказал ему просьбу дедушки, он быстро встал из-за стола, не закончив обеда, и отправился к нам. Дедушка и Мацко быстро нашли общий язык с Габли. Он заявил, что завтра с самого раннего утра мужчины и молодые люди нашей улицы примут участие в зиу, а он сегодня вместе со строителями колхоза определит, какие нужны стройматериалы, и доставит их на место. Он заверил стариков, что у него нет никаких сомнений в поддержке этого благородного дела со стороны председателя колхоза Бабега Басаева.

На другой день рано утром меня разбудили слова дедушки Бабзе:

– Афону у, зиуон! Æвæццæгæн, æнæ мах зиу райдыдта¹⁷.

Я быстро вскочил, оделся. Вместе с дедушкой мы легко позавтракали и отправились в путь. Пришли мы вовремя. Все уже собралось и были готовы приступить к работе.

Я не помню, Азамат, как звали женщину, который мы помогали. Это была невысокая сгорбленная старушка с изможденным морщинистым лицом, огрубевшими и потрескавшимися маленькими руками. Мне даже было несколько боязно и больно смотреть на нее. Ее приемного сына, мальчика года на два старше нас с Русланом Акоевым, звали Боттоли. Когда она обращалась к нему: «Мæ къона Боттоли» (мой очаг Боттоли), – как будто морщины на ее лице разглаживались, и от нее исходила не растраченная с годами и жизненными невзгодами материнская нежность.

Все, чем они владели, производило жалкое впечатление. И дом с обрушившейся крышей, и двор, и развалившийся забор из трухлявых прутьев – все говорило о том, что очень давно к ним не прикасалась рука человека, рука хозяина. Это гнетущее впечатление дополнял Боттоли. На его невымытое лицо был надвинут замасленный картуз невероятных размеров, на голое

¹⁷ Пора, участник зиу! Наверное, зиу без нас начался.

тело наброшена телогрейка до колен, на ногах у него были огромные башмаки, которые он с гордостью называл «чоботами».

Эту мрачную картину с такой же болью, наверное, воспринимали все участники зиу. Разница заключалась в том, что эту безрадостную картину и тяжелое положение старушки, которую Боттоли называл «нана» (мама, бабушка), они могли изменить. С благословения моего дедушки и Мацко Бзыкова, под руководством Габли Акоева участники зиу – строители и молодые люди (учащиеся старших классов средней школы и колхозники, о которых я расскажу тебе в следующих письмах) – немедленно взялись за работу.

Все участники зиу были разбиты на группы: одни разбирали обрушившуюся кровлю; вторые готовили балки, стропила, рейки и все необходимое для новой кровли; третьи собирали обвалившийся плетень в кучи и сжигали его; четвертые на выделенных колхозом лошадях вспахивали огород, потом бороновали вспаханную землю и сажали кукурузу и картофель; пятые, то есть мы, мелюзга, подносили рабочим гвозди, кое-какой инструмент или воду. Мой дедушка, Мацко Бзыков и еще два старика из нижней части села (имен не помню) старались тоже что-нибудь делать, но Габли сказал им, что достаточно просто их присутствия.

Еще была одна часть участников, вернее, участниц зиу, которая трудилась рядом в соседнем доме то ли Агаевых, то ли Касабиевых, то ли Дзгоевых (не могу вспомнить точно). Это были жена Габли Акоева Сурат, моя мать и женщины соседнего дома, которые готовили фынг (пиршественный стол) для участников зиу. Осетинские пироги, всякие закуски, жареное и вареное мясо барана, присланного председателем колхоза Бабегом Басаевым, ожидали участников зиу после окончания работ.

Где-то часов в двенадцать дня подъехали на бидарке председатель колхоза и его бессменный заместитель по хозяйственной части Крым Дзгоев. Они переговорили с Габли Акоевым, пообещали подослать недостающие материалы и собирались уже уезжать. Но Бабег вдруг придержал коня, позвал к себе Боттоли, поднял его за руки, усадил в бидарку, и они отъехали.

Все обещанное Бабег и Крым прислали. Больше того, через полтора часа на бидарке в новом картузе по своему размеру, в новой сорочке, в новом пиджаке и брюках, в новых коричневых ботинках вместе с довольным, улыбающимся Крымом Дзгоевым к нам подъехал Боттоли. Он предстал перед нами немножко сконфуженный, но важный. Поглаживая свою одежду, как будто это

было живое существо, он что-то хотел сказать, но не смог. Только выжал из себя какой-то робкий, но радостный возглас:

– Нана! Нана! Ракæс-ма!¹⁸

И его бедная нана тоже не смогла ничего сказать. Она молча подошла к Крыму и долго гладила могучую руку сельского силача и доброго человека своими шершавыми руками.

В это трудно поверить сегодня, но на моих глазах за один только день в этом Богом забытом уголке села все неузнаваемо изменилось. Двор был очищен от мусора и ненужных, заваливавшихся вещей, огород вспахан, заборонован и засажен кукурузой и картофелем. В глубине двора прочно стоял под черепичной крышей маленький дом с новыми входными дверями и хорошо подогнанными окнами. К дому был пристроен легкий хозяйственный сарай. Все хозяйство было огорожено новым забором из штакетника.

По-новому, празднично и уютно смотрелись и нана, одетая в новое платье и красивый передник, и ее ненаглядный сынишка Боттоли, впервые в жизни одевший на себя одежду и обувь по размеру.

Вечером, после окончания работ, все участники зиу собрались в соседнем просторном доме за длинным широким столом под навесом летнего открытого сарая. Подъехали к этому времени и Бабег Басаев, и Крым Дзгоев, и кто-то из секретарей Правобережного райкома КПСС. Старшим за столом сидел Мацко Бзыков, рядом с ним по правую руку мой дедушка Бабзе, по левую руку от старшего сидел хозяин дома. Мацко поднялся из-за стола, вслед за ним встали все. Пока старший с чашей осетинского пива воздавал должное Всевышнему, освящал три пирога и мясо жертвенного животного, все участники застолья, особенно младшие и мы, мальчишки, дружно сопровождали каждую молитву и здравицу возгласом: «Оммен, Хуыцау!»¹⁹

Второй тост Мацко провозгласил за Уастырджы и пожелал присутствующим молодым людям победного, счастливого жизненного пути.

Третий тост он попросил произнести моего дедушку. Дедушка выразил благодарность всем участникам зиу, сказал, что они продолжают лучшие традиции предков, и пожелал им не сворачивать с этого благородного пути.

После этого Мацко от имени старших выразил благодарность хозяину дома, женщинам, приготовившим для участников зиу

¹⁸ Нана! Нана! Посмотри!

¹⁹ Истинно так, Господи!

этот замечательный стол, и попросил хозяина дома возглавить стол, а им с моим дедушкой разрешить отдохнуть. Они, конечно, не устали. Но такова была традиция: старшие по возрасту не должны были мешать младшим по-своему вести стол, не стесняясь и не оглядываясь на старших. Это означает, дорогой друг, что, принимая знаки уважения к себе и даже преклонения перед ними младших, старшие никогда не переходили границу дозволенного и не злоупотребляли доверием и отношением к себе со стороны младших. Вот так.

Твой дедушка.
7 августа 2010 г.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ
8 августа 2010 года

Друг моего отца Николай Александрович Гусалов, ставший позже и моим старшим товарищем по работе, был очень интересным человеком. Талантливый экономист и инициативный организатор народного хозяйства, он в довольно молодом возрасте в тридцатые годы возглавил такой значительный и серьезный государственный орган, как Госплан – Государственную плановую комиссию, которая занималась планированием развития всего народно-хозяйственного комплекса республики. Без заключения и оценки Госплана правительство нашей республики не могло принять ни одного решения – ни в области промышленности и сельского хозяйства, ни в области науки, образования и искусства, ни в области социальной сферы. В 1937 году Гусалова, как и моего отца, исключили из партии и сняли с работы. Отец мой после этого еще год работал коммерческим директором БМК (Бесланского маисового комбината). Гусалова же арестовали сразу и присудили его к расстрелу. Но впоследствии расстрел заменили на тюремное заключение. И отсидел Николай Александрович по ложному доносу семнадцать лет в тюрьме и ссылке. После реабилитации и восстановления в партии он через какое-то время вновь возглавил Госплан республики, и я, будучи министром просвещения, проработал с ним в составе Совета Министров Северной Осетии около девяти лет. Я многому научился у этого настоящего, доброго и остроумного человека, выдающегося профессионала и организатора.

У него была интересная теория возрастной градации мужчин. Об этом он рассказывал с юмором, будучи глубоким стариком.

Так вот, мужской пол, по Гусалову, делится на детей (от рождения до 8 лет), отроков (от 8 до 14 лет), юношей (от 14 до 18), молодых людей (от 18 до 25), молодых мужчин (от 25 до 30), мужчин (от 30 до 60 лет), пожилых мужчин (от 60 до 70 лет), стариков (от 70 до 80) и старых хрычей (от 80 лет и дальше). Поскольку он сам относился к последней категории, то, когда доходил до этого места, заливался звонким, озорным хохотом.

И я, дорогой друг, смог прожить столько лет, что сегодня коротаю свои дни в облике старого хрыча. Как я отношусь к этому? Конечно, я не такой остроумный и веселый человек, как покойный Николай Александрович, поэтому к своей старости отношусь не с юмором, а с пониманием, философски. У меня сохранилась отличная память, имеются какие-то знания. Я располагаю большим опытом организаторской работы с различными категориями специалистов: учеными, педагогами, деятелями искусства, литературы, политиками и государственными чиновниками. У меня есть свои подходы к организации современного образования, науки, культуры. Тогда в чем же проблема, спросишь ты.

Разница между старостью Гусалова и моей заключается не только в превосходстве его юмора, а именно в том, что он до последнего дня жизни был востребован. С ним советовались перед принятием важных решений в области экономики и действующий председатель правительства, и его заместители, и работники Госплана. Гусалов, который потерял своих детей в годы Великой Отечественной войны и который фактически был одиноким человеком, ни одного дня не оставался в одиночестве. Его посещал или я, или Харитон Албегов, или Тарас Айларов, или мы все вместе отмечали у него какое-либо торжество. Инициатором нашего общения с Николаем Александровичем всегда выступал министр здравоохранения Эльбрус Кучиев. Ему я выражаю особую благодарность, потому что и траурные мероприятия, и проводы Гусалова в последний путь организовал именно он.

Я помню стариков времен моего детства. Они и сегодня, как живые, встают перед глазами: Мацко Бзыков, Агша и Азе Акоевы, Налык Басаев, Дзюи Кудзиев, мой дедушка Камболат Ходов... Это только несколько имен с нашей улицы. Но сколько их было по всему большому селению Хумалаг – благородных, по-царски величественных, подтянутых старших мужчин. В красивых черкесах разного цвета, подпоясанных кавказскими узкими наборными поясами, на которых красовались по традиции кинжалы в черных кожаных ножнах, украшенных серебряной отделкой, они шли

к месту торжества или поминальной трапезы спокойно, но уверенно, слегка опираясь на посохи. Это было захватывающее зрелище. И на всем пути их следования люди вставали и с почтением кланялись им. За ними, как верные ординарцы, следовали юноши, которые были обязаны оберегать их весь день вплоть до возвращения домой и отхода ко сну.

Мы, дети, любили их, искали их общества, потому что они вводили нас в жизнь, учили уму-разуму, приобщали к труду, рассказывали сказки, разные интересные истории, постепенно передавали нам народные традиции, наказывали беречь их и соблюдать. Обязан признаться тебе, что ты, мой дорогой друг, от меня не получил и не получаешь даже трети того внимания и заботы, которые я получил от своего дедушки. Это печально, но это правда, и от нее никуда не денешься.

У подростков были другие интересы. Их увлекали уже не сказки, не рассказы, не наставления стариков: у них были свои, более взрослые игры и занятия. Но что примечательно: на любую просьбу даже незнакомого старика они живо отзывались и старались исполнить ее немедленно, часто обгоняя друг друга.

Старики, все без исключения, пользовались бескорыстной повседневной помощью юношей и девушек. В нашем селении и, наверное, во всех других селах Осетии не было стариков, сады и огороды которых не были бы обработаны соседскими юношами. Не было старика, одежда которого не была бы выстирана и выглажена девушками-соседками.

Особым почтением старики пользовались со стороны мужчин. Последние старались в решении даже своих семейных вопросов советоваться со старейшинами фамилии, улицы, села. Не было такого семейного или фамильного торжества, чтобы глава семейства или фамилии не пригласил в качестве тамады самого уважаемого старшего села.

И колхозное руководство не на словах, а на деле считало необходимым советоваться со старейшинами. Еще тогда я услышал в разговоре молодых мужчин с нашей улицы такое странное утверждение: «Хистæрæн йæ фындз асæрф æмæ йæ зондæй бафæрс»²⁰. Эта мудрая народная поговорка, очевидно, родилась у наших далеких предков в результате длительных наблюдений. Она сводится к мысли о том, что известные физиологические слабости, которые появляются с годами у пожилых людей, не могут служить основанием для того, чтобы растущие поколения не использовали их жизненный и профессиональный опыт.

²⁰ Подотри нос старшему и попроси у него совета.

Я запомнил еще одно интересное путешествие со стариками. Однажды в воскресенье утром, после завтрака, дедушка сообщил мне, что сегодня они вместе с руководством колхоза будут определять начало уборки пшеницы, и, если его друзья разрешат, он возьмет меня с собой. Он был одет в белый холщовый костюм, который состоял из широких брюк и просторной косоворотки на выпуск. На голове у него была широкополая белая войлочная шляпа. Такую же шляпу, но маленькую, бабушка Готта приготовила и мне.

Вскоре к нашему дому подкатила тачанка председателя колхоза, в которой сидели Мацко Бзыков и Агша Акоев. За ними подъехали на другой тачанке Азе Акоев, Дзюу Кудзиев и Крым Дзгоев. Друзья дедушки разрешили и меня взять с собой. Мы с дедушкой сели рядом с Мацко Бзыковым и Агша Акоевым, но потом я пересел к Ванкá (так на осетинский лад называли Ваню, бессменного хозяина вороных коней и тачанки председателя колхоза).

Мы выехали и уже за селом, когда миновали вальцовую мельницу и мельницу Тетырмазовых, встретили председателя колхоза Бабега Басаева и молодого агронома Ивана Кузубова. Ехали мы в Цалык, где размещались главные посевные площади колхоза. Поднялись на небольшой пригорок, и глазам открылось целое море золотистой пшеницы, колосья которой на легком летнем ветерке склонялись под тяжестью зерен. Создавалось впечатление, что перед нами волнуется необъятное золотое море.

Останавливались в разных местах около пшеничного поля. Старики каждый раз сходили с тачанок, срывали колосья, шелушили их, потом долго терли в руках, даже пробовали на зуб, о чем-то переговаривались, спорили. Так продолжалось часа два. Уже порядком стало припекать солнце.

В конце концов вернулись к началу посевов пшеницы. Все сошли с тачанок и бидарок, собрались вместе. Подошли к ним и мы с дядей Ваней, с которым я успел подружиться.

– Каково решение, уважаемые старшие, Камболат, Мацко, Агша, Азе, Дзюу? Мы вас внимательно слушаем вместе с нашим новым агрономом Иваном Кузубовым, – обратился к старшим председатель колхоза.

Поскольку Бабега Басаев первым назвал имя моего дедушки, старики попросили его выразить общее мнение.

– Мы посоветовались и пришли к общему мнению, что пшеница дала богатый урожай, она созрела и дальше вторника откладывать

начало уборки нельзя. Как думаешь, дорогой Иван? – обратился дедушка к Кузубову.

– Уважаемые старшие! – сказал торжественно агроном. – Даже светила агрономии, науки, которую я изучал, не могли бы в данном случае вынести более мудрого решения. Я полностью согласен с ними, Бабег, но никак не пойму, почему нельзя уборку начать прямо завтра, не откладывая на вторник.

– Дорогой Иван! – сказал дедушка. – В Осетии традиция такая: в понедельник нельзя отправляться в путь и начинать серьезное дело. Поживешь с нами, согласишься и с нашими обычаями.

Кузубов, Бабег и Крым Дзгоев не стали спорить со стариками и согласились с их решением. Став постарше, я понял, что агроном и сам отлично знал, когда нужно начинать уборку урожая. Но была вот такая красивая традиция, когда старики как бы давали свое благословение. Возвращаясь в село, мы вначале заехали в колхозный сад. Он показался мне огромным. Каких только фруктовых деревьев, кустарников ягод и всего остального там не было. Вишня, абрикосы, персики, яблоки, груши свешивались с красивых ветвей деревьев.

Под огромной яблоней был раскинут шатер, под которым на столе я увидел знакомые осетинские пироги, голову ягненка, разные закуски, напитки. Но меня, хотя я был голоден, тянуло не за стол, а в сад. Наверное, мое состояние понял молодой садовник и повел меня знакомиться с этим бесконечным сказочным колхозным садом и заодно лакомиться его чудными плодами. Мы вернулись с осмотра сада только тогда, когда старики и руководители колхоза уже закончили свою трапезу.

Я был доволен, сыт и отлично себя чувствовал. Тогда, в то далекое мое детство, я думал, что этот сад, как и многие другие фруктовые сады Хумалага, будут существовать вечно. Однако я ошибся. И на месте этого сада, и на месте других фруктовых садов моего детства сейчас «красуются» пустыри, заросшие сорняком. А жители моего села, как и жители Москвы и других российских городов, сегодня покупают в магазинах красивые, но вредные для здоровья импортные фрукты и питаются ими. Печально, мой друг.

Твой дедушка Ахсар.
8 августа 2010 г.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

9 августа 2010 года

Хумалаг не считался во времена моего детства фруктовым селом. Славилась своими яблоками горное село Унал, своими грушами – Алагир, своими сливами, абрикосами и персиками – селения Эльхотова, Заманкул, Зильги, Ольгинское и другие. И все-таки все мое детство и отрочество вплоть до начала Великой Отечественной войны проходили в Хумалаге среди фруктовых садов. Это были два колхозных фруктовых сада. Об одном из них я тебе уже рассказывал. Второй фруктовый сад принадлежал колхозу имени Сталина (я уже говорил, что тогда в Хумалаге было два колхоза). Этот сад с огромными яблоневыми, грушевыми, абрикосовыми, персиковыми и другими фруктовыми деревьями начинался у конца села и простирался далеко в степь вплоть до колхозных земель селения Брут.

Богатый урожай фруктов с колхозных садов ежегодно сдавался в государственные заготовительные пункты, шел на общественное питание колхозников. Какую-то часть фруктов присваивали себе мальчишки, любившие в обход сторожевой охраны преодолевать все ограды, забираться на деревья и набивать за пазухи всяких фруктов. Это они делали не потому, что нуждались в этих фруктах, а больше из-за озорства, своеобразного «геройства»: а мы и это можем, нам нипочем ни ограды, ни сторожевая охрана.

Каждая семья в те годы, да и теперь, имела приусадебный участок, на котором, кроме овощей, кукурузы, картофеля, росли фруктовые деревья. У кого-то фруктовые сады были больше, у кого-то меньше, но я не помню, чтобы у какой-нибудь семьи, у которой мы были в гостях с бабушкой и дедушкой, не было фруктового сада.

Я до сих пор помню ароматный вкус замечательных груш, которые нам срывала с пригнувшихся к земле под тяжестью богатого урожая грушевых веток тетя Цежа Бедоева, младшая сестра моей бабушки.

Рядом с Бедоевыми жил сельский интеллигент, красивый, полноватый, добрый старик Дзамболат Бежаев. Дедушка, когда мы были в гостях у Бедоевых, оставил сестер наслаждаться общением друг с другом, а меня пригласил с собой к Бежаевым. Дзамболат, его жена и их дочь приняли нас очень тепло. Дзамболат попросил дочь отвести меня в сад, а они вместе с дедушкой продолжили обсуждение своих дел – то ли проблем села, то ли

республики, то ли международного положения. Мне тогда это было трудно понять. Но было ясно, что каждый из них говорит убедительно, со знанием дела, спокойно, терпеливо выслушивая другого. Им вдвоем, мне показалось, было хорошо вместе. Возможно, у каждого из них был свой взгляд на обсуждаемый вопрос, но они с уважением относились к мнению друг друга.

Это я заметил за то короткое время, пока Замира (по-моему, так звали дочь Дзамболата) переодевалась в подходящую для сада одежду. Их фруктовый сад поразил меня своими размерами и разнообразием, порядком и ухоженностью. Там росли и яблоки, и груши, и вишня, и сливы, и абрикосы... Вдоль ограды были высажены кустарники с разными ягодами.

Все фрукты, очевидно, были вкусные, но я их не пробовал, как меня ни уговаривала Замира. Мое внимание привлекли персики. Она это заметила, нарвала их достаточно много и положила в собранный мешочком передник. Мы вернулись во двор, сели поодаль от бабушки и Дзамболата, и я стал уплетать персики, которые Замира успела помыть и положить передо мной на трехногий маленький столик.

Бабушка и Дзамболат уже сидели за обеденным столом, приглашали и меня к ним присоединиться, но я вежливо отказался. Не знаю, сколько я съел бежаевских персиков, но могу тебе, мой друг, уверенно сказать, что нигде, никогда я не ел больше таких вкусных персиков.

У всех наших соседей – Акоевых, Албеговых, Галазовых, Кудзиевых, Дзампаевых, Кабоевых, Кусаевых, Хабаевых, Туаевых, Бзыковых – были великолепные фруктовые сады. Ни в одном доме с ранней весны до глубокой осени не переводились ранние, летние, поздние фрукты и ягоды: тутовник, черешня, вишня, абрикосы, персики, яблоки, груши. Особенно богатый и ухоженный фруктовый сад был у Кокаевых.

У нас было два приусадебных участка: один прилегал к дому, а другой был напротив, на углу, рядом с домом Кти Галазова. Этот участок бабушка купил после того, как его родное село Батако сожгли бандиты, а его жители были вынуждены бежать из него и скитаться по разным уголкам Осетии. На этом участке вначале бабушка Бабзе хотел построить дом, но потом его отговорили от этого решения мой отец Хаджимурза и его брат, мой родной дядя Хаджимусса. Это было связано с тем, что отца перевели на работу в Беслан, а Хаджимусса окончил Государственный институт международных отношений и остался жить и работать в Москве. Их дом оставался без жильцов, без присмотра, поэтому бабушка

после долгих уговоров согласился поселиться в нем. Заготовленные стройматериалы для постройки дома на своем участке он использовал на строительстве огромного широкого сарая с черепичной крышей во дворе своего зятя. В левой части этого сарая был хадзар (хæдзар – жилой дом с одной большой комнатой и одной маленькой), перед хадзаром была летняя площадка с печами, на одной из которых готовилась еда, а в другой выпекали хлеб. Эта площадка заканчивалась деревянным амбаром, в котором хранились мука, зерно и другие сельхозпродукты. В правой части сарая были построены удобные хлева для домашнего скота с соответствующими стойлами и кормушками.

На втором приусадебном участке, огороженном высоким и красивым плетневым забором, дедушка разбил чудесный фруктовый сад. Я не знаю, где он их находил, откуда привозил, но в этом саду росли хорошие сорта яблони, груши, сливы, вишни, абрикоса, тутовника.

В один прекрасный день после обеда, когда бабушка была у своей сестры Цежа Бедоевой, а дедушку пригласил в гости наш сосед Бибо Кудзиев, я сидел на лавочке около дома Кудзиевых. Дом Бибо Кудзиева был на углу на пересечении двух дорог, через дорогу прямо напротив этого дома был фруктовый сад дедушки.

Я сидел и ждал сына Бибо Кудзиева Измаила, которого отец послал в магазин за какими-то товарами. Вдруг передо мной появились три мальчика немного старше меня. Я их не знал. Очевидно, они были из нижней части села. Их заинтересовали фрукты в нашем саду, и они приняли решение пробраться туда. Они предложили мне войти в их «воровскую» компанию в качестве наблюдателя и поставили передо мной задачу: наблюдать «вон за тем домом» (нашим домом) и, если кто-нибудь оттуда появится, три раза свистнуть. Я дал согласие, но попросил их не лезть через забор, а спокойно пройти в сад через калитку, потому что «в этом доме» никого нет.

– А ты откуда знаешь? – усомнился один из них.

– Как откуда? Я давно здесь сижу и видел, как совсем недавно хозяева дома ушли в гости, – твердо сказал я.

Ребята последовали моему совету, спокойно вошли в сад и сорвали все, что им нужно было. Они хотели честно выполнить свое обещание и отдать мне за труды наблюдателя мою долю.

– Мне не надо, оставьте все себе. Если мне понадобится, я зайду в сад и сам нарву, – сказал я им с довольной ухмылкой.

– Как зайдешь? Один зайдешь?! – удивились они.

– Конечно, один. Ведь это же мой сад, – гордо закончил я свою речь.

– Ну, ты даешь!!! – разом выкрикнули они и побежали легкой трусцой в сторону правления колхоза.

Я не знал, что за всей этой историей из открытого настежь окна Кудзиевых наблюдали Бибо и мой дедушка.

– Молодец! – похвалил меня дедушка. – Ты поступил как настоящий гостеприимный хозяин. Главное, что ты заставил их идти через калитку. А так могли и плетень завалить! – закончил дедушка, и они оба с Бибо весело рассмеялись.

Вообще мой дедушка был очень радушным человеком. Особо эта его черта проявлялась по отношению к детям. Для них он ничего не жалел и даже не ругал, если они у него что-то ломали, воровали фрукты из его сада. Вся его брань ограничивалась какой-либо назидательной шуткой. Часто к украденным яблокам или другим фруктам из его сада, если дед узнавал виновника, он добавлял еще что-нибудь от себя лично. И этот воспитательный прием, который мальчики называли «Габосийи фокустæ» (фокусы Габоси), действовал безотказно.

Однажды вечером мы вместе с дедушкой пошли искать загулявшего где-то теленка, нашли его и вместе с ним возвращались домой. Проходя мимо сада, мы услышали какой-то шум и треск обломившейся ветки.

– Кæцы дæ уый?²¹ – громко спросил дедушка.

В ответ послышался плачущий голос моего друга Руслана Акоева, который спрашивал своего младшего хулиганистого, разбитного брата:

– Мурат! Нæ къамбецы род нæма æрбацыд?²²

– Æрбацыд, æрбацыд!²³ – весело ответил тот.

– Руслан, мæ къона! Æмæ дæ къамбецы род мæ чылауи бæласы сæр цы агуры? Уæдæмæ ма афтæ бакæн: махæн дæр æртон чылауитæ æмæ æддæмæ кулдуарыл рацу²⁴, – попросил дед.

Руслан так и поступил. Мы все вместе посидели на лавке Бибо Кудзиева, съели сливы, которыми нас угостил Руслан, посмеялись над веселыми рассказами дедушки из его детства и разошлись по домам.

²¹ Кто там?

²² Мурат! Не пришел еще наш буйволенок?

²³ Пришел, пришел!

²⁴ Руслан, моя опора! Почему ты ищешь своего буйволенка на моем дереве?

Ты лучше вот как поступи: нарви и нам слив и выйди наружу через калитку.

С тех пор ни Руслан, ни даже хулиганистый Мурат без разрешения деда в его сад не забирались. Да в этом и нужды не было, потому что в любое время я мог провести их в сад даже без разрешения дедушки. Вот такими широкими полномочиями наделил меня мой любимый Бабзе.

Твой давно по тебе соскучившийся дед.
8 августа 2010 г.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

15 августа 2010 года

Здравствуй, дорогой друг!

Хумалаг, как и другие села Осетии, во времена моего детства был селом настоящих тружеников – крестьян. Они любили землю, охраняли и возделывали ее. С раннего утра до позднего вечера и мужчины, и женщины, и юноши, и девушки работали на колхозных полях: пахали, бороновали, сеяли, ухаживали за посевами, выращивали богатые урожаи пшеницы, ячменя, проса, кукурузы, картофеля, овощных и бахчевых культур. В отличном состоянии содержали колхозные фруктовые сады. Как это ни странно звучит сегодня, но во всем Хумалаге тогда не было ни одного безработного работоспособного человека: и простые крестьяне, и трактористы, и комбайнеры, и механизаторы, и мелиораторы, и агрономы, и садоводы, и учителя, и врачи, и работники торговли и службы быта были востребованы и находили себе работу в колхозе, в МТС, в школах, в больнице, в доме культуры, в библиотеке.

После работы у моих односельчан оставалось достаточно времени, чтобы обрабатывать свои приусадебные огороды и сады, содержать и ухаживать за своим домашним крупным и мелким рогатым скотом, домашней птицей: курами, гусями, утками, индюками. Я не могу, дорогой Азамат, вспомнить ни одного лодыря, ни одного пьяницу в Хумалаге во времена моего детства. О наркотиках тогда никто и представления не имел.

После работы на всех улицах села молодежь устраивала танцы под осетинскую гармонику, пела, веселилась до позднего вечера. При этом молодые мужчины и женщины, юноши и девушки успевали выспаться за ночь, а рано утром принимались за работу и учебу.

А какие были молодые люди! Все как на подбор юноши и девушки были прекрасны. Девушки отличались своей природной,

естественной красотой, целомудрием, благородством и трудолюбием. Они умели ухаживать и за собой, и за старшими, и шить, и готовить еду, и стирать, и учиться, и работать на совесть. Во времена моего детства с понятием «девушка» были несовместимы неряшливость, грубость или развязное поведение – тем более курение или алкоголь.

О девушках и юношах моего детства особый разговор. Особый потому, Азамат, что они относились к тому поколению советских людей, которое отстояло свободу и независимость нашей многонациональной страны, освободило народы Европы от фашистского порабощения и навечно вписало в мировую историю не смыываемую временем страницу великого исторического подвига советского народа.

Уже более шестидесяти пяти лет историки, политики, писатели, журналисты, которые ненавидели и ненавидят советский строй, и в России, и за ее пределами, стараются вырвать из истории эту страницу или замарать ее своей желчью. Своим «особым» взглядом на историю Великой Отечественной войны 1941–1945 годов они стремятся очернить память о миллионах советских людей, отдавших свою жизнь во имя Родины, во имя свободы и независимости растущих поколений и в бывшем Советском Союзе, и в России, и в Европе.

Слава Богу! У них ничего не получается. Чем дальше человечество уходит в своем развитии, тем яснее перед ним встает подлинная история Великой Отечественной войны и тем четче осознается в мире роль Советского Союза в победе над фашизмом.

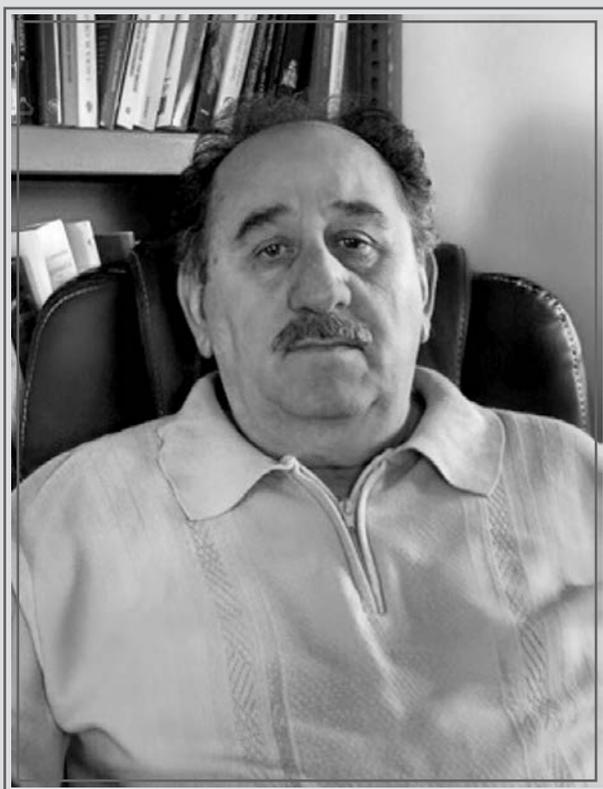
Твой дедушка Ахсар.
16 августа 2010 г.

Окончание следует.

Николай ТАКСИДИ

УХОДЯТ ГЕРОИ

СТИХИ

УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ

Глядит с загадочной улыбкой
С портрета будто Мона Лиза,
Но не творенье Леонардо,
А человек мне очень близкий.

Совсем молоденькой девчонкой
Случайно ль, для нужды какой-то
Сфотографировалась мама
С улыбкой нежной и спокойной.

Изображение на камень
Я перенес с той фотки старой.
Хотел подарок сделать маме,
Хоть и немного запоздало.

Холодный камень, оживая,
Пронес в воспоминаньях годы,
Как будто мне напоминая
Улыбку тайную Джоконды.

Смотрю на рук своих творенье,
И будоражит душу память.
Дает мне силу, вдохновенье,
И помогает в этом мама.

Когда-то жизнь мне подарила,
А с ней и сердце молодое.
Теперь дает улыбка мамы
Мне чувство странного покоя.

08.2013

ПАПИН СТАРЕНЬКИЙ ПИДЖАК

Милая моя сестренка,
 Не решился доложить:
 Умер папа наш, а мама
 Не сумела пережить.

Занавесили мы окна,
 Телевизор, зеркала
 И поставили лампадку
 Под святыё образа.

Я повесил над диваном
 Папин старенький пиджак —
 Будет маленьким обманом,
 Ведь не верится никак.

Помнишь мамину машинку?
 Дети вздумали убрать.
 Говорят: всю жизнь о маме
 Будет мне напоминать.

Я их где-то понимаю,
 Обновить хотят наш быт,
 Но ведь мам не забывают...
 Я не дал, пускай стоит.

02.2019

ОСЕТИНСКИЕ ПИРОГИ

Я не буду есть суши руками,
 Мне и палочки их не нужны.
 По душе русский чай с пирогами,
 В Новый год свежий запах сосны.

До чего неуютно и тесно
 В узких улочках их городов.
 Я к просторам привык поднебесным
 И к цветению наших садов.

Вспоминаю, как летом с друзьями
 В горы съездим, по лесу пройдем.

Сами, собственными руками
Земляники, грибов наберем.

У костра над огнем с едим дымом
Куртки высушим и сапоги,
Стол накроем простой: зелень с сыром,
Осетинские пироги.

Горной речки я помню начало,
От седых ледников рукава,
Над ущелием ветры качали
Белоснежные облака.

А в реке той форели водились,
Белки в ельнике – с ветки на ветку,
И орлы на вершинах гнездились.
Вольным – воля, невольникам – клетка...

Что же с памятью делать упрямой?
Миллион зарисовок в букет!
Ну а как поступили бы сами,
Зачеркнули? Конечно же, нет!

02.2016

УХОДЯТ ГЕРОИ

Слабеют империи, мощью былой утешаясь,
Уходят герои. Следы их останутся в мифах.
Печальные песни поют легионы, прощаясь.
Не слышно собраний народных в Афинах и Фивах.
Безжалостно Спарту разрушило время.
И нет больше сил защитить от позора Элладу.
Навечно утрачено предков великое семя.
Атлантов историю жизни читаем в балладах.
Ничтожные люди во блуде и лжи пребывают,
На древних развалинах строят империи снова.
И всё, что не входит в их план, на корню убивают,
И в рабство ко дьяволу сдать свой народ уж готовы...
Но то, что и сами к нему попадут, и не знают!

25.03.2021

Александр РЫБИН

РЕМБО В ЭФИОПИИ

РАССКАЗЫ

В оформлении использована картина Ламина Аззузи

ГОРЕЧЬ ЛИМОНОВ

Получается, что бывшая навела на меня эту немку, хотя никогда в жизни не встречала ее и совершенно не подозревала о ее существовании. Дело в книге. И в Кипре. Точнее – в Турецкой республике Северного Кипра. Республику организовала турецкая армия, оккупировав северную часть острова, населенную турками, греками и подданными британской короны. Оккупация происходила в 1974 году. Турецкая армия спасала этнических турок на Кипре после того, как власть на острове захватили греческие националисты и решили освободить «исконно греческие земли» от лишних народов. Получилось новое государство. Правда, никто, кроме Турции, его не признал.

В декабре 2018 года я пытался спасти отношения с бывшей, поэтому предложил вместе отправиться на Кипр. «Полторы недели, может, что-то у нас получится». Она согласилась и взялась за литературу по Кипру. За годы жизни со мной она научилась предварительно интересоваться теми местами, куда планирует отправиться: историей, культурой, языком. До того она путешествовала, словно ходила за покупками по магазинам известных торговых марок. Очень гордилась количеством штампов разных стран на страницах паспорта. Впрочем, со временем, прошли годы, ее потащило обратно к прошлому, вредные потребительские привычки и комплексы стали проявляться с новой силой. Отношения разваливались, скандалы, ее истерики, невыносимая атмосфера в квартире. Поэтому появилась идея путешествия на Кипр.

«Лоренс Даррелл, “Горькие лимоны” – лучшее, что я прочитала про жизнь на острове, пока его не разорвали на части турки и греки», – сказала мне бывшая, когда мы летели из России в сторону кипрского аэропорта Ларнака. И она кратко пересказала содержание текста. Походило на балканские сюжеты: жулики, лень, алкоголь, вооруженные разборки между местными, борьба коренных жителей против британских колониальных властей и отставной британский дипломат, Даррелл, приехавший на Кипр, чтобы писать книгу. Даррелл с помощью одного местного мошенника купил дом в селе Беллапаис. Начало 1950-х. После 1974-го Беллапаис попал в состав Турецкой республики Северного Кипра. Но дом Даррелла, умершего в 1990-м, остался в собственности его родственников. «Надеюсь, что этот дом удастся посетить. Не знаю точно, стал ли он музеем или по-прежнему просто жилой. Не нашла точной информации. Сама история, как Даррелл покупал дом, описанная в “Горьких лимонах”, восхитительна».

В первые наши дни на Кипре лили нескончаемые дожди. Самые сильные за последние 40 лет. Размыло некоторые дороги. Несколько человек пропали без вести – их смыло вместе с машиной на одном из горных шоссе. Местный турок через хлещущие ливневые потоки довез нас до города Гирне, где мы договорились остановиться на три дня у студентов из Йемена. Турку было не по пути, но он беспокоился за нашу судьбу среди стихии. Выскочив из машины и пробежав до дома йеменцев всего 20 метров, мы полностью промокли. Через два дня дожди закончились. Яркое средиземноморское солнце, духота, лужи, капли воды в бутонах цветов. Мы отправились в село Беллапаис. Оно находилось на горе, над Гирне. Домики в Беллапаисе расположены под углом, прилеплены к крутому склону. Вверх-вниз, вверх-вниз – петляли мы по улицам.

Сначала решили посетить аббатство, которое здесь устроили почти тысячу лет назад крестоносцы. Надломанные арки, перебитые кресты на стенах, обвалившиеся купола. Несколько банановых пальм шуршали листьями-веерами под порывами ветра, словно пергаментными страницами. Мы гуляли среди старинных резных камней раздельно. Я вспомнил наши ранние отношения среди других древних камней, в Сирии: не отлепиться, рука об руку, чувствовали животное тепло друг друга. За ровной серой плитой Средиземного моря виднелись темные берега Сирии. Мы вновь встретились на выходе из аббатства. «Идем к дому Даррелла?» Зашагали вверх по одной из улиц. Бывшая открыла свой блокнот: «Вот я выписала из “Горьких лимонов”. Слушай. “Я был готов увидеть нечто прекрасное и уже знал, что руины монастыря

в Беллапаис — один из красивейших памятников готической эпохи во всем Леванте, но я никак не ожидал увидеть такую поразительно законченную картину: маленькая деревушка охватывала притулившийся к прохладному боку горы монастырь со всех сторон, осторожно его баюкая. Перед последним подъемом дорога шла зигзагами, прорезая ландшафт с густой примесью апельсиновых и лимонных садов, наполненный шумом бегущей воды. Дорога была сплошь усыпана миндалевым и персиковым цветом: роскошь неправдоподобная, как декорация в японской пьесе. Последние сто с небольшим ярдов дорога шла по окраине деревни, мимо спускающихся по склону серых, построенных на старый манер домов со сводчатыми дверными проемами и резными дверями на старомодных петлях»».

На нашей карте дом британца был указан под названием «Горькие лимоны». И никаких других примечаний. Если не знаешь про его книгу, то не поймешь, в чем смысл, — просто чудное название одного их домов. Мы вышли на небольшую площадь. «Этот, кажется. Уточним у местных на всякий случай». Мимо проходил старичок в пиджаке и кепке, руки заложены за спину. Я обратился на ломаном турецком. Фамилию «Даррелл» он быстро понял и показал пальцем на жилье британца. Правильный серо-желтый куб в два этажа, обрезанный снизу по диагонали, — потому что встроен в склон. Окна закрыты ставнями. Позади дома каменная глухая стена, закрывающая внутренний двор. Над стеной нависли лимонные деревья: мелкие недоспевшие желтые плоды в зеленой листве. Мы постучали в единственную дверь. Прислушались. «Вроде никакого движения. Надо громче». Я ударил ногой в дверь. По-прежнему внутри тишина. Из соседнего дома вышел мужик с сигаретой в зубах. «Ноу, ноу. Йок. Британия. Фэмели ту Британия», — сказал мужик. «Музей?» Мужик сложил пальцы в щепоть, близневосточный многозначительный знак, в данном случае он означал «подождите». Позвонил. Разговаривал с кем-то по телефону по-турецки. Передал трубку мне: «Хэлло». Мужской голос в трубке владел английским. «Мы пытаемся попасть в дом Лоренса Даррелла. Мы туристы». Родственники писателя, объяснял голос, постоянно живут в Британии, в Беллапаис приезжают исключительно летом; они разрешают туристам входить внутрь, но только когда сами в доме. «Сорри, гайз», — закончились объяснения. Я отдал телефон турку: «Ташакор эдерым». Бывшая подошла к стене, закрывающей внутренний двор. Ухватилась за края, подтянулась и налегла животом на стену. Сорвала несколько лимончиков и, оттолкнувшись руками, прыгнула — молодая

грациозная кошка. «Когда с йеменцами будем пить чай, добавим. Лимоны из писательского дома. По-моему, круто».

В доме йеменцев я разрезал лимон и попробовал. Очень горький, именно горький, а не кислый, как положено быть спелому лимону. Но йеменцы, соблюдая арабийский этикет, до конца выпили стаканы с чаем, в который мы им подкинули лимонные дольки, и поблагодарили: «Очень вкусно».

После поездки на Кипр отношения развалились окончательно. Она в полной мере стала бывшей. Словно издохшая лошадь, отношения с ней остались позади меня на дороге. Я шагал дальше, стараясь не оглядываться. За следующим поворотом я оказался в эфиопской столице – Аддис-Абебе.

Немка Катарина прилетела в Аддис, чтобы заниматься научной работой. Университет выделил ей финансирование на изучение нескольких видов растительности в национальном парке на юге Эфиопии, вокруг озера Хауаса. В Аддисе ей полагалось, как исследовательнице, общаться с местными преподавателями и читать их научные труды по теме. Двадцатиоднолетняя дочь профессора древнегреческой литературы из Берлина. «И как долго ты путешествовал по Кипру?» – спросила она меня. Мы в компании других белых иностранцев сидели вечером в кабаке Black Rose – главное место сбора экспатов в эфиопской столице. Двумя неделями ранее моя алжирская подружка улетела домой во Францию и возвращаться в Аддис не собиралась, поэтому я настроился на новые отношения. «Полторы недели суммарно – в греческой и в турецкой частях Кипра. Недолго». Выяснилось, что отец Катаринины преподавал в греческом университете на острове. Она с ним прожила на Кипре около года. «Лоренса Даррелла ты читала? “Горькие лимоны”? Хорошая книга». Катарина хлопнула себя по коленям: «Офигеть! Ты же говоришь, что путешествовал по Кипру всего полторы недели. Откуда знаешь про “Горькие лимоны”?!» Да мало кто об этой книжке знает даже в кипрских университетах. Я про преподавателей. Студенты всюду ленивые и ничего не знают». В общем, мы откололись от компании и дальше общались вдвоем, не обращая внимания на остальных. Катарина считала «Горькие лимоны» лучшей из прочитанных книг.

Молоденькая немка хотела нравиться многим мужчинам, а желательна – всем симпатичным. Умная и бойкая, высокая и смазливая, у нее получалось. Но мужиков вокруг сбивали с толку ее энергия и напор. Они теряли инициативу в общении и превращались в овощи. Поэтому нужно было перекрыть ее напористость

своей, чтобы затем уйти вместе из Black Rose... куда? Можно и ко мне. Я принялся задавать ей вопросы – Кипр, турки, греки, литература, папа-профессор, Берлин и т. д., – прикасаясь как бы ненароком к ней то тут, то там, то ниже, то выше. Ей нравилось. Сомнения? Никаких сомнений. Однако следовало соблюдать условности общества: нельзя просто взять и уйти, покинуть компанию, потому что компания была достаточно трезвой пока. Я посмотрел на часы: начало десятого. Обычно в Black Rose засиживаются до закрытия – до часу ночи. Если не перемещаются в клубы. Вариант с клубом неплох. В многолюдье можно затеряться и подыскать укромный уголок. Или совсем исчезнуть. Можно ко мне.

Мы пили пиво «Хабеша» и курили сигареты-самокрутки. Суданец Мухаммед работал на заводе, где производится «Хабеша», консультант-технолог. «У них отличное немецкое оборудование. Поверь мне», – говорил Мухаммед. И я верил. Суданцам я верил почти каждому. Есть ли честнее народ в Африке? Возможно, кабилы, живущие на севере Алжира? – впрочем, то другая история. Суданцы, греки, итальянцы, французы, немцы, испанцы, китайцы и, конечно же, эфиопы заполняли кабак. На эту орду – я единственный русский. «Чем ты занимаешься в Аддисе?» – спросила Катарина. Двигаюсь дальше по жизни, избавляюсь от ненужного груза прошлого, – было бы самым честным ответом. Я ответил: «Никогда раньше не жил в Африке. Друзья посоветовали Эфиопию. Пробую». Тоже правдивый ответ. Катарина жестом предложила выпить: «За Аддис?» Я с ней выпил на брудершафт, хлебнули из темных бутылок с изображением кучерявого эфиопа и потянулись друг к другу губами. Наши губы слиплись. Она хотела страсти, ее язык тянулся к моему, гулял по деснам. «Ну вы даете, ребята», – врезался один из греков. Я расцепился с Катариной и чокнулся бутылкой в стаканы греков. «Мне кажется, нам пора вежливо уйти», – шепнул немке на ухо. Она кивнула. «Ребята, мы в “ЭскоБАР”. Будем ждать вас там», – сказал я и взял немку за руку. Вытащил из кармана брюк купюру в сотню быр и положил на стол. Катарина прижала купюру недопитой бутылкой пива.

Мы вышли на улицу, проспект Боле – главная автомобильная артерия эфиопской столицы. Проспект соединяет международный аэропорт с районом города, где расположены правительственные здания, самые дорогие гостиницы и бизнес-центры. В те дни в Аддисе происходила встреча глав государств Африканского Союза. Через каждые метров тридцать-пятьдесят на тротуарах дежурили вооруженные патрули: обязательно половина – мужчины, половина – женщины. Обычно на тротуарах Боле

ночевали нищие и бездомные, завернувшись в грязные тряпки, – худые мозолистые ступни торчали наружу. Если погода безветренная, то сильно воняло мочой и экскрементами – нищие справляли нужду там же, где спали. Но из-за приезда африканских президентов тротуары зачистили. По проспекту до моего «дома», гостевого дома, где я обитал уже длительное время, минут двадцать пять пешком, на кольце Воло Сафар поворот налево и еще минут пять пешком. С Катариной мы не спешили. Целовались, присаживались на скамейки, чтобы покурить и снова целоваться, у нее оказалась в кармане крошечная бутылочка немецкого пойла Fräulein Brösels. Мимо время от времени проезжали кортежи африканских президентов. Запомнился кортеж главного в Ливии – кто это вообще был, у них же с 2011 года до сих пор нет внятного главы государства?! – впереди американский песочного цвета броневедомобиль «Хамви», пулеметчик в башне водил стволом по сторонам, трепыхался красно-черно-зеленый флаг Ливии, далее два джипа «Мерседес», за ними машина спецсвязи, наконец черный лимузин с флажками над фарами, в котором обычно и ездят «первые лица», снова два черных джипа, и замыкал процессию еще один «Хамви» с пулеметчиком. Катарина, быстро опьяневшая от немецкого пойла, предложила – мы на скамейке, в пальцах самокрутки – кинуть в ливийский кортеж камень. «Не уверен, что умная затея», – сказал я. Немка стала неудержима, соскользнула во тьму за скамейку. Я слышал, как она ругается, топая ногами: «Scheiße». Она нашплатки камень. На нашу удачу ливийский кортеж удалился настолько, что Катарина не добросила даже до замыкающего «Хамви».

Когда мы оказались в моей комнате и стали стаскивать одежду друг с друга, оба неожиданно протрезвели. Конечно же, между нами произошло соитие; немка несколько раз спрашивала «тебе нравится?», пока оно длилось. Утихомирились и заснули мы, когда на улице начинал редеть мрак. В открытом окне на фоне черносинего неба проступали силуэты пальм и эвкалиптов.

Впутавшись в отношения со мной, Катарина подуспокоилась. Меньше стала лезть к мужикам. Она просто хотела нежности, маленькая девочка. Прижаться к плечу, обняться, чтобы поцеловал ее вдруг. Чтобы, засыпая, повернуться ко мне спиной, а я прижался к ней всем телом сзади. Она хотела, чтобы наши дни в Аддисе не заканчивались. Однако у меня появились дела в сербском Белграде. Когда мне понадобилось погрузить свои рюкзаки, два тяжелых рюкзака, в такси и ехать в аэропорт, она побежала в мою (нашу) комнату, чтобы принести эти рюкзаки. Трогательная забота влюбленной девушки.

Я поступил жестоко. Почти не писал ей. Через полгода после расставания в Аддисе мы увиделись в Европе на пару дней. Гуляли, целовались, обнимались, через два дня расслоились каждый в своем направлении – и я снова ей не писал. Города, страны, сумасшествие всемирной эпидемии, которое заперло меня на многомесячный карантин в Турции...

...Но это не конец истории. Новый фон событий – Саудовская Аравия, южная, дышащая на границу с Йеменом провинция Наджран. Я оказался на саудовском юге, чтобы написать репортаж о том, как нелегалы из Африки незаконно переходят через границу и нанимаются работниками на близлежащих фермах и стройках. Разговорчивые наджранцы рассказали об итало-французской археологической экспедиции, которая работала в провинции. Из любопытства решил навеститься к европейским исследователям. Они работали в местечке под названием Бир Хима. Один из наджранцев, знакомый с археологами, предложил подвезти.

Рыжая песчано-каменная пустыня и черная полоса шоссе. Мы гнали одни. Хотя это важное шоссе, здесь полагалось бы активно перемещаться автомобилям в оба направления. «Почему трасса пустая?» – спросил знакомого наджранца. «Бандиты. Раньше многие здесь ездили. В Йемен саудовская армия влезла, йеменцы стали заходить сюда, из засад нападали на автомобили, похищали саудовцев, грабили. Если ловили военных или полицейских – казнили, просто расстреливали. Почему я не боюсь этой дороги? Я из племени Бану-Ям. Половина наших в Наджране, половина – в пограничной области Йемена. Это мои родственники иногда орудовали здесь». Пока он рассказывал, его лицо оставалось спокойным, без неровностей эмоций, словно поверхность стекла. «Асфальт проложили по древнему пути. По нему караваны возили ладан из Дофара на север, в Сирию и Византию. Дорогу контролировали наши предки, взимали налог за проход. Наши йеменские родственники занялись старинным родовым промыслом», – по-прежнему серьезен.

Мы свернули с шоссе в расщелину между горами. Через несколько километров остановились перед аккуратным домиком из красного кирпича европейской архитектуры. Мой приятель вытащил телефон и набрал чей-то номер, оставаясь в автомобиле. Я вылез, чтобы размяться. Отошел посмотреть на окрестные скалы. «Пока не отвечают. Если хочешь, прогуляйся недалеко, Искандер. Здесь подожду, когда они ответят и откроют. Вон там метрах в пятидесяти на скале знаменитая надпись про разрушение

Наджрана и убийство христиан иудейской армией». Я направился рассматривать надпись про разрушения и убийства.

Скала с одной стороны обнесена хлипким решетчатым забором, дверца открывается нажатием на ручку. На отполированной серой каменной стене выбиты ровные ряды знаков. У меня сразу появилось сравнение – очень похожи на современную письменность эфиопов: будто контурные примитивные изображения людей, животных, растений и предметов. Примерился – каждая буква больше моей ладони. Слева от надписи на стене два символа значительно больших размеров. Оба похожи на детский рисунок «человечков»: один «человечек» как будто в замысловатом облачении, другой – вроде как с секирой, охраняет первого. Я потрогал символы, шероховатые канавки, из которых они состояли. Прикосновение к прошлому, попытка почувствовать их древность, тяжесть веков, которые они пережили. Ничего. Просто шероховатости теплых камней. Я повернул обратно.

Мой наджранец стоял с тремя девушками. Все четверо громко и радостно гомонили. Наджранец оперся спиной на машину, одна из девушек активно жестикулировала и разговаривала громче остальных... Да ладно! Не может быть! Откуда и почему она здесь?! «Катя?» – «Алекс?» – «Ты вроде специализируешься на тропических растениях». – «Я не только ботаникой увлекаюсь. Литературой тоже. Забыл? Здесь полно древней каменной литературы». Мы обнялись. «Вы знакомы?» – решила спросить одна из девушек. «Знакомее не придумаешь», – ответила Катарина.

Близкая подруга, французженка-археолог, пригласила ее поработать за небольшую плату в экспедиции. «Я бы и сама приплатила, чтобы поучаствовать в их экспедиции». Немка почти месяц провела в Наджране. «Идем я покажу и расскажу, что мы здесь изучаем. Ты рассматривал запись Зу Нуваса о казни христиан в Наджране?» Понятия не имею, что я рассматривал. Сказал, что буквы похожи на эфиопские. «Точно. И мне показалось, когда первый раз их увидела. Это южноаравийская письменность. Одна из древнейших в мире. На ее основе эфиопы создали свой алфавит. Пиво “Хабеша”, помнишь?» Вместо ответа спросил ее: «Мы типа на свидании?» Она обхватила меня длинными руками и прижалась губами к моему плечу, к футболке цвета маренго.

Пока рассказывала про надпись на стене, она держала меня за руку. Поглаживая то большим, то средним, то указательным пальцем внутреннюю сторону моей ладони. Черные глаза и ало-губый большой рот. Та самая немецкая Катарина, с которой я гулял по Аддису и обсуждал книжки, позже – по европейским геометриче-

ски правильным улицам и опять говорили о литературе. «Жители Наджрана исповедовали православие, которое, кстати, им принесли проповедники из Эфиопии. По соседству в шестом веке располагалось царство, где главенствовал иудаизм. По меркам наших дней – иудаизм террористической направленности. Правитель Зу Нувас совершал походы против соседей, исповедующих иные верования. Захватил Наджран, предложил местным: либо принимаете иудаизм, либо смерть. Наджранцы сказали, что останутся православными даже под угрозой убийства. Солдаты Зу Нуваса выкопали котлован: в нем заживо сожгли всех наджранцев вне зависимости от пола и возраста – от 4 до 20 тысяч. Здесь по приказу Зу Нуваса выбили запись о его покорении Наджрана. Узкая долина идет дальше на северо-запад. Это часть древнего Пути благовоний. По нему везли ладан из Омана на север. То есть Зу Нувас как бы сообщал всем проходящим мимо о своей победе и жестокости. Массовое сожжение наджранцев шокировало Аравию. Оно даже упоминается в Коране». Катарина сияла от восторга, завершив рассказ. Если ей хотелось блеснуть передо мной, у нее получилось – не понадобились обычные женские штучки: наряды, макияж, духи с афродизиаками и особая грация. Надпись на скале, тысячелетней давности история и мы вдвоем. Немка ждала поощрения за лекцию о массовом убийстве. Прижал ее к себе и поцеловал: долго и обшаривая руками ее тело.

«Поехали в Вади-Ладжаб, когда у тебя будет свободное время. В Вади-Ладжаб можно купаться голышом. Обожаю. Мы с девочками несколько раз ездили». Купаться голышом в Саудовской Аравии?! «Катарина, да ты с ума сошла!» Через пару дней авто-стопом мы доехали до Вади-Ладжаб – русло реки, просачивающейся слабым ручьем между громадами валунов, по бокам отвесные каменные стены высотой в сотни метров. Извилистый коридор сквозь горы на несколько километров. Первые полтора километра тянулась автомобильная дорога – расчищенная от валунов, отсыпанная гравием. Дальше ехать невозможно – надо скакать по камням, забираться на валуны, спускаться с них. Саудовцы, привыкшие к расслабленному и очень комфортному образу жизни, напрягаться не желали. Они разворачивали ковры и расставляли кальяны перед валунами и отдыхали в тени каменных стен под журчание воды.

С Катариной мы углубились в каменный хаос где-то на километр. Вышли к природному бассейну. Один край бассейна плоский и удобный, чтобы нырять с него. Суровая немка быстро

Дом Лоренса Даррелла в деревне Беллапаис (Бейлербей),
Северный Кипр

разделась и с гиканьем шлепнулась в воду. Эхо, отталкиваясь от стен, расходилось в стороны.

Накупавшись, мы забрались на один из валунов и легли обсыхать. «Ты знал, что Анаис Нин была любовницей Даррелла?» – она будто бы продолжила разговор, который мы прервали несколько минут назад. «Не знал». Она спросила, читал ли я эротическую прозу Нин. «Один сборник. Не помню названия. Очень плоские тексты. Секс описывал скучно. Будто неопытный в словах или соитиях человек описывал свои несложные фантазии. Правда, один рассказ мне действительно понравился. “Марьяна” или “Марианна” он называется, не помню». Она этого рассказа не читала. Потребовала, чтобы пересказал. Мы лежали, закрыв глаза, кончиками пальцев касались друг друга. «Думаю, именно этот рассказ Нин не выдумала. Некоторые детали нафантазировала, а в целом – история действительно случилась. Речь о девушке-художнице, которая подрабатывала тем, что набирала на печатной машинке рукописи эротических рассказов Нин и ее приятелей. Параллельно к ней приходит позировать молодой человек. Необычность молодого человека в том, что он возбуждается, пока девушка его рисует...» Катарина положила руку на мою; понимаю, что должен прерваться: «У него стоит?» Мне совсем не хотелось открывать глаза, чтобы убедиться, но я чувствовал, что она пристально смотрит на меня: «Да, стоит. Художнице нравится моло-

дой человек, его идеальное, как у статуи античного героя, тело, в голове у нее крутятся сюжеты эротических рассказов, которые она недавно набивала на печатной машинке. Она не выдерживает и падает перед ним на колени, чтобы юноша ее взял. Сцену с падением на колени, преклонением перед детородным органом юноши, думаю, Нин выдумала – в реальности произошло несколько прозаичнее: девушка прижалась к парню, прихватила его, предложила акт. С коленями – слишком драматично. Затем художница-машинистка селит парня у себя. Выясняется следующая история. Паренек, когда был помладше, возбуждался, когда разгуливал по своей комнате голышом, а за ним подсматривала красивая соседка, старше его, сочная, в формах, мучительная мечта подростка. Соседка не скрывалась. Она сидела под солнцем на балконе и смотрела на юношу. Ему нравилось удовольствие, которое его накрывает, от осознания, что за ним наблюдает красивая женщина. Теперь, чтобы испытывать сильное возбуждение, ему требуется, чтобы женщина рассматривала его голого. Он открыл для себя, что можно позировать художницам. И вот однажды он уходит от девушки, чтобы позировать целому классу художниц. Девушка в ярости, требует, чтобы он не смел. Он уходит. Девушка вдребезги – то, что он позирует голышом для собственного удовольствия перед другими художницами, для нее страшнейшая измена». Катарине понравилось. В ответ она рассказала, что в Париже Нин, Даррелл и американец Генри Миллер жили вместе. «Они друг другу изменяли, и никто не переживал». Над нами в высоте вскрикнула хищная птица: звонкий протяжный звук. «Знаешь, наверное, у Нин получился тот рассказ про художницу и странную измену ее молодого человека, потому что обычные измены на нее впечатления не производили. Попытки описать обычные измены у нее не получались, она не понимала их», – подвел я итог.

Некоторое время спустя мы плутали по валунам, выбираясь из Вади-Ладжаб. «Подожди, – сказала Катарина. – В прошлый раз я видела где-то тут лимонное дерево. Плоды неселые и горькие, но мне нравятся. Горькие лимоны, понимаешь». Лимонного дерева не нашлось, его и не было, зато нашлась укромная пещера, ее-то Катарина и заметила, на самом деле, в прошлый раз.

...Эта история пока не закончилась. Мы по-прежнему вместе. Получаем иракскую визу. «Чтобы побывать в местах, где создавались первые литературные тексты человечества». Басра, Багдад, Мосул, Вавилон, Ур – глубже в века и дольше вместе, такой у нас план.

РЕМБО В ЭФИОПИИ

Мы договорились встретиться в Хараре. Потому что там жил Артюр Рембо, переставший быть французским поэтом и занявшийся промыслом торговца оружием. «Хочу, чтобы мы вместе сходили в дом, где он жил, погуляли по улицам, по которым гулял он. Мы будем друг другу читать стихи Рембо: ты – на русском, я – на французском», – сказала Лара, когда мы ждали такси, которое отвезет ее на железнодорожный вокзал. Лара решила ехать из Аддис-Абебы в Харар по железной дороге, построенной сто лет назад французами. До станции Дыре-Дауа, оттуда на маршрутке в Харар. Она уже забронировала комнату в хостеле. «Мы будем жить в одной комнате в Хараре или в отдельных?» – спросила она. Мы занимались любовью, но она не была уверена, должны ли окружающие знать об этих отношениях. «Даже если у нас будут разные комнаты, мы все равно будем спать в одной постели», – сказал я. «Действительно, какая разница, что думают окружающие», – сказала Лара.

Она сидела в сгустившихся сумерках на пластмассовом стуле. Курила. Темный силуэт, нога на ногу, с двигающимся оранжевым огоньком. С силуэтом разговаривал Энди – эфиоп, воспитывавшийся в семье приемных родителей в США и вернувшийся в Эфиопию, чтобы открыть свою скромную гостиницу для путешественников. Энди представил мне силуэт: «Лара, из Франции». Я сказал, что прямо сейчас иду на концерт джаз-банды из Гвинеи-Бисау и предложил пойти вместе со мной. «Ладно. Я готова», – и Лара потушила сигарету о землю. Когда она наклонилась, чернушние длинные волосы, словно завеса, закрыли ее лицо.

Не помню точно: я переспал с ней прежде, чем показал ей книгу с письмами оружейного барона Рембо из Эфиопии, или все же сначала показал книгу, а потом мы оказались в постели. Но совершенно точно: Рембо стоял возле кровати, на которой мы совершали соитие в первый раз. Он молчал, уставший поэт и дерзкий перевозчик бывших в употреблении европейских ружей. Он внимательно слушал, как из Лары исходило: «Oui-oui». Он наверняка заметил белые полоски-растяжки на ее грудях – последствия от раздувавшего некогда груди материнского молока. Мой православный серебряный крестик, который я всегда ношу на шее (не снимал его даже во время поездок в Афганистан, Ирак и Саудовскую Аравию) с пятнадцати лет, впутался в чернушние волосы Лары. Мы, смеясь, выпутывали его (она помогала моим пальцам

губами) – к этому моменту Рембо покинул комнату. Мы решили, что должны вместе съездить в Харар – возможно, там встретим этого французика снова.

Двое разведенных родителей, остывая, лежали во тьме эфиопской ночи.

Два представителя далеких от этих мест народов.

Я – сибирско-европейский русский, Лара – родившаяся во Франции представительница алжирского племени кабилы.

У нее необычная красота. Сложившиеся причудливым образом в гармонию черты далеких от Африки этнических типов. Красота кабилы похожа на красоту сибирских татар – народа, появившегося на стыке двух рас: европеоидной и монголоидной. У них нетипично светлая кожа для африканского народа, хотя кабилы – древний, именно африканский народ. Их корни теряются во тьме веков Северной Африки. Народ гордый и упорный. Они, несмотря на завоевание арабами, а потом французами, сохранили свою особую письменность, которую, как утверждают, получили напрямую от финикийцев – праотцов всех алфавитов в мире. «Тифинаг – название кабийской письменности. И главные ее хранители во все времена были женщины. Матриархальная письменность», – рассказывала Лара, скрестив на колене, нога закинута на ногу, тонкие длинные пальцы. Тонкие длинные пальцы мне нравились всегда. Запястье правой руки французской кабилки украшал серебряный браслет с несколькими буквами на тифинаге. «Защита от злых духов».

Самый известный из современных французских кабилы – футболист Зинеддин Зидан.

«Когда я был подростком, то занимался боксом и играл в футбол в большой команде. У нас жили бедно. Поэтому я сам купил белую футболку и нашёл на ней номер 10. Потому что Зидан играл под десятым номером. Я его считал лучшим футболистом в мире». Лара была в восторге от моей истории.

Черная ночь Аддис-Абебы. Мы в гостинице Энди. Окно открыто, занавеска сдвинута в сторону. Россыпи звезд видны из этого чрезвычайно скудного на уличное освещение города. На столе горела свеча. Короткое пламя подергивалось от сквозняков. «И откуда же ты взял эту книгу Рембо?» После развода я улетал в Эфиопию, не зная, на сколько тут застряну. Может, на месяц, а может, на год? Планов не было, было направление. Перед отлетом я обошел несколько книжных в Москве. Набрал с десятка

книг, связанных с Эфиопией. Например: записки португальского миссионера XVI века, пытавшегося сманить эфиопского правителя, негуса, в католичество. И свежий русский перевод сборника писем Рембо из Эфиопии, которые в конце 1880-х печатала газета «Египетский Босфор». Половина сборника – репринт французского оригинального издания, вторая половина – русский перевод.

«По-моему, эта книжка выпущена специально для наших с тобой отношений в Аддисе». Мы читали эту книгу вслух по очереди – по странице. Она – на французском, я – по-русски. Она не знала русского, я – французского. Мы понимали друг друга каждый на своем родном языке. «Ты знаешь, что папаша Артюра служил в Алжире? Представляю, как он и его солдаты гонялись за моими предками по сухим жарким горам на севере Алжира. Артюру очень повезло, что мои предки не грохнули его папашу. Думаю, папашины подвиги не давали ему покоя, поэтому он бросил промысел поэта и занялся опасной торговлей оружием в Африке».

До ее отъезда в Харар мы успели облазить самые глухие для белых европейцев («фаранджи» называют нас эфиопы) уголки Аддиса. В одну из ночей, когда мы пешком возвращались в гостиницу Энди мимо международного аэропорта «Боле», с нами был британец Джеймс, мы напоролась на компанию местных гопников, нажевавшихся ката. Кат – растительный наркотик, от которого у человека повышается болевой порог и притупляется чувство страха. Гопников было шестеро. Мы встретились с ними под автомобильным мостом напротив аэропорта, под которым обычно ночевали разномастные бродяги. В темное время суток здравомыслящие «фаранджи» появлялись там исключительно проездом на такси. За полтора месяца жизни в эфиопской столице я достаточно освоился с манерами местных гопников (да и сам вырос в суровой среде русских гопников), поэтому разгуливал по городу в любое время суток в любом районе. Один из гопников схватил британца за рукав и на ломаном английском потребовал, чтобы тот выпил какую-то мутную жидкость из пластиковой полуторалитровой бутылки. Я сказал Ларе, чтобы она держалась за моей спиной. Британец лишь глупо улыбался и отрицательно мотал головой в ответ на уговоры гопника. С нажевавшимися ката не стоит церемониться. Я толкнул гопника, но тот крепко держался за британца. Другие гопники стали приближаться ко мне с боков. «Чыгыр але [проблемы есть]?» – крикнул им на амхарском. «Чыгыр йеллем [проблем нет]», – сказал один из них и попытался утянуть дво-

их своих, взяв под руки. Они заспорили. В этот момент я еще раз, сильнее, пихнул гопника, державшего британца. Тот отцепился. Я махнул рукой, чтобы британец шел дальше. Гопник что-то закричал своим и с размаху ударил меня по голове бутылкой. Я сделал шаг назад и ударил его ногой в лицо – твердость подошвы моих тактических ботинок не оставляла сомнений, что боль почувствует даже нажевавшийся ката. Гопник, отступив, заверещал еще громче, но продолжать драку не захотел. «Лара, идите дальше», – командовал я. Сам же отходил лицом к гопникам, следя боковым зрением за теми, которые находились в стороне от меня. Они попытались зайти мне за спину, я резко повернулся к ним и еще раз громко выкрикнул: «Чыгыр але?» Они ответили, что проблем нет. Еще пару десятков метров шли за нами и, когда мы вышли в свет фонарей, повернули в сторону моста.

«Ты вообще когда-нибудь чувствуешь страх?» – спросила меня Лара, когда мы шагали по проспекту мимо работающих ресторанов и клубов (басы давили на затемненные окна).

Джеймс больше не ходил гулять вместе с нами.

«Покажу тебе Аддис, в который приехал Рембо, предлагавший купить местному правителю партию ружей и патронов», – сказал я Ларе очередным утром. Мы завтракали на кухне в гостинице Энди. Блины, мед и кофе. «Нам нужно будет сменить три автобуса и потом подняться немного в гору». Лара пожалала плечами: «Отлично. Мне нравится твой план. Что мне надеть?» Она завтракала замотанная в белое махровое полотенце после душа. «Можно как обычно». Лара надела свободное белое платье с ярко-красными вышитыми крестами, которое купила на местном рынке Меркато. Ее чернющие волосы, кабийское лицо и белое платье – я вышел из гостиницы с самой неотразимой девушкой города в тот день.

Первая маршрутка от нашего района Воло Сафар до центральной площади города – Мескель. Пассажиров битком. Мы сели вместе с одним пожилым эфиопом в проходе на фанерные ящики. Пацан, собиравший плату за проезд, уселся в открытое окно; его зад, обтянутый драными джинсами, торчал наружу.

Мескель на амхарском значит «крест». Однако площадь имеет форму полукруга. По бордюрам, словно куры на насесте, расселись нищие – жевали кат. Оборванные подозрительные персонажи. Иногда они окружали зазевавшихся «фаранджи», чтобы стащить что-нибудь из их карманов. Эфиопские карманники – лучшие в Африке. «Тренируются они так. В кастрюле с кипящей

водой лежит монета, ее нужно выхватить голой рукой. Для начинающих уровень кипятка очень низкий. Постепенно уровень кипятка поднимают. Профи вытащит монету из полной пятилитровой кастрюли и не получит ожог», – рассказывал я Ларе то, что мне месяцем ранее рассказал ее соотечественник, снимавший документальный фильм о трущобах Аддиса (за время съемок у него один раз украли телефон).

Мы пересекли Мескель и вышли на проспект Менелика Второго. Менелик Второй основал Аддис-Абебу. Как раз ему предлагал купить партию европейского оружия приехавший из Харара французик Артур. «Наверняка Рембо тоже поднимался к дворцу Менелика по дороге, по которой мы сейчас поедem», – сказал я Ларе, пока мы ждали автобус. «Значит, мы едем во дворец? Я читала о нем. Самое первое здание Аддиса. Только я не знала, что этот дворец посещал Рембо».

Мы сели в автобус, который направлялся в район Арат Кило. Арат Кило с амхарского переводится «Четвертый километр», то есть это четвертый километр по дороге от дворца Менелика Второго. «Вдоль этой дороги разрастался первоначально Аддис», – сказал я, прикрыв собой Лару от остальных пассажиров, чтобы у нее ничего не стащили. Кроме нас, в автобусе не было ни одного «фаранджи». Большой автобус, муниципальный транспорт. Плату взимал кондуктор, сидевший в застекленной будке в середине салона. Плату ему передавали через крошечное окошечко. Он протягивал – черная худая рука – в отверстие билеты, на которых была пропечатана их стоимость. Со мной заговаривали эфиопы в чистой и отглаженной одежде. Кто-то спросил: «Не страшно в автобусе? Лучше ехали бы в такси». Я улыбнулся: «Чем фаранджи хуже хабеши (эфиопов)?» Весь салон засмеялся, женщины и мужчины стали одобрительно хлопать меня по плечу. Я следил, чтобы никто не хлопнул по карманам. Крепкие липучки моих военных брюк не были гарантией, что ловкие карманники ничего не смогут из них вытащить. Когда мы вышли на Арат Кило, я проверил карманы – ничего не украли.

«Остался один автобус?» – спросила Лара. «Да, одна маршрутка». Подъехал микроавтобус, мы втолкались в салон, успели разместиться на креслах. Пацан-кондуктор вытягивал длинные ручки через весь салон, чтобы собрать плату.

От последней остановки поднимались по горному серпантину через рощи эвкалиптов километра полтора. Навстречу спускались женщины, сгибавшиеся под охапками хвороста – вязанки тонких сухих эвкалиптовых веток. На вершине – пивная, за ней новая церковь Марьям Энтото, построенная в 1980-х годах, а ря-

дом круглый побеленный домик с соломенной крышей и очень простым железным крестом – первая православная церковь Аддиса, построенная по указанию Менелика Второго.

Мы зашли в круглую церковь. «Это русская икона, подаренная Россией Менелику. Эфиопы мне рассказывали о ней. Очень ее почитают», – я указал на внушительных размеров икону с изображением Богородицы с Христом на руках. Над нимбом стояла надпись на греческом «MP ΘY».

Дальше по дорожке мимо квадратной колокольни – и вот два овальных, похожих формой на листья ката, просторных здания с соломенными крышами. В одном, второй этаж которого опоясывал балкон из плохо подогнанных досок, Менелик Второй, всеэфиопский император, жил с женой-императрицей, прислугой и охраной. Монаршья пара занимала весь второй этаж. Отдельная просторная комната для него, отдельная – для нее. Шикарно по африканским меркам той поры. Охрана и слуги спали вповалку в общей комнате на первом этаже. Только для оружия отводилось отдельное помещение. Второе здание предназначалось для государственного совета; он собирался и заседал, когда требовалось правителю. Во втором здании также располагался магазин: на вмурованных в стену коровьих рогах развешивались сумки с товарами.

Имелся отдельный домик для иноземных гостей. «Когда я его увидел в первый раз, подумал, что это сарай для хозяйственной утвари», – мы с Ларой обходили тесное прямоугольное помещение без окон. «Вроде бы именно в этом сарае-гостинице проживал Рембо, когда приехал в Аддис, чтобы договориться с Менеликом о поставках европейского оружия», – рассказывал я.

Из Аддиса Рембо вернулся в Харар, где устроил штаб-квартиру своего оружейного бизнеса. Оттуда он рассылал письма с указаниями и просьбами, а также очерки в газету «Египетский Босфор». Мы с Ларой договорились, что она поедет в Харар в пятницу, а я догоню ее в субботу, завершив свои срочные дела. «Даже если у нас будут разные комнаты, мы все равно будем спать в одной постели».

Дорога от Аддиса до Харара занимала целый день. Лара написала мне вечером в пятницу, что вселилась в хостел и он забит французскими туристами, приехавшими специально для посещения дома-музея Рембо. Я читал ее сообщение, когда выпивал с греками в кабаке Black Rose. «Почему один? Где Лара?» – спросили греки. Она лишь однажды побывала со мной на сборище местных «фаранджи».

Пришел итальянец Паоло: «А где Лара?» – я отлично запомнил, как он пытался ухлестывать за ней. Затем к нам присоединилась испанка Ольга: «Лара придет?» Эфиопка Биза, предводительница местной музыкальной группы: «Где Лара?» Французская кабилка произвела впечатление на всех моих знакомых, с кем успела пообщаться. Я превратился в ее пресс-секретаря.

«Они все спрашивают, где ты», – написал я ей.

«Пусть завтра приезжают вместе с тобой в Харар)))», – ответила Лара.

Через пару часов мы сместились в клуб. Греки съездили домой и вернулись с домашним узо. Они пустили пластиковую бутылку по кругу. В круг вклинилась порядком пьяная норвежка – девчина нордической внешности и силы. Она повисла на мне: «Я знаю тебя, малыш. Помнишь, как бросил меня в прошлый раз на танцполе Face of Addis?» Пришлось позвать испанку Ольгу: «Вот моя девушка, она не одобряет, когда ко мне пристают другие девушки. Она из Барселоны, каталонка, очень вспыльчивая». Ольга выглядела весьма недовольной – руки сложены, подпирают обильные груди. «О, извини, детка. Я ошиблась. Больно он похож на моего бывшего. А я пьяна, понимаешь?» Ольга кивнула, норвежка отцепилась от меня.

Спустя пару часов мы оказались в клубе «ЭскоБАР». Меня наши перемещения вполне устраивали – от «ЭскоБАРа» до гостиницы Энди полчаса ходьбы. В шесть утра я должен был прибыть на площадь Мескель и выехать на автобусе в Харар. Собранный рюкзак лежал на кресле в моем номере. Я вернулся в гостиницу около 4:30. Переставил рюкзак под дверь, подпер им дверь, чтобы точно не забыть. И решил, что имею полное право вздремнуть полчаса. Включил будильник на 5:10. Не раздеваясь, в ботинках лег на постель.

Конечно же, я проспал. Проснулся около девяти часов утра. Алкоголь и клубная музыка продолжали шуметь в голове. Следующий автобус в Харар отправлялся в понедельник. В понедельник мне нужно было работать – писать статью для русского издания. Лара сказала, что вернется в Аддис в понедельник вечером. Ясно, что она была расстроена. Получалось, я поступил очень по-французски, а французская кабилка оказалась по-русски ответственной. Так она мне объяснила.

В понедельник вечером я вместе с украинцем Мишей и греком Василисом встречал Лару на площади Мескель. Работающий в Аддисе врачом суданец подвез ее от железнодорожного вокзала

до площади. «Ça va?» – и мы обнялись. «Куда мы пойдём?» – зашебетала счастливо улыбающаяся Лара. «В ресторан “Фендыка”. Недалеко отсюда, за штаб-квартирой Африканского Союза. В “Фендыке” сегодня народные эфиопские песни и пляски», – ответил я. «Обожаю тебя. И все народное эфиопское».

Я и Лара шагали впереди, а Миша и Василис, что-то активно обсуждая, отставали. Кабилка рассказывала о Хараре. «Своеобразный город. В нем живут в основном мусульмане. Множество старых чудных мечетей. Алкоголя в магазинах нет, зато на каждом углу продают кат. Хорошо сохранился старый город, который не особо изменился со времен Рембо. Я встретила толпы французских туристов в его музее. На самом деле оригинальный дом, в котором он жил, не сохранился. Нынешний дом в индийском стиле был построен на месте дома, где жил Рембо, поэтому там разместили его музей. По стенам комнат развешано множество фотографий Харара конца XIX века. Я потом отыскала в старом городе некоторые мечети и постройки, которые увидела на этих фотографиях. А ты как? Что делал? Скучал по мне или уже нашел себе новую девчонку?»

Через пару дней ей нужно было улетать в Марсель: заканчивался отпуск, во Франции ждала дочь. Дочь-подросток участвовала в рок-группе и очень нуждалась в поддержке матери – переживала свой первый творческий кризис.

За пределами Эфиопии мои отношения с Ларой закончились. Короткий роман. Зато никаких ссор, скандалов, сопливо-крикливых расставаний, которыми неизбежно обрастают любые длительные отношения между мужчиной и женщиной. Двое родителей в разводе. Нам обоим не хотелось погружений в продолжительные отношения. Мы жили яркими вспышками коротких романов, романчиков, случайных связей. Каждого из нас больше занимало воспитание собственных детей, чем новая попытка воспитать под себя взрослого человека.

Я снова встретился с Ларой лишь однажды – в сербской столице Белграде. Я переселился туда из Аддиса, а она прилетела на пару дней, потому что давно мечтала увидеть этот балканский город. Мы гуляли по вечерним улицам просто как давние приятели, зашли в кафану, где шумно выпивали сербы. Никаких прикосновений, никаких упоминаний про отношения в Аддисе (хотя я вспоминал ее «oui-oui», разглядывая кабийское лицо). Впрочем, ведь Рембо никогда не посещал Белград.

Назым ХИКМЕТ

**НЕЗАКОНЧЕННОЕ
СТИХОТВОРЕНИЕ
О ВЕСНЕ**

СТИХИ
ПЕРЕВОД П. ЖЕЛЕЗНОВА

В оформлении использована картина неустановленного автора из сети интернет

Пальцы грубо по клавишам бьют
Машинку пишущую мою.
Три слова печатает она
Буквами прописными
Три раза все то же имя:
ВЕСНА
ВЕСНА
ВЕСНА.
И я, поэт-корректор...
И я, обязанный каждый день
В определенный срок
Прочитывать за две лиры
Две тысячи глупых строк...
И я...
Почему я не трогаюсь с места?
Весна на дворе хлопочет,
А я неподвижен, как старое кресло
С обивкой, изодранной в клочья.
Кепку моя голова сама надела проворно.
Я выскочил из типографии,
Словно очнувшись от сна.
У меня на лице свинцовая пыль из наборной,
У меня в кармане семьдесят пиастров,
А на дворе – ВЕСНА!
В душных парикмахерских
Пудрит желтые щеки
Богема Высокой Порты
(чтоб казаться моложе!),

И солнечными зеркалами
 За стеклами книжных лавок
 Сверкают сотни обложек.
 Однако ни на одной
 Нет имени моего.
 Нет? Ну что ж из того!
 Не повернув головы, я дальше иду упорно,
 Я широко шагаю – улица мне тесна.
 У меня в кармане семьдесят пять пиастров,
 А на дворе – ВЕСНА!..
 Эти стихи
 Остались недописаны мной –
 Хлынул и смысл все строки
 Весенний дождь проливной.
 А я хотел написать...
 Я хотел написать о том,
 Что писатель голодный,
 Создавший четыре тома
 (в каждом четыре тысячи бессонных страниц
 отличных),
 не должен был в эту пору сидеть, задумавшись, дома,
 не должен был, как обычно, коситься на окна шашлычных.
 Весна пришла – по-другому вести себя было надо,
 Я должен был
 Дочь армянина, важного книготорговца,
 Пухлую смуглую девушку,
 Забрасывать камнями взглядов.
 А море должно было пахнуть
 Здоровьем, свежестью, силой!
 Весна должна была вздыбиться
 Рыжей потной кобылой,
 Я должен был ей на спину
 Вскочить единым рывком
 И мчаться верхом по волнам,
 А пишущая машинка
 Неслась бы за мной по пятам,
 И я бы сказал сперва:
 Оставь в покое меня!
 Но тут моя голова волосы стала ронять,
 И был бы я принужден
 Крикнуть вдаль:
 Я ВЛЮБЛЕН!

Мне – двадцать семь,
Ей – семнадцать!
Мне – двадцать семь,
Ей – семнадцать!
Слепой черт,
Хромой черт,
Слепой хромой черт
Бормочет: «Пора влюбляться!..»
И я – влюбиться спешу...
Так я хотел написать.
Хотел написать и не смог.
Но все-таки напишу!
Ведь это дождь проливной
Пошел,
И воды потоки
Сразу смыли все строки.
Все, что сказано мной,
И двадцать пять пиастров
В кармане осталось всего...
Баста!
Что ж из того!
Весна пришла!
ВЕСНА!
Весна в самом деле!
Эй, ты!..
Кровь бурлит в моем теле,
Во мне расцветают цветы!

1929

Ильзе ТИЛЬШ

ПОХВАЛА СТРАННОСТИ

СТИХИ
ПЕРЕВОД А. ЗОЛОВА
ПРЕДИСЛОВИЕ З. МАРДАНОВОЙ

Писать стихи Ильзе Тильш, тогда еще Ильзе Фельцман, начала, по собственному признанию, лет в восемь, чему способствовала атмосфера родительского дома, где нередко гостили поэты, художники и музыканты – друзья отца, практикующего врача с явно художественными наклонностями. Первый сборник стихов появился – благодаря настойчивости издателя серии «Новая поэзия Австрии», буквально выманивавшего у Ильзе тексты – в 1964 году, когда авторессе было уже 35, а позади – изгнание из родной Моравии в 1945 году, учеба и защита диссертации в Венском университете, раннее замужество, рождение четверых детей и смерть двоих из них, бытовые заботы и поиски приработков. Из всего этого «выросли» стихи – далекие от праздника неоавангардистского раскрепощения духа и плоти, привычного для 60-х годов прошлого века, но легко вписывающиеся в более обширную парадигму «современной поэзии» (в противовес, так сказать, «классической»). Ее узнаваемые приметы – склонность к прозаизации стиха, отказ – полный или частичный – от строфы, рифмы, разложение или деформация предложения, этой смысловой единицы текста, до такой степени, что носителем смысла становится слово, отдельные слова, уже не связанные или же слабо связанные в предложение, замена каузальной связности текста монтажом, символа – шифром, раскрывающимся лишь в соотнесении с мотивным полем, но не с лирическим «Я», утратившим свой статус смыслового и смыслопорождающего центра, – словом, все то, что должно сигнализировать об иной картине мира, где нет больше автономного цельного субъекта, живущего в доверии к миру, сложному и временами непонятному, но где все еще существуют причины и следствия, связь времени и пространства.

СНОВА ВЕСНА

Снова весна
снова цветут розы в неведении
что они не меняют ничего ровным счетом
так пусть тебя ничто не обманет
и не введет в заблуждение.

Ты остаешься тем
кто ты есть.
Птица знает всех
кто живет среди
листвы ее дерева.
Глаза ее старше твоих.
Даже рыба
свои воспоминания
хранит холит лелеет.

Ты можешь обнять меня
или просто уйти.
Пред тобой распахнуты двери.
Без тебя
поезда снова приедут
и машинисты снова
развернут их.

Когда поднимаешься ты
на свой корабль
он кого-то равнодушно перевозит
не спрашивая имен.

Ты можешь отсутствовать вечно
но ты можешь вернуться
забрать из почты старые письма
и узнать наконец
что все по-прежнему
все неизменно.

Но любимый сын только Абель.
Везде же строят ковчеги
мрачно возвышаются кресты.

Ты можешь внушить себе
что ты смел и отважен
ты можешь упасть
и снова встать
ты можешь биться о стены
ты можешь кричать или молчать
ведь это
ничего не изменит.
Так к чему же тогда весна?
А как же тогда бешеный стук сердец?
Боль?
А нежность? А тепло твоей кожи?

О ВЕЛИЧИИ ВРЕМЕНИ

Ты должна
говорят мне они
освещать в своих текстах время.
Великое время
оно становится таким ежеминутно.
Наше время –
огромные магазины
круговерть
колоссальных
людских муравейников
великая иллюзия и великий обманщик
пронзающее насквозь отчаяние
безысходное одиночество.

Ты должна
говорят мне они
идти в ногу со временем
ты должна
найти достойное место
его величию.
Ты должна
занять его позиции
ты должна
на всеобщее обозрение
взгляды свои выставить.

А как мне это сделать
не мудрствуя лукаво
говорю я
когда это величие
всегда вбирало в себя
лишь великие обещания
великую беспомощность
великий страх
и великую растерянность.

А я же изо дня в день
становлюсь все меньше и меньше
перед ликом великого времени
непрерывным
но постоянно разрастающимся
чванливым до безобразия
и пустым изнутри
прогрессу препятствующим
и скорее готовому к великому крушению
и обвалу.

МОСТЫ

А слабо нам построить мосты
сказал он
из камня и стали
которые выдержат
бронированные громады
идушие нам на помощь.

Слабо нам переплести
сказали они
лианы и зеленые ветви
в прочный мостик
от берега до берега реки
для торопливых шагов
убегающих от этих громадин.

Я строю из того
что имею
говорю я
и кину свое сердце над бездной

оно укажет вам дорогу
сквозь мрак и темень
я предлагаю лишь это
как временную переправу
узенькую и тесную
но
способную
вас выдержать.

ТРОМБОНЫ

Уже вблизи
на славном лице моего врача
я читаю тревогу
он описывает мою растерянность
беспомощными пустыми фразами
я ведь давно
вижу его насквозь.

Но отчего
я сейчас говорю ему
что теперь я гораздо лучше
понимаю и чувствую то
что давно рухнуло
или утонуло в шуме
и истеричных воплях?

Я все отчетливее слышу
за частоколом пустопорожних фраз
невысказанное
недоговоренное
недомолвленное.

Иногда
это приводит меня в смятение и ужас
потому что
на самом-то деле
не хватило б и речи
чтобы описать страхи
с которыми я повсюду сталкиваюсь.

Но зато потом
меня снова согревают ощущение радости

и предвкушение счастья
когда я вижу
что высказанное
которое выдало себя слишком громким шепотом
предназначалось для спокойных переговоров с любовью.

На лице доброго доктора
я читаю что я оглохну
прекословить ему сейчас
было бы
бестактно и невежливо.

Я соглашаюсь с ним
что слух мой стал хуже
но ведь при случае это
благоотворно прикроет меня
от внешнего мира.
От застольных разговоров к примеру
избавит от ответов
на вопросы
защитит от лжи крикунов
на трибунах.

Кто у меня по-настоящему
опасения и тревогу
вызывает
так это тромбонист
под моими окнами
по ночам
примерно в три
когда я открываю окна
на улице уже никого не бывает.

Сегодня мне сверлил слух
трубой Иерихона
клубок перепутанных мыслей
об этом
пожалуй
я и сообщу моему доктору
и возможно
хотя бы на этот раз
у него для меня
отыщутся слова
которые меня утешат и успокоят.

ПОХВАЛА СТРАННОСТИ

Вот здесь и живу я
здесь я хожу то назад то вперед
вон хлеб лежит на моем столе
варево варится в моем очаге
здесь расцвели
мои комнатные цветы
спросишь ты
так чего милая хочешь ты?

Сюда прибило меня течением
здесь потому и осталась я
перышки из белых крыльев своих выдернув
гнездышко ими устлала я.

Как же чары юности блаженны и сладостны
но на быстрых крыльях улетают они
оставляя лишь по сердцу каждому
(как гостинцы иль провиант
чтоб не умер в пути).

Тот мир
что так манил меня
был шумен ярк
но холоден.

Все-таки не познав его
от него себя оторвала я
но соседство его все же ранит меня
и дорога в меня же уводит меня.
Тени стали заметно длинней
и осталось не так много времени
когда так пылали раны мои
мне нельзя было их описывать.

Но здесь они все ж зарубцуются
здесь я для всех чужая достаточно
а потому ты слышишь меня
так хотела б я здесь
успокоиться.

Татьяна
ОСТАЕВА

Скульптор
Руслан
ТАВАСИЕВ

Заслуженный художник Северной Осетии Руслан Тавасович Тавасиев относится к плеяде выдающихся осетинских скульпторов известной в Осетии фамилии Тавасиевых. Среди этой фамилии – народный художник СССР Со-сланбек Тавасиев, создавший уникальные памятники: башкирскому герою Салавату Юлаеву и великому осетинскому поэту Коста Хетагурову. Над конной скульптурой Салавата Юлаева трудился и Тавас Тавасиев, талантливый и самообытный скульптор. Два его сына Руслан и Станислав Тавасиевы впоследствии также стали художниками, оставившими яркий след в современной осетинской скульптуре.

Скульптор Руслан Тавасиев один из тех, кто своим творчеством вписал незабываемую страницу в культурную летопись своего народа. Его творчество отражает период в современной скульптуре, который отмечен новейшими тенденциями в мировой художественной культуре. Эти процессы нашли отражение и в осетинском искусстве, в частности монументальной и станковой скульптуре, отмеченной всепланетарным, космическим мироощущением и в то же время пристальным вниманием к судьбе родины, обращением к ее глубинным корням, возвращением к национальным истокам, исконным традициям своего народа. Так, в начале 80-х и конце 90-х годов в осетинское искусство пришла

целая плеяда талантливых скульпторов, которые своим творчеством привнесли новое слово в осетинскую монументальную и станковую скульптуру. В их работах отчетливо прослеживались формалистические и реалистические концепции, создавшие своеобразный пластический язык. Это в основном выпускники Московского художественного института им. В. Сурикова: Казбек Наскидаев, Станислав Тавасиев, Билар Царикаев, Заур Дзанагов и другие. Особое место среди них занимал Руслан Тавасиев. Творчество Руслана Тавасиева являет собой уникальный и неповторимый опыт художественного новаторства, смелых экспериментов, обращением к западноевропейской и восточной культуре, лучшим национальным традициям отечественного искусства.

Важным фактором духовного и художественного формирования Руслана Тавасиева являлась и сама биография скульптора, годы детства, проведенные в родном крае. Тавасиевы – выходцы из Дигорского района Республики Северная Осетия-Алания. Кажется, сам неповторимый природный ландшафт, величие гор, красота ущелий, неукротимый поток рек, стремительных водопадов благоприятствует рождению на этой земле ваятелей, чувствующих природу камня, дерева, самой земли. Горная Дигория является родиной многих известных скульпторов Осетии: Сосланбека Едзиева, Лазаря Гадаева, Владимира Соскиева, Владимира и Ибрагима Хаевых, Михаила Дзбоева и других.

Небольшой город Дигора, где родился будущий скульптор в 1956 году, впечатляет яркими живописными видами лесистых холмов, панорамой белоснежных гор, блеском бурных рек, бездонной синевой неба... Мощь, величие, нетронутая девственная красота природы оставили неизгладимый след в душе Руслана, который пронес любовь к родине через всю свою жизнь. И неслучайно образы многих скульптур Тавасиева воспринимаются своеобразной художественной исповедью, посвященной жизни своего народа.

Значительное влияние на творческое формирование Руслана Тавасиева оказали его годы учебы вначале в средней художественной школе при Московском художественном институте им. В. И. Сурикова, а затем и в самом институте, в мастерской народного художника России П. И. Бондаренко. Успешно окончив институт в 1980 году, Руслан Тавасиев еще два года продолжил учиться в нем как ассистент-стажер. После окончания учебы был зачислен старшим преподавателем своей *alma mater* и уже в 90-х годах стал деканом факультета скульптуры, а затем доцентом, профессором.

Как преподаватель Тавасиев внес неоценимый вклад в воспитание нескольких поколений художников. Он щедро делился со своими студентами знаниями, опытом, учил их глубоко мыслить, чувствовать, сопереживать. Многим своим ученикам открыл он дорогу в искусство, способствовал раскрытию дарования, помог стать нравственной, духовной, творческой личностью. И сегодня они успешно работают в Осетии и разных городах России. Педагогическая деятельность по-своему дополняла, расширяла творческий диапазон Тавасиева и как скульптора. Он много и плодотворно работал и уже с конца 70-х годов активно участвовал во многих крупных всероссийских, зарубежных выставках. Широкий кругозор, эрудиция, наблюдательность, богатое творческое воображение позволили скульптору создавать произведения разного вида и жанра, тематического и художественно-стилистического направления, традиционного и современного звучания.

Уже с самого начала определилась его художественная направленность, умение с равным успехом работать как в области станковой, так и монументальной скульптуры. Серьезным экзаменом для художника стала совместная работа с его учителем П. И. Бондаренко над масштабным мемориалом «Курская дуга», где проявилось его дарование как монументалиста – умение чувствовать пластику, объемность форм в пространстве, весомость и значимость образов. Чувствование материала камня, понимание его специфических возможностей проявляются в скульптурных композициях Тавасиева в структурной крепости движения, простых крупномодульных ритмах, развивающейся изнутри фактурой, что органично живет в естественной гармонии с природной «душой» камня.

Творческое становление молодого скульптора совпало с поворотным моментом в развитии отечественного искусства. В 80–90-е годы искусство новой эпохи развивалось чрезвычайно разнонаправленно, как бы стремясь восполнить разрыв с современным зарубежным искусством во всех существенных для художественного процесса аспектах. Вдумчивое и глубоко личное осмысление не отдельного направления или приема, а мирового художественного опыта во всем его многообразии стало определяющим в творчестве Тавасиева. Уже ранний опыт художника полон нового понимания взаимодействия внутреннего и внешнего пространства, стремления к новому пластическому мышлению, свободному самовыражению.

С начала 90-х годов наиболее весомый пласт в творчестве Руслана занимает национальная тематика, в трактовке которой проявляется своеобразное сочетание фольклорных традиций и современных веяний отечественного и западноевропейского искусства. Наглядным примером служит его парковая скульптура «Горец», в которой почти схематичный образ создается за счет условности художественного решения, лаконичности, геометричности форм, равнозначного соотношения высокого подиума и сидящей на ней фигуры юноши. Ментальность осетинского народа, его характер, мировоззрение, обычаи и традиции в скульптуре Тавасиева находят отражение в реалистически достоверной и в то же время обобщенно-символической трактовке художественного образа. В своем творчестве опираясь на национальное наследие древнекобанского искусства, скульптор умело перерабатывает и развивает ее пластические формы.

Особенно заметно это в произведениях, посвященных жертвоприношению, национальному обычаю, который, в представлении скульптора, воплощает квинтэссенцию народного духа. В основе этих композиций заложена идея космологии, мифотворчества, что проявляется не только в присутствии ритуальной атрибутики, но и во всем построенном на ассоциативности модульном пространстве. В одном из них автор выстраивает сложную конструкцию, подчеркивая неразрывную связь человека с миром природы. В другом произведении, «Жертвоприношение» (Северо-Осетинский художественный музей им. М. Туганова), символика мифического триединства заключена в изображении людей и головах жертвенных баранов, держащих круглый подиум, напоминающий осетинский стол – фынг, который здесь можно воспринимать как соляный знак, земную твердь, неизменный круговорот природы. Вертикаль фигур людей диссонирует с горизонталью фигуры жертвенного животного. Кажется, что в этой ритмической музыкальности, строгой статике и лаконичности художественного образа проявляется сам дух древности, то, что составляет душу народа, его национальное самосознание.

Апеллируя к осетинской пластике, идущей от древних каменотесов, рельефных стел, круглой скульптуры прошлого, Тавасиев ищет свой художественный образ, отмеченный национальными чертами. Вспоминая отцовский дом, народные сказания, родную природу, друзей, односельчан, Тавасиев создает целую галерею выразительных станковых композиций, воплощающих собирательный

национальный образ, в котором сконцентрирована житейская народная мудрость, величие простоты, глубинное чувство достоинства. Многочисленные, не уступающие одна другой в высоком качестве, эти работы формируют обширную область творчества мастера. Они передают отнюдь не только конкретные впечатления или воспоминания. В них рождаются обобщенные и яркие образы, реальные и романтические, натурные и воображаемые. Скульптуры «Охотник», «Моя бабушка», «Колыбельная», «Единоборство», «Играющий на свирели», «Поединок», «Детство» и другие в интерпретации автора предстают как некое единое пространство пасторально-идиллического мира, в котором безмятежно живет душа самого народа. Кажется, что из глубины веков, овеянные архаикой, возникают эти скульптурные образы, как будто застывшие навеки в камне.

В обыденном и повседневном художник умеет увидеть великое, в простом эпизоде – вечное. Трогательный и нежный образ матери, склоненной над ребенком («Колыбельная»), перекликается с образом доброй, любящей бабушки («Моя бабушка»), в которых сила материнской любви обретает почти эпическое звучание. Автор создает свои образы без какого-либо пафоса, назидательности, с большой жизненной достоверностью, гуманистическим отношением к миру, глубинным пониманием истинных человеческих и духовных ценностей. Все они, проникнутые и мягким юмором, и неизменным интересом к окружающему, с любопытством смотрят на мир и собой украшают его.

Простодушен и наивен образ горца, несущего на плечах убитого им тура, в скульптуре «Охотник». Но во всем его облике – простой одежде, позе, выражении лица – ощущается подлинное мужество людей, живущих в суровых условиях гор.

Своеобразной поэтической метафорой воспринимается органичная и компактная по форме, выразительная по пластике линий и музыкальности строя скульптура «Играющий на свирели». Тема схватки, состязания двух борцов находит отражение в произведениях скульптора в исторической ретроспекции и современной действительности.

Ожесточенная схватка двух людей, упорное противостояние друг другу передано с большой достоверностью в скульптурных композициях «Борьба с амазонкой», «Единоборство. Ринг». Мощь, сила противников подчеркнута в массивных пластических объемах фигур, статике и одновременно динамике движения, в резких

поворотах и ракурсах, в определенных позах громоздких тел и даже в самой грубой фактуре камня. Иной, более описательный характер, с определенным смысловым подтекстом, носит бронзовая скульптура «Поединок», в которой запечатлено уже завершение поединка, апофеоз победы над противником.

Тавасиев постоянно расширяет пластический диапазон, работая, помимо привычного доломита и мрамора, в материале дерева и бронзы. В понимании художника материя должна полностью воплотиться в теме и материал должен слиться с предметом. В этом отношении именно материал бронза особенно соответствует станковой скульптуре «Детство», состоящей из сложной изящной конструкции. Хрупкий мир детства, красота и обаяние юности переданы автором не только в трогательных фигурах мальчика и собачки, но в самом национальном духе, поэтично-романтическом характере произведения, а такая деталь в скульптуре, как колесо телеги, не только художественное дополнение, оживляющее всю композицию, но и своеобразное напоминание об изменчивости, вечном круговороте природы. Во всех этих композициях-повествованиях, обыгрывающих непрехотливые сюжеты и переводящих их в ранг метафизического мифотворчества, Тавасиев, используя свою уникальную восприимчивость к художественным идеям прошлых эпох и современности, создает свое неповторимое искусство, свой собственный язык. Скульптурный цикл, посвященный национальной тематике, принадлежит к числу наиболее удачных начинаний мастера, здесь особенно наглядно видно развитие его творческой мысли.

Обостренное чувство прекрасного, эстетизма, художественности, в высоком понимании этого слова, всегда было свойственно произведениям Руслана Тавасиева, в том числе и его женским образам. Удивительно пластичны, выразительны портреты «Незнакомка», «Портрет девушки», «Женский портрет» и другие, в которых автор подчеркивает целомудренность, внешнюю и внутреннюю красоту облика. Женственность и нежность образа, особая поэтичность, преодолевающая метафизическую застылость, отличают произведения, выполненные Тавасиевым в обнаженной натуре. Обычный камень в руках мастера как бы оживает в серии его обнаженных женских торсов, воплощенных в статике и динамике, разных выразительных позах и ракурсах. Созданные в белом мраморе, они апеллируют к классическим античным образам, в которых подчеркивается гармония линий, утонченная

пластика форм, возвышенность облика. Небольшая композиция из белого мрамора «Сон», соединяющая элементы рельефа, горельефа и круглой скульптуры, вызывает ассоциации с картиной, обрамленной рамой. Погруженный в сон-забытие образ обнаженной юной девушки резко контрастирует с ее ложем, покрытой в мягких складках тканью. Сочетание статичной позы фигуры, в которой подчеркнута чистота линий, гладкость фактуры, и волнообразной текстуры ткани создает особый пластический эффект, выразительность художественного образа. Атмосфера естественной простоты, реальной, даже обыденной жизни наполняется ассоциациями, мифологизируется. Скульптура «Сидящая» создана в граните. Образу сидящей юной девушки, обхватившей колени руками, свойственны статичность, гладкая фактура, подчеркнутость объема, конструктивно-тектонические моменты. Автор стремится путем отсложения второстепенных деталей добиться наиболее полного и чистого ощущения целого. Через емкость форм, подчеркнутость фактуры материала «пробивает» мягкость, наивность, пасторальность настроения.

Художественный почерк скульптора при всей его характерности на протяжении всего периода творчества постоянно меняется, приобретая самые различные смысловые и пластические выражения. Его художественное мышление идет дальше, и все больше расширяется масштаб его творческой деятельности. В работах мастера всегда присутствовала, но в последние годы стала особенно важной, проблема смысла бытия, которая для него неразрывно связана с религиозными образами («Распятие Христа», «Святой Георгий», «Колокол») и философской тематикой, которая занимает значительное место в его творчестве. Глубоким смыслом проникнута композиция «Путник». Бредущий на ощупь путник с посохом в руке и завязанными глазами – выразительный и многозначный образ одиночества, человеческих заблуждений, поиска своего места в мире... В скульптурной композиции «Яблоко» автор обращается к классическому образу яблока, которое символизирует извечный выбор человека между запретом и искушением, добром и злом. В центре основания композиции, которое создано из белоснежного мрамора в виде складок ткани, ее изящным и главным акцентом является бронзовое яблоко. Сочетание статики и динамики, металла и камня придает всей композиции особый изыск и красоту. Почти демоническое впечатление производит бронзовая голова, полая изнутри, в скульптуре «Диктатура».

Властное выражение лица, вместо глаз огромные пустые глазницы прочитываются как воплощение всемирного зла, заключающее в себе всевидящий контроль и насилие. Неслучайно этот образ напоминает портреты античных правителей, известных своей жестокостью. Автор обращается к классическим аналогам и в создании головы лошади. В мраморной композиции «Осколок империи» данный образ воспринимается как символ власти, войн, порабощения... Как эхо далекой эпохи, из цельного каменного блока возникает выразительная морда коня. Дикий оскал, раздутые ноздри, выпуклые жилы – все говорит о мощи, неукротимой силе коня, неудержимо рвущегося вперед. Лапидарность, условность формы созвучна более обобщенному, собирательному образу в изображении другой головы лошади, созданной из красного дерева, квебрахо. На протяжении разного времени неоднократное повторение данного образа в своей основе оставалось неизменным.

Еще в ранний период творчества Тавасиев открыл для себя мир мудрости и красоты Востока. Он создал значительную серию, в которой нашел отражение богатый и таинственный мир далеких стран. Художника привлекали экзотика, животные и сами люди, их жизнь, древние обычаи, философские воззрения. Одной из интересных пластических задач для скульптора было изображение египетских кошек, которых почитали и считали священными в древнем мире. Он создал несколько вариантов на эту тему. В интерпретации автора они схожи с древними прообразами египетских статуэток, предназначенных для культовых обрядов. В них подчеркнута изящность форм, грация, гладкость фактуры, сам взгляд, устремленный как будто в никуда, в небытие. Особое место в творчестве Тавасиева занимает замечательная галерея художественных образов, посвященных древней Японии. В скульптурных портретах «Гейша» (дерево, квебрахо), «Гейша с веером» (мрамор, бронза) художник создает утонченный образ восточной женщины, в которой привлекает не только изысканная красота и женственность, но некая мистическая загадочность, возвышенно-романтический характер. Произведения Тавасиева на восточную тему в высшей степени эстетичны, их главные достоинства в художественном темпераменте, пластической изобретательности и уникальном чувстве движения. Особенно это проявляется в бронзовых скульптурах «Поединок самураев», «Банзай», «Самурай» и др., в которых предстает воинственный мир средневековой Японии. Ювелирно проработанные, отточенные в каждой

своей детали, они кажутся весомыми и монументальными по форме, несмотря на небольшой размер, изящество и компактность всей композиции. С большой достоверностью передан характер самой эпохи, как во внешнем облике самураев, так и в присущих им воинственных качествах – мужества, бесстрашия, несгибаемой силе духа. Эти образы вновь возвращаются к Тавасиеву в более поздний этап его деятельности, но уже на новом уровне художественного осмысления, соединяясь с более поздними впечатлениями, теперешними мыслями и ощущениями и, главное, иным отношением к форме и образу, пришедшим в результате длительной творческой работы. Смена мысли и сферы воспоминаний порождает в его творчестве изменения технологии и масштаба, часто придавая его героям возвышенно-романтический характер, как, например, в серии портретов выдающихся деятелей культуры и науки: «Паганини», «Муслим Магомеев», «Махмуд Эсамбаев». Интересно разработана композиция рельефного портрета советского генетика С. И. Алиханяна. Фигура появляется из плоскости инертной материи камня, будто выходя из вечности, из какого-то отрешенного, абстрактного пространства, живой, сразу узнаваемый, отмеченный атрибутами своего творчества и судьбы. Его лицо, обращенное вперед, и взгляд, как бы устремленный в будущее, исполнены классического спокойствия, веры в великую всепобеждающую силу науки.

Скульптор Руслан Тавасиев ушел из жизни в расцвете творческих сил. Но его удивительное и неповторимое художественное наследие продолжает жить, заняв достойное место в современной национальной культуре. Неиссякаемый оптимизм, утверждение чувственного и яркого, красочного и пластичного, насыщенного до предела бытия как лучшего дара жизни – главные черты творчества скульптора. В них есть искренняя уверенность в ценности человека, его созидательную деятельность, необыкновенная и неизбывная вера в высокую духовность и всепобеждающую силу жизни.

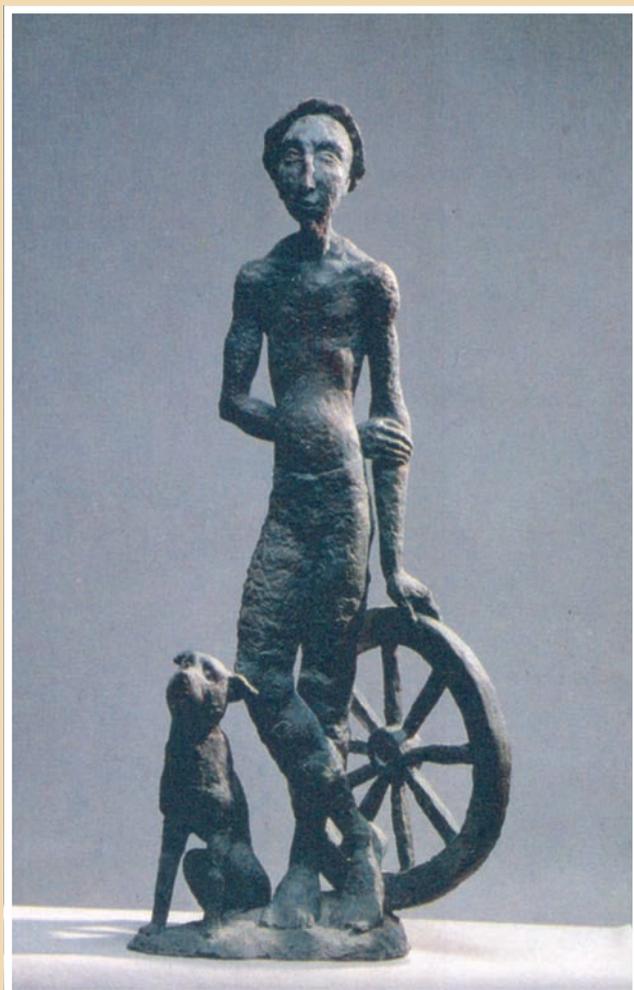

ТВОРЧЕСТВО

МИР ИСКУССТВА

«ДАРЬЯ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

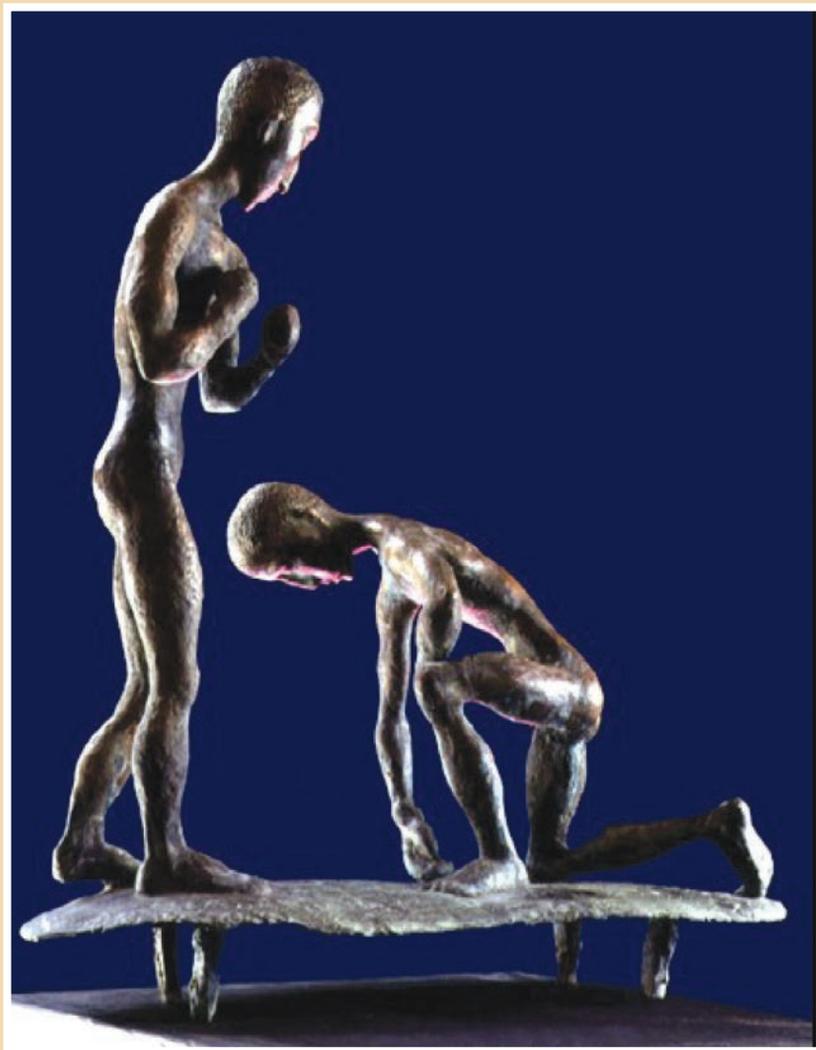
РУСЛАН
ТАВАСИЕВ
СКУЛЬПТУРА
С. 120-128

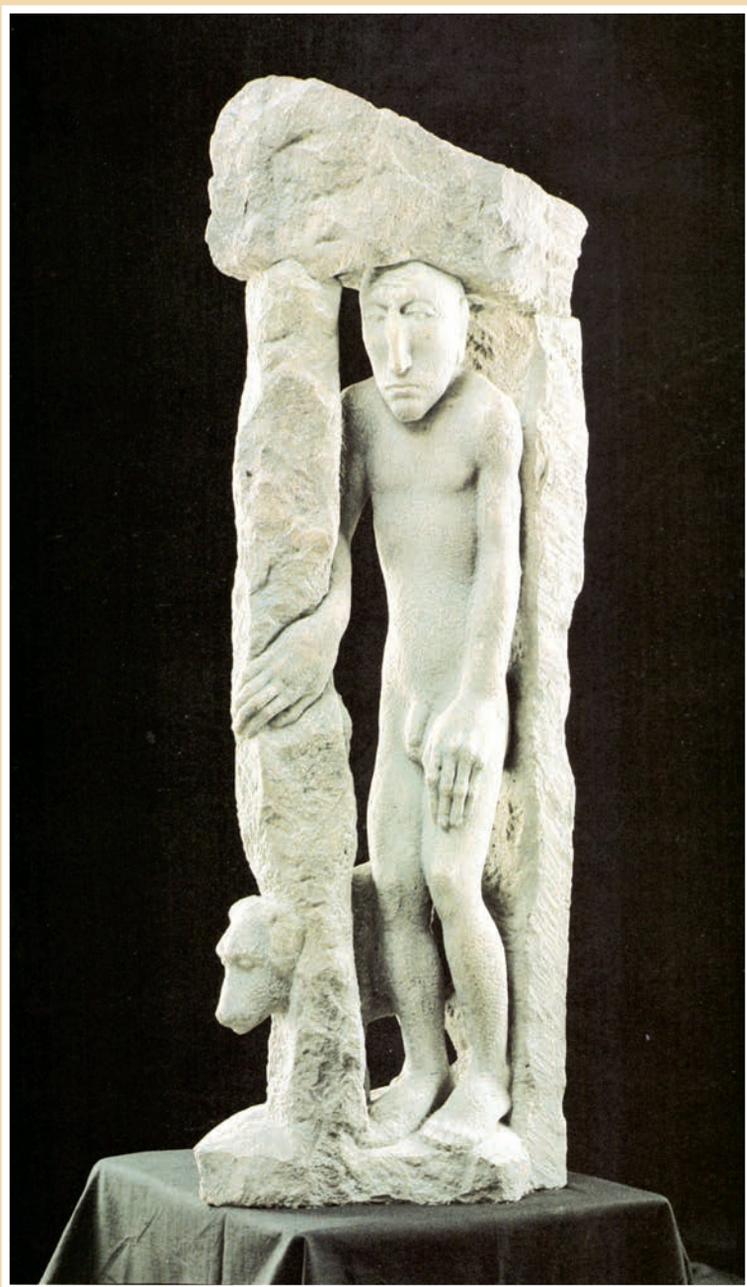
Детство

РУСЛАН ТАВАСИЕВ

СКУЛЬПТУРА

Поединок

Путник

Самурай

Банзай

Гейша

Японка с веером

Сон

Моя бабушка

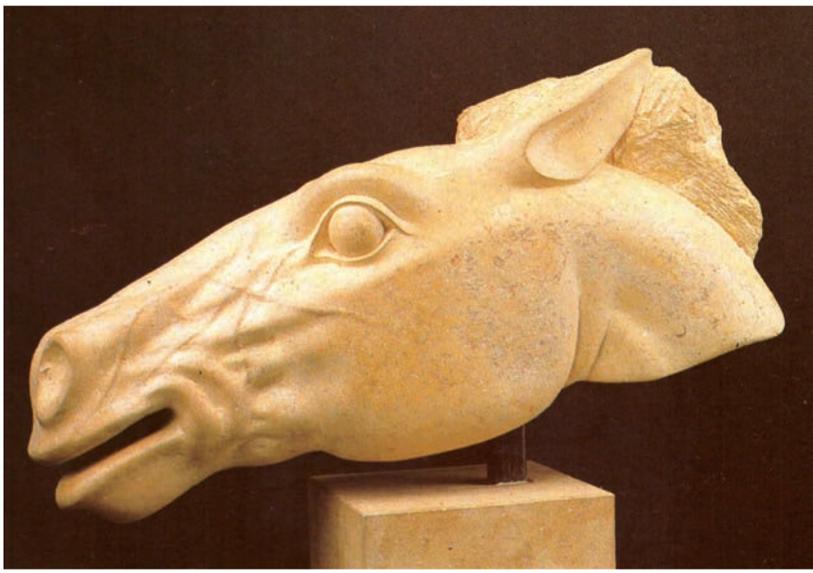
Охотник

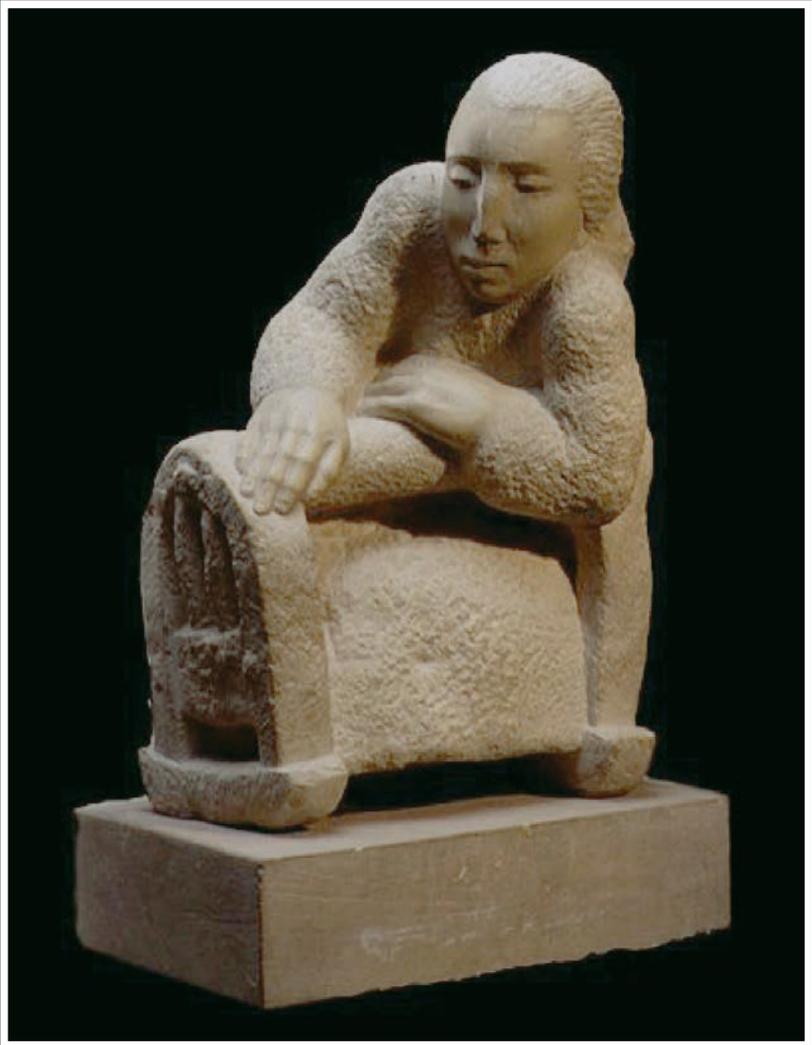
Борьба с амазонкой

Голова лошади

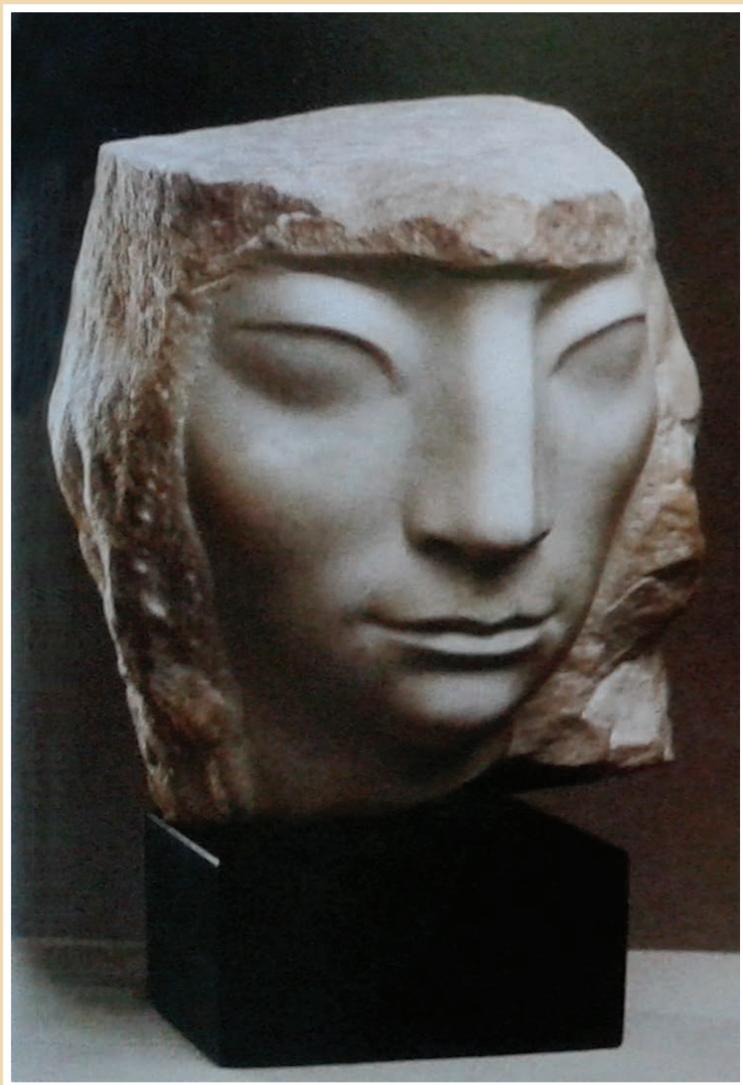
Осколок империи

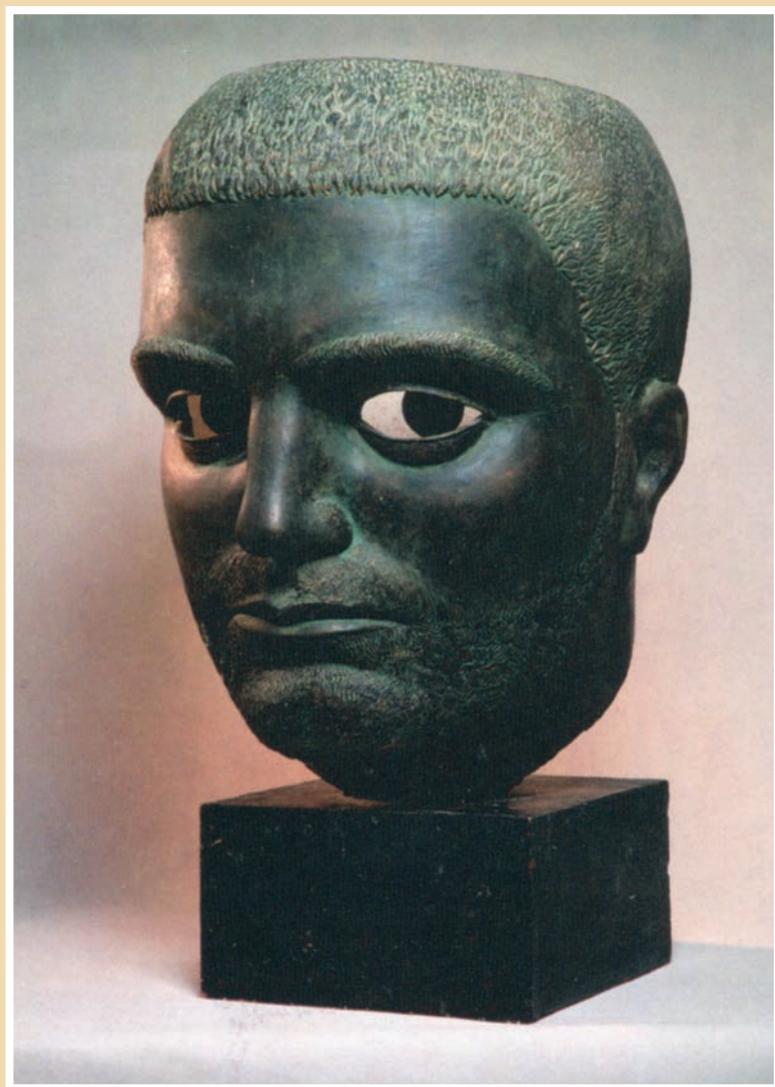
Колыбельная

Сидящая

Женский портрет

Диктатура

Кошка

СЕНЕКА

(~4 г. до н. э. — 65 г. н. э.)

римский философ-стоик, поэт
и государственный деятель

*От земли до звезд не существует
простого пути.*

Хаджи-Мурат ТОРЧИНОВ

**БЛОКАДНЫЕ ДНИ
АДЫ ЧЕСНОКОВОЙ-ТОРЧИНОВОЙ**

Мемориал «Разорванное кольцо блокады»

СПАСАЛ ТОЛЬКО ДУХ КОЛЛЕКТИВИЗМА

Но, несмотря на все то, что выпало испытать ленинградцам, люди оставались добрыми, человечными, старались помочь друг другу.

Они не считались со временем и, у кого хватало сил, три раза в неделю ходили в парки и сады, строили там пулеметные доты (а после 1944 года также ходили туда, но уже разбирать их, чтобы привести эти места в прежнее, довоенное состояние). Уже зимой 1941–1942 годов обессилевшие от голода ленинградцы падали на улице и не в силах самостоятельно подняться умирали, замерзая. Согреться даже дома было почти невозможно, так как в результате бомбежек были выбиты стекла. Вместо стекол проемы окон пытались заткнуть тем, что было под рукой: подушками, одеялами, тряпками, одеждой. Их забивали кусками фанеры, картона. Но такое утепление не помогало, если печь не топилась, в жилых помещениях был почти такой же холод, как на улице. Чтобы не оледенеть вконец и хоть чуть-чуть ощутить тепло на несколько минут, надо было практически обнять буржуйку, когда на ней кипятился «чай». Она и была основным спасителем от «холодной смерти».

В соседней с Адыной квартире жила семья, хозяин которой работал гужевым извозчиком. Ему полагался паек на лошадь, иногда работникам давали еще затвердевшие кусочки подмоченной в мешках муки, пахнувшей то бензином, то еще чем-то вроде плесени. То небольшое, что ему доставалось, он приносил домой. Жена размачивала эти кусочки и делала что-то вроде блинов. Соседи приходили и тоже получали по небольшому кусочку этих «блинов» – может, еще и поэтому остались в живых.

Окончание. Начало см. «Дарьял» 1'2023.

На гужевом транспорте везут муку по льду Ладожского озера в Ленинград

Так ленинградцы добывали воду

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ПЕРВЕНЦА

Уходя на войну в июле 1941 года, Заурбек понимал, что может погибнуть, а ему очень хотелось оставить хоть какой-то след на земле, поэтому он попросил Аду родить ребенка сейчас, в это сложное пока для Ленинграда время, и обязательно выжить (кто мог подумать, что блокада выльется в 900 страшных дней).

Мальчик родился в марте 1942 года и умер в трехмесячном возрасте. Пытаясь кричать от невыносимого голода, он только беззвучно открывал ротик. Во время беременности Ада решила, что если Заурбек погибнет, а они с сыном останутся жить, то она назовет сына Заурбеком, именем мужа, будет растить его и никогда больше не выйдет замуж (зная человеческую сущность моей матери, совершенно уверен, что так оно и было бы).

НЕВСКИЙ «ВОДОПРОВОД»

Как сказано, воды в кранах не было, поскольку сеть водоснабжения по всему городу была разрушена из-за полопавшихся от мороза труб и разрушенных бомбардировками домов вместе с трубами водоснабжения. Приходилось, вооружившись ведром, молочником или какой другой емкостью, привязав ее к саночкам, отправляться на Неву за водой. Это было тоже совсем не просто. Люди едва держались на ногах и часто, набрав драгоценной воды и пытаясь выбраться с Невы на берег, падали и проливали воду. Вокруг проруби образовывалась скользкая наледь, каток, поэтому подойти к полынье, тем более вернуться на берег без песка или соли, было невозможно. Покрепче мужчины и молодые женщины всегда помогали старым и слабым набрать воду и вывезти с Невы на мостовую. Так же «добывала» воду и Ада на Крестовском острове.

СЛУЧАЙНАЯ СПАСИТЕЛЬНИЦА ***(от Ады)***

Зима 1942 года. Сильный гололед. Транспорт не работал, идти на работу надо было пешком. От дома с Крестовского острова до моей работы было далеко. Я еле передвигалась, ноги опухшие (много пили), валенки сзади надрезаны, иначе ноги не вмещались. Сама страшно

худая. Отойдя примерно метров пятьдесят от улицы Геслеровского, я не заметила наледь у водосточной трубы рядом со ступеньками парадного и... упала. Как ни ползала, ни пыталась встать, так и не смогла подняться и затихла. Думала: отдохну немного и опять попробую встать или умру здесь. Конечно, самостоятельно встать я бы больше не смогла и обречена была замерзнуть, очкоченеть. Хорошо, что это было утреннее время, когда люди идут на работу, и что упала я рядом с парадной дверью жилого дома.

В какой-то момент парадная открылась и со ступенек довольно бодро сошла женщина покрепче меня, увидела меня лежащую, не в силах подняться. Она быстро вернулась в дом и вынесла мне полкружечки кипяточка. Я лежа выпила его, обжигаясь. Она подтянула меня к ступенькам парадной, и мне с ее помощью удалось встать. Все это со стороны женщины сопровождалось добрыми словами, ободряющими и ласковыми. В результате я пришла в себя, дошла до работы и даже не опоздала.

«СВОЯ» НЕВЕСТКА И «ЧУЖОЙ» ВОЕННЫЙ

В самом конце 1942 года Глафира, первая жена погибшего Игоря, прихватив хлебные карточки Ады, пока та была на работе, семейные золотые колечки, серебряную посуду, меховые вещи – в общем, все сколько-нибудь ценное, эвакуировалась как имеющая малолетнего ребенка по льду Ладожского озера за линию фронта на Большую землю. Затем она с сыном Борькой уехала в относительно благополучный Ташкент.

Хлебные карточки выдавались на месяц и не восстанавливались, ценных вещей на обмен не осталось, впереди Аду ждала неотвратимая голодная смерть. Работая, дня три она продержалась без пищи. Потом не стало сил ходить на работу, два дня пролежала в постели. На третий, написав записку с просьбой о помощи, она добралась до окна и бросила ее с третьего этажа вниз, указав номер квартиры.

Удивительно, но записку на снегу заметил и подобрал какой-то проходивший мимо военный и поднялся в квартиру. Он раздернул светозащитную матерью, впустив свет (это было очень важно), сходил на Неву, принес воду и вскипятил ее. Потом он дал попить Аде горячей воды с сахаром, затем накормил кусочком хлеба с

Я не пишу, что с Александром, потому он
 живет в Кошкани, как Вадим Выходил.
 Яной можешь написать письмо.
 В отношении Глафиры, она по-прежнему
 зашивает свои следы и вел.
 Но как я им писал, долго не продержатся,
 если мне удастся встретиться с ними так
 вы они не зашивают свои следы Крашен.

Из письма Заурбека Аде 22 мая 1942 года после того, как Глафира украла хлебные карточки Ады и все ценные вещи Чесноковых, которые можно было обменять на продукты, и тихо эвакуировалась из Ленинграда

ломтиком сала. Когда военный увидел, что Ада стала приходить в себя, он положил на оставшийся стул свой дневной военный паек – граммов триста хлеба, кусочек сала, колотый кусок горького шоколада, что-то еще – и ушел. Только к вечеру, когда вернулась способность осознавать окружающее, она поняла, что не знает даже имени военного, спасшего ее сегодня и на ближайшие дни от смерти. На завтра Ада поплелась на работу. Ее не было четыре дня, и сослуживцы посчитали ее умершей.

Видя ее состояние и узнав о пропаже карточек, начальство направило ее на месяц в так называемый профилакторий, который находился недалеко от работы и представлял собой относительно отапливаемое помещение типа спортзала, где людей, находившихся в критическом состоянии, подкармливали баландой из отрубей и картофельных очисток. Так и спаслась Ада в этот раз.

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

В эти времена с передовой в Ленинград периодически направлялся эшелон за грузом для фронта. Заурбеку иногда удавалось попасть в команду охраны получаемого груза.

Во время одной из таких поездок в Ленинград он отказывался от пищи. Ехавшие с ним бойцы, узнав, что причиной этого является голодающая жена, поделились своими продуктами из

Заурбек Инарикович Торчинов. 1942 год

трехдневного пайка, выданного на поездку. Продукты из пайка Заурбека и пожертвованные друзьями, а также несколько трофейных консервов составили рюкзак. По прибытии в Ленинград Заурбек оставался на КПП до глубокой ночи. Только тогда с полным рюкзаком продуктов за спиной и пистолетом на изготовке он стал осторожно пробираться по улицам к дому Ады. Днем бы прохожие, увидев рюкзак за спиной военного, прекрасно бы поняли, что в нем, и тогда его просто растерзали бы голодные люди.

В то время и Ада была совершенно истощена, и снова смерть заглянула ей в глаза. Заурбек застал жену уже полумертвой, она не держалась на ногах, едва говорила. В комнате было 14 градусов мороза, как и на улице. Опоздай он на день-два, ее бы не

стало. Возвратиться в расположение своей части Заурбек должен был через три дня. Он сумел через бойцов-сослуживцев, возвращающихся в часть, передать начальству, что ему нужно еще три дня, чтобы спасти жену. Командиры его подразделения хорошо знали и уважали командира взвода разведки старшину Торчинова, знали ситуацию с ужасающим положением ленинградцев и пошли навстречу Заурбеку. Шестеро суток Заурбек выхаживал Аду, пока она не встала на ноги. Оставшиеся продукты были растянуты еще недели на две и помогли ей немало окрепнуть.

Чтобы спасти Аду, Заурбек использовал любую возможность попасть в Ленинград. В блокаду ему удалось пять раз доставить ей продукты (в том числе добытые у противника). Всю войну, от начала и до конца, Ада работала полный рабочий день, за исключением шести дней по болезни от истощения.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БЛИЖЕ К РАБОТЕ

У одной из знакомых сотрудниц исполкома умерли младший брат и сестра, и она тоже осталась одна. Они договорились с Адой жить вместе, тем более что квартира коллеги была как раз рядом с работой. Что было очень кстати, потому что к тому времени Ада вряд ли смогла бы дойти до работы от своего дома с Крестовского. Звали коллегу Антонина Николаевна. Она занималась поврежденными помещениями района. Иногда военные брали на себя расходы по восстановлению таких поврежденных квартир и таким образом получали квартиру в Ленинграде.

БЫЛО И ТАКОЕ (от Ады)

В доме у Антонины Николаевны произошел весьма неприятный случай. Один военный, кажется какой-то корабельный капитан (у него был ординарец), получил такое право на восстановление какой-то из квартир, но договор был еще не полностью оформлен. Вместо того чтобы прийти завтра, он попросил сегодня же дооформить договор дома у Антонины Николаевны. Та разрешила. Военный с ординарцем пришли и с Антониной Николаевной занимались договором. Когда я вернулась с работы, они

заканчивали. Время подходило к комендантскому часу. Я сообщила им об этом. Они, мне кажется, сделали вид, что ушли, но через полчаса вновь постучались к нам: мол, не смогли добраться до корабля, а теперь комендантский час, и они просят переждать ночь у нас. И Антонина приняла их. Я была очень обижена и рассержена, ибо поняла, что все это не случайность и происходит далеко не из чистых побуждений. В комнате у Антонины были кровать и диван. Антонина Николаевна попросила меня приготовить кровать для нас. И вдруг этот капитан говорит, что с подчиненным вместе спать не будет. Мы не стали обращать внимания на его слова и вышли из комнаты, чтобы дать им раздеться. Вернувшись, мы увидели такую картину: капитан лежит в кровати, ординарец – на диване. Я вызвала Антонину в коридор (квартира была ее, и я не могла принимать решения без ее согласия) и предложила ей: «Я беру на себя, что они в течение десяти минут, пусть даже в одних кальсонах, будут за пределами квартиры, а заартачатся – то и в милиции». Она испугалась, просила меня не устраивать скандал и т. д. и т. п.

Тогда я вошла в комнату, взяла с вешалки теплые вещи – пальто, платок, теплую обувь – и ушла в разбитую комнату без стекол в этой коммуналке, которая находилась в конце коридора. Там хранились колотые дрова для кухни, брошенные туда, чтобы не ходить в сарай и не тратить силы. Дров было очень много, пол был ими завален, а поверх, справа, на них был заброшен старый дерматиновый диван или кушетка. Я забралась туда. Сна, конечно, не было. Антонина Николаевна сначала оставалась в своей квартире, но потом пришла ко мне. Было так темно, холодно и жутко, что она не выдержала, попросила у меня книгу. Я сказала, где у меня лежит книга, и она пошла туда, села у стола и читала всю ночь, а под утро, уткнувшись головой в стол, уснула. В шесть часов утра Антонина должна была сменить в исполкоме дежурного и заступить сама. Она сказала, что не в состоянии сейчас пойти, и я пошла вместо нее. Подходило уже время идти мне на свою работу, и я позвонила ей сказать, что жду ее. Трубку поднял тот капитан и спросил, кто говорит. Я грубо ответила, что это его не касается и чтобы он передал

трубку Антонине Николаевне. Видимо, он меня понял и был смущен, что с ним так разговаривают, и противно залебезил. Она скоро пришла сменить меня, но была взбудоражена, лицо в пятнах. Короче, сей капитан – самая настоящая сволочь.

При получении этим капитаном восстановленной квартиры нужно было собраться в исполкоме работникам отдела надзора за поврежденными домами, управляющему этого дома, а от финотдела я обязана была быть там. Я подошла, когда все в основном были уже в сборе. Здоровались со всеми за руку. Я тоже здороваюсь, обмениваюсь с людьми парой фраз. И тут стоит этот капитан... Я окидываю его взглядом, полным презрения, и, не подавая руки, прохожу мимо к остальным товарищам. Некоторые из присутствующих заметили это и переглянулись. После этого я капитана видела один раз, и он, кажется, боялся меня, а его ординарец был, наоборот, мне благодарен. С ним я не говорила, не было необходимости, но чувствовалось, что он доволен моим обращением с капитаном.

СЕМЕНА И БУМАГА ДЛЯ ВСТРЕЧИ (от Ады)

К весне на работе решили достать каких-либо семян и посадить вместо цветов на клумбах что-нибудь из овощей и глазки картофеля, которые аккуратно берегли. Надо было от исполкома послать одного человека за семенами. В то время Заурбек находился за Ладожским озером как раз в том районе, куда надо было ехать за семенами. Я попросила послать меня.

Согласие получила не сразу, но все же в конце концов мне дали добро на выезд. Плыть через Ладожское озеро надо было ночью, иначе немецкие самолеты сразу появились в небе и бомбили любой наш транспорт.

Нашим транспортом был грузовой пароходик с трубой – маленький трудяга с тихим ходом. Нас набралось человек десять – военных и командировочных. Качка была жуткая, многих тошнило. Я забралась под лестницу в трюме и крепко зажмурилась, стараясь не слышать, что творится вокруг. Вероятно, фашисты все

Вот так из клумб по всему Ленинграду делали грядки и сажали семена растений, какие могли достать

же засекали наш пароходик, поскольку началась бомбежка. Но благодаря ночи немцы не могли прицельно бомбить, и мы все же добрались до другого берега Ладоги благополучно.

Голова кружилась у всех, и нас выводили матросы, а мы были словно пьяные. Немного придя в себя, на берегу я пошла выполнять свое задание и уже с пакетом семян разыскала Заурбека. По случаю нашей встречи его освободили на сутки, и в госпитале в крошечной комнатке для медсестры мы просидели и проговорили всю ночь напролет. Днем нам помогли устроиться на тот же пароходик, и ближе к ночи мы вернулись в Ленинград.

В военной части обороны Ленинграда, где служил Заурбек, не хватало бумаги – просто не на чем было писать и отчеты, и приказы.

Посылали в город командировочных, но никто бумаги не привез. «Вот если бы ты достала бумагу или канцелярские книги, то я бы смог приехать хоть на два дня домой», – сказал мне во время той встречи Заурбек.

Сделать это мне удалось. Я достала два полных чемодана канцелярских книг, писчей бумаги, блокнотов,

Пароходик для перевозки людей и буксировки баржи

Вот на таком грузовом пароходике (с трубой) и перебиралась Ада через Ладожское озеро за семенами

тетрадей и послала об этом ему сообщение. Заурбек пришел к командиру и доложил, что может достать бумагу. Ему не поверили. Зная, что у него в городе есть жена, решили, что он, как и другие, просто хочет домой заглянуть. Тогда он показал мое письмо. Но тут чуть не произошло непредвиденное. В Ленинград как раз в тот день по вызову командования уезжал молодой лейтенант. Нужно было дать ему адрес, чтобы он на обратном пути забрал бумагу и привез ее. Заурбек молчал... Командир взглянул на него и рассмеялся: «Ну хорошо, если не ты, то она заслужила эту встречу». Заурбек приехал на два дня и был рад, что я теперь живу не одна и рядом с работой, поскольку ходить с Крестовского на работу уже не хватило бы сил из-за крайнего истощения.

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

Служащие и иждивенцы по карточкам, выдаваемым раз в месяц, получали по 125 граммов хлеба в день. Это в основном был хлеб двух видов: один представлял собой пережаренное,

„Выполнение больших восстановительных работ в городском хозяйстве может быть обеспечено только при активном участии всех трудящихся города“.

(Из решения седьмой сессии Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся).

1. Фамилия Торчинова
 2. Имя Ариадна
 3. Отчество Васильевна
 4. Год рождения 1917
 5. Место работы и занимаемая должность Петроградский Район
отд. Ст. исп. КДХХ.
 6. Домашний адрес: К.О. Константиновский пр. 93 кв.5.
 7. Установленная норма рабочего времени (количество часов в месяц) 10
Часов
 Книжка выдана Исполкомом Петроградского Райсовета
 м. п. 9. августа 1944 г.

№№ п/п	Адрес работы	Отработано		Характер и объем выполненных работ	Подпись отработавшего лица
		Месяц	Код-во часов		
1	Тарк Ленинг.	Июль	16 час.	Расчистка газонов с подножкой земли.	Личн
2	— " —	Июль	9 "	Разборка огневой точки с уборкой земли и камней.	Личн
3	— " —	Август	2 час.	— " —	Личн
4		11/8	8	— " —	Личн
5		21/8	8	— " —	Личн
6	Гос. надр. ст.	Сент.	8	— " —	Личн

Личная книжка Ариадны Васильевны Чесноковой – участника восстановления городского хозяйства Ленинграда. 1944 год

превращенное во что-то черное и скользкое с опилками, другой же состоял из промолотой «в пух» бумаги с небольшим добавлением муки.

Больше хотелось получить хлеб с бумагой, так как он был крепким и, когда положишь в рот, не таял, его надо было кусать и разжевывать. То есть процесс трапезы был дольше, и впечатление от этого было такое, будто поел больше и сытнее.

Другой хлеб – с опилками – был скользкий, и откушенный кусок сразу проскальзывал в горло, его не успевали почувствовать. Поэтому не было ощущения, что ты что-то ел, и чувство голода не уменьшалось. Хлеб получали вечером, когда возвращались с работы, и нужно было разделить пополам эти 125 граммов, чтобы утром, идя на работу, что-то проглотить, иначе ноги могли отказать. К сожалению, чаще всего Аде это не удавалось... Вечером уснуть было невозможно, от голода сводило желудок, а перед глазами стоял завернутый в тряпочку кусочек хлеба, который лежит тут, в шкафу. Бывало, не в силах перебороть себя, она вставала и... все. Утром согревала кипяточек, пила его – вот и весь завтрак. А в обеденный перерыв можно было в столовой получить так называемый дрожжевой суп, он состоял из разведенных в воде и прокипяченных дрожжей, заправленных двумя-тремя листочками какой-то травки.

НА ПЕРЕДОВОЙ

Периодически по разнарядке для организаций Ада вместе с другими ленинградцами, большинство из которых были женщины, рыла противотанковые рвы в моменты затишья в наземных операциях между двумя передовыми линиями – нашей и фашистской. При этом часто из-за немецкой линии фронта внезапно появлялся один, а то и два или три «Фокке-Вульфа». Они шли низко над землей на бреющем полете и расстреливали из пулемета копающих рвы людей. Однажды в такой момент Ада упала на землю и посмотрела наверх, чтобы убедиться, не на линии ли огня она лежит. «Рама» и сверху, и снизу имела полностью стеклянную кабину. Аде запомнилось смеющееся лицо фашистского летчика низко летящей «рамы», поливающего из пулемета разбегающихся и прижимающихся к земле женщин.

Странная вещь была замечена в блокаду: те, кто ходил на работу, копал траншеи, колол лед на улицах, выходил разбирать взорванные дома, пытался содержать себя в чистоте, не лежал в

«Фокке-Вульф» Fw 189 – «рама»

постели, если мог встать, чаще выживали. Те же, кто старался сохранить силы и тепло, лежа в постели, умирали первыми. Естественные науки не дают объяснения этому феномену. Видно, психика, то, что мы обозначаем как дух (волевые установки на чувство долга, патриотизм и многое другое), становится мощным материальным ресурсом в предельно критических ситуациях. Излишне говорить о том, какие страдания и лишения все испытали в осажденном Ленинграде, об этом немало написано и рассказано. Но важно отметить, что и в этих ужасных условиях ленинградцы в большинстве своем не сломались, оставались людьми, не теряли своих лучших человеческих качеств. И это помогало выдерживать испытания, выживать.

ПЛАНЫ ГИТЛЕРА ОТНОСИТЕЛЬНО ЛЕНИНГРАДА И ГОРОДОВ НАШЕЙ РОДИНЫ

Последние годы нанятая нашими лютыми внешними врагами огромная пятая колонна так называемых либералов и демократов с целью осквернения руководства и народа страны, нашей Великой Победы запустила подлый, лживый и предательский миф о том, что для спасения людей надо было сдать фашистам Ленинград.

Посмотрим, как же в реальности собирались поступить руководители фашистской Германии с Ленинградом, Москвой и вообще всеми городами СССР.

7 октября 1941 года начальник оперативного отдела командования Сухопутных войск Германии Альфред Йодль писал генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу: «Капитуляция Ленинграда, а позже и Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником... Нельзя кормить их население за счет германской родины...»

Начальник штаба командования Сухопутных войск Германии Франц Гальдер еще 8 июля 1941 года в своем дневнике записал: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы». То есть никто не собирался спасать жизни жителей советских городов, полное уничтожение их было частью нацистской программы действий.

В документе от 12 октября 1941 года Верховного командования вермахта, касающегося действий группы армий «Север», написано:

«Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда, даже если таковая будет предложена противником, не будет принята. Ни один немецкий солдат не должен входить в город. Того, кто хочет покинуть город через нашу линию фронта, отгонять назад огнем. Небольшие незакрытые проходы, которые позволят потоку населения выбираться вглубь России, напротив, следует лишь приветствовать. И для всех остальных городов действует правило, что перед взятием они должны быть разрушены артиллерийским огнем и атаками авиации, а население должно быть принуждено к бегству. Ставить на карту жизнь немецких солдат для спасения русских городов от опасности пожаров или кормить их население за счет немецкой родины безответственно. Хаос в России станет тем больше, наше управление и эксплуатация оккупированных территорий тем легче, чем большее количество населения советско-русских городов отправится в бегство вглубь России. Эту волю фюрера следует довести до сведения всех командиров».

Так рассуждали не только гитлеровцы. Президент Финляндии Ристо Рюти 11 сентября 1941 года заявил немецкому посланнику: «Если Петербург не будет больше существовать как крупный

город, то Нева была бы лучшей границей на Карельском перешейке... Ленинград надо ликвидировать как крупный город».

Таким образом, никакой возможности «гуманной сдачи Ленинграда» не существовало. Даже тех, кого немцы собирались выдать из города через «небольшие незакрытые проходы» вглубь страны, ждала все та же смерть от голода и лишений: истощенные люди просто не вынесли бы этого похода, который неизбежно вылился бы в «марш смерти».

Посмотрим для примера на крупные города СССР, занятые гитлеровцами.

Киев, население которого до войны составляло около 1 миллиона человек. К моменту занятия города гитлеровцами в нем оставалось более 400 тысяч человек. В ноябре 1943 года после освобождения в городе осталось не более 180 тысяч человек.

Минск, население которого до войны составляло более 250 тысяч человек. На момент освобождения в нем оставалось не более 37 тысяч человек.

Харьков. Население города за два года оккупации сократилось почти на 700 тысяч человек, и к моменту освобождения 23 августа 1943 года в городе осталось около 190 тысяч жителей.

Во всех этих городах были уничтожены практически все предприятия, институты, кинотеатры, музеи, более половины жилого фонда. В каждом из этих городов десятки тысяч человек стали жертвами карательных операций, еще десятки тысяч погибли от голода и болезней, сотни тысяч были угнаны на принудительные работы в Германию.

При этом нацисты ни одному из перечисленных городов не придавали такого символического значения, как Ленинграду.

Его участь должна была стать во сто крат ужаснее.

Ариадна-Ада Васильевна Чеснокова-Торчинова, жена гизельца Заурбека-Жараби Инарикоевича Торчинова, принадлежала к той части наших советских людей, которые сообща, не щадя собственной жизни, внесли свой вклад в нашу Победу, они не отдали врагу Ленинград и нашу Родину – Советский Союз.

А после войны, начиная с 1946 года, родным для ленинградки Ады стали сначала Кадгарон, потом Гизель и Владикавказ.

Мурат САСИЕВ
(1975–2023)

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

СТИХИ

МОНАХ

Ночь влажна. Серебристый ручей
У меня меж ладоней дробится.
И тропой, вдоль подводных огней,
Осторожно крадется лисица.

С колоколен окрестных церквей
Долетают полночные звуки.
В ярком пламени черных свечей
Я врачую предсмертные муки.

Я вздремнул, но мне спать не дают.
Крики, стук – отпираю засовы.
В моей келье находят приют
От рассвета ослепшие совы...

СОМНАМБУЛА

Ночью реки текут на луну,
А вода в них – преступные мысли.
За волной ты пускаешь волну,
Сняв пиджак, ты отходишь ко сну,
Чтоб сомнения больше не грызли.

Но находишь ты вдруг по утрам
Свой платок с окровавленной бритвой.
И не веря убийственным снам,
Со всех ног ты пускаешься в храм,
Дикий страх заглушая молитвой.

И когда, просветленный, идешь
Ты домой в бездуховной пустыне,
Тебя скрутит вдруг нервная дрожь,
Ты втыкаешь свой мысленный нож
В тех, на чьи натыкаешься спины...

КОСТРЫ

Костры в тумане говорят
Друг с другом тихими словами.
Молитвы слез в кострах горят –
Они общаются с богами.

Ты камнем спишь на дне реки,
Вода в реке – течение жизни.
Слиясь в одно, вы – далеки:
Она в пути, ты – неподвижный.

Мрак глубины и холод лет,
Вся жизнь, прожитая в обмане.
Твоей душе так дорог свет
Костров, мерцающих в тумане.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Я болен Китаем. В мозгу моем пестрый дракон
Над пагодой реет, а толстый, как слон, император
В бассейне ныряет, представив, что он махаон.
Мне это виденье продал доктор Ли – мистификатор.

Плывя с мандаринами в барке по синей реке,
Слежу за кровавым восстанием «желтых повязок».
А в трюме старик, том Конфуция сжегший в тоске,
Готовит из опия новую порцию сказок...

НЕОБЪЯСНИМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Мы – пленники нескошенной травы,
Хозяева покладистого сена.
Нас будит в ночь тоскливый крик совы,
И мы спешим избавиться от плена.

В луга нас неизменный путь ведет,
Где каждый мускул будет отдан битве.
Когда последний стебель упадет,
Мы сложим руки в утренней молитве.

Над головами страшный звездный вой,
Кружатся в воздухе встревоженные птицы.
Усталые, мы побредем домой,
И нам во след послышится: «Убийцы!..»

ЗАВИСТЬ СЛУГИ

Ты так богат, умен... Ты сказочно красив,
А я, как тень в дождливый день, почти не виден.
Печален жребий жалкий мой и незавиден,
А ты погряз в распутстве, обо мне забыв.

Тебя счастливым видя среди гостей,
Кладу в карман отравленные пули,
Уверенный, что только б все уснули,
Они застрянут ночью в голове твоей.

Так месть свершится. Слыша пенье струй,
Я вышел в сад – как кровь в висках стучится!
Но страха нет. Как огненная птица,
Горит на теле ведьмин поцелуй.

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

Проходит дождь. Ты вновь один.
С тоскою смотришь на дорогу
И засыпаешь понемногу
В однообразии картин.

Но цепь видений в долгом сне
Теперь твои тревожит веки:
Ты слышишь шум, ты видишь реки
В воображаемой стране.

Гуляя не спеша в саду,
Свернув к мосту того, что было,
Ты видишь вдруг свою могилу
И просыпаешься в поту.

И сила тайная причин
Страшит тебя пред тем, что снилось.
Кругом ничто не изменилось:
Проходит дождь, горит камин...

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Китайский лодочник плывет
За лунным следом прямо в небо.
Священных лотосов ряды
Ему вослед кивают слепо.

На дно уходит тонкий шест.
Мокры от звезд края халата.
Жемчужный ветер в облаках.
Над гладью вод стоит прохлада.

В полях застой и недород –
Примета будущих несчастий.
О, сколько крови утечет
В борьбе за трон меж трех династий.

МОНАСТЫРЬ

Снег все идет, и я замерз.
Дрожит собака-поводырь.
Но вот повеяло теплом –
Стучусь в буддийский монастырь.

Нас проводили в желтый зал.
Послушник рисом накормил.

Монах, спустившись с облаков,
Нас на занятие пригласил.

Час созерцанья завершен.
В саду – духовная стрельба.
Здесь тело – жалкий подхалим,
Здесь управляема судьба...

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛИЦЕДЕЙ

Я никогда не видел облаков,
Настолько ярко опаленных солнцем.
Мой бедный сын опять во время сов
Убит во мне таинственным японцем.

И плачу я, накладывая грим,
Храня свой мир под маскою артиста.
Живу на сцене с правилом простым –
Смотреть на мир глазами эгоиста.

Мой дом вон там, меж стройных камышей.
Проснулся ветер в стеблях кориандра.
Среди вонне любимых мной вещей:
Полночный месяц, старый маятник и мантра...

Алексей ТОЛСТОЙ

К 140-летию со дня рождения

МИЛОСЕРДИЯ!

РАССКАЗ

В оформлении использована картина не установленного автора из сети интернет

1

Когда после супа подали горошек, Софья Ивановна сказала, что больше ничего не будет, и ее припудренный носик, ушедший в щеки, глазки, когда-то хорошенькие, теперь совсем круглые и выцветшие, прядь волос, висящая из прически, – прядь, когда-то непокорная, теперь просто непричесанная, – все это задрожало в негодовании и в страхе непонятного будущего.

Владимир, гимназист, младший, с еще детской кожей, испачканной чернилами, взглянул на мать и покорно взял тарелку.

Николай, старший, тоже гимназист, усмехнулся и дернул костлявым плечом. Его большой нос, уже лоснящийся, и тщательно приглаженный пробор, и жилистые, почти мужские руки, и длинные рыжие глаза выражали полное недоверие и семье и всем вообще пережиткам, еще таящимся в таких затхлых углах, как квартира присяжного поверенного Шевырева, что по Сивцеву-Вражку. Николай взял горох, сказал: «Благодарю, мать», и съел его со вкусом.

Сам Василий Петрович сидел, наморщив большими складками лоб, и, не спеша, с точностью, повертывал в изящных пальцах стеклянную подставочку. От гороха он отказался, задумчиво покачав головой. Ему было все теперь безразлично: и испуганная глупость Софьи Ивановны, которая, спустя девять месяцев революции, продолжала по всякому поводу

Текст печатается по изданию: Толстой А. Н. Избранные повести и рассказы. Л.: Художественная литература, 1937.

Орфография и пунктуация сохранены.

воскликать, сжимая полные ручки: «Ужасно, послушайте, это же ужасно!» – словно где-то еще в пространстве маячила смущенная фигура попорченной справедливости; безразличны рыжие глаза и самоуверенная усмешечка Николая и вялый и безвольный Володька.

Семья, сидевшая за обеденным столом, между буфетами из мореного дерева, была обломками когда-то хорошо оснащенного суденышка; подхваченное зловещим ветром, оно заплясало на одичавших волнах, потеряло руль и паруса и выкинулось на мель.

Сейчас сидели на мели, – это всем было ясно.

Вне всякой связи с предыдущим, Софья Ивановна покраснела и, отодвинув тарелку, сказала:

– Володенька всегда был плох в орфографии, а с этим новым правописанием просто ужасно!

В ее руках появилась откуда-то снизу тетрадоочка; она порывисто перелистала ее. Володя с сожалением видел, что тетрадь помята в судорожной материнской ручке и сейчас будет замазана соусом. Василий Петрович пожал плечами, подумав: «Наплевать». Николай, вычерчивая вилкой на клеенке буквы, сказал:

– То, что тебе кажется ужасно, мать, – через десять лет будет не ужасно. А ужасно то, что мы безо всякого здравого смысла расходим время и память на пустяки. Это мое мнение.

Василий Петрович быстрее завертел подставочку. Николай бросил вилку и осторожно почесал пробор.

– Люди, переставшие расти физически и умственно, судорожно цепляются за всякий пережиток, хотя бы он был совершенно глупый.

На это Василий Петрович отвечал:

– Ты осел.

Но цели не достиг. Сын сейчас же выговорил с большим удовольствием:

– Благодарю, папа.

– Перестаньте, боже мой, как это ужасно!

– А я говорю, что он уже давно наглый осел!

– Я в этом не виноват, папочка.

– Виноват!

– Колечка, не спорь с отцом. Василий Петрович, Коля сказал только свое мнение...

Выпучив на сына большие глаза, Василий Петрович сильно барабанил пальцами; кровь прилиwała и отлиwała от его щек.

Вошла с чашками кофе горничная на таких высоких каблуках, что ноги ее точно не сгибались; поняв, что ссорятся, удовлетворенно поджала пухлые губки. Софья Ивановна сказала поспешно:

– Придется пить с медом. И говорят – меду совсем не будет.

Молча выпили кофе. Обед кончился. Гимназисты ушли: Володя – медленно, точно тянулся на резинке, Николай – решительными шагами, хотя было очевидно, что всего-навсего завалится на диван с книжкой. Софья Ивановна потопотала где-то по комнатам и затихла. Василий Петрович пошел в кабинет, закурил и стал у окна.

Стоял ноябрь тысяча девятьсот семнадцатого года, холодный, страшный. За мутноватыми стеклами неохотно падал редкий снег. Крыши, покатые, длинные, крутые, устланные белым снегом, во множестве уходили до мглистой полоски Воробьевых гор. Тени становились синеватыми, сумерки застилали очертания. Летали галки, прощаясь с белым светом, пронеслись у самого окна плотной стайей и рассыпались, взмыв в вышину, точно их швырнули.

Напротив, на гребень крыши, рядом с трубой, села ворона, такая большая, что казалась почти с трубу, и, перегибаясь, стала кланяться, открывать клюв, – каркала. «Вот разжирела ворона, должно быть ей лет под пятьдесят, не меньше», – подумал Василий Петрович.

Среди этого угасания, когда на крыши и улицы, на застывающее от тоски сердце неохотно падал снег, хороня и город и землю, как похоронил уже не один город, не одно царство, – в эти сумерки жирная, головастая ворона, похожая на переодетого черта, утешала немного Василия Петровича: все-таки что-то еще осталось от жизни.

Он закурил вторую папироску и стал ходить по ковру. Делать было нечего.

Делать было нечего не по его вине, конечно. Окончательно нечего делать, и за последнее время, с горькою усмешкой, Василий Петрович решил следующее:

– С юности я воспитывал себя для общественной жизни, мечтал стать полезным членом общества. Мои планы рухнули, мои способности и знания не нужны. Я вышвырнут из общественной жизни. Будем жить для себя! Вы этого хотели? Вы этого добились! Превосходно!

Это был вызов. Решительно порвав со старым, Василий Петрович обратился к самому себе, но и тут неожиданно получил щелчок.

Оказалось, что «я» Василия Петровича, некоторая первоначальная сущность, ему одному принадлежащая, пребывающая в его упитанном теле, одетом с утра в синий пиджак и золотые очки, – не признаваемая Дарвином, а тем более всей этой непонятной дьявольщиной, происходящей в стране, – душа Василия Петровича оказалась смятенной и малой до жалости. Не душа, а эмбрион.

Оставленный сам с собою, Василий Петрович растерялся. Действительно было из-за чего: культурный, умный, значительный человек превращался в пар, как снежная баба. Знания, воспитанность, вкусы, идеи, нравственные задачи – все это оказалось ненужно, даже враждебно сегодняшнему дню, даже преступно, так же, как год тому назад казалось преступным и враждебным отсутствие этих качеств.

Это значило, что эти качества относительны, – пар. А сущность, неизменная и вечная, та, что отличает Василия Петровича от всех других людей, была, как уже сказано, в зачаточном, почти полудохлом состоянии.

Его сущности не хватало: зубов и когтей, чтобы защищаться, отваги, чтобы быть безрассудной, и хитрости, чтобы вовремя прекратить безрассудство, мимикрии, чтобы, меняя цвета и форму, прятаться от опасности; не хватало зоркости, ловкости, быстроты и, главное, звериной, непоколебимой, пышащей жаром любви к себе, чтобы жить.

Он стиснул зубы: нужно бороться. Борьба за самого себя! Борьба во имя самого себя!

Он опять остановился у окна. Вдалеке в большом доме светом заката пылали, точно полные углей, множество стекол. Два купола Христа-спасителя протянули над городом два жарких луча.

И там, и там, между крыш, загорались иголки и луковицы церковей.

Скрестив на груди руки, мрачный и нахмуренный, Василий Петрович глядел на город. Отсвет заката, ползя по стене, коснулся его лица, и лицо стало зловещим и багровым. И голова-стая ворона, казалось, двусмысленно кивала ему в окно с мерзлого сучка.

2

Софья Ивановна, сидя в гостиной на неудобном атласном креслице, под большим кружевным абажуром, штопала белье. Настали такие времена, что приходилось не только штопать, а вы-

гадивать лоскутки, даже самые маленькие. Ее пухлые пальчики проворно втыкали и вытягивали иголку; время от времени она поднимала голову и оглядывалась.

На стене висели эстампы в дорогих рамках, в углу – мраморный бюст Карабчевского, патрона дома, карельская мебель – под старину, с бронзой, рояль, прикрытый занавесом из парчи. Все это было знакомо, дорого, пережито. И все же сейчас было что-то странное во всем, дикое.

Столик с инкрустацией перестал быть просто редким столиком, – он, словно исподтишка, четырьмя своими ножками норвил лягнуть революцию, – в нем было недоброе начало; рояль был слишком богат, занимал много места; в лакированных рамах, бюсте, в люстре было самодовольство, очень опасное по нынешним временам; вещи приобрели новый смысл, в высшей степени им не свойственный: они стали опасны.

И Софья Ивановна чувствовала себя в чем-то виноватой. Покосится на канделябр и сейчас же начнет извиняться мысленно: во-первых, стоил он недорого – по случаю, а главное – все своим горбом нажито, да и вещь-то в конце концов не особенно ценная. Сидеть и шить было жутко и неудобно. Софья Ивановна погружалась в хозяйственные соображения, не менее горестные. Мелькала иголка. За стеной Володя зубрил алгебру, ясно, что плохо ее понимал бедный мальчик. И принесет ли ему счастье в жизни эта алгебра? Нет ли и в ней какого-нибудь тайного и опасного умысла?

Порывшись в кошельке, Софья Ивановна отложила Володе два рубля на кинематограф. Вошел Василий Петрович, тщательно причесанный и в сюртуке: куда-то собрался, на ночь глядя, в такое время.

– Ты что делаешь? – спросил он. – Я уйду, вернусь поздно, можешь не беспокоиться. Да, вот что: передай, пожалуйста, Николаю, что я на него сердит. Мальчишка слишком возомнил о своем уме. Взял со мною недопустимый тон, как равный. Прощай.

Проходя по коридору мимо двери Николая, Василий Петрович остановился, поморщился, поправил очки, проговорил сухо: «К тебе можно, надеюсь?» – и вошел.

Сын валялся на диване с книжкой; около, на стуле, лежали папиросы и фотографическая карточка; он поспешно перевернул ее лицом вниз и приподнялся на локте. Василий Петрович затеребил бородку, покашлял и чрезвычайно неприятным голосом сказал:

– Ты много куришь, это вредно.

– Я не особенно много курю.

– Вот видишь, Николай, за обедом мы поссорились. Скажи, пожалуйста, откуда ты взял право иронически относиться к матери и ко мне в конце концов? В нас ты нашел что-нибудь смешное? Нелепое?

– Нет, по-моему, в вас ничего нет особенно смешного. Дело в том, что мы разное смотрим на вещи...

– Виноват, твои политические убеждения – просто чушь! Мальчишка в семнадцать лет не имеет права лезть вперед со своими идеями. Побольше бы надо скромности! В наше время решительнее поступали с такими клопами.

– Ты напрасно раздражаешься, – поспешно проговорил Николай, – может быть, мои убеждения и не мои и не умны, – но мне нравится их иметь, вот и все.

– Да, но мне это не нравится!

– Прости, здесь я бессилён. К сожалению, я живу не для того, чтобы тебе нравиться.

С большой быстротой в памяти Василия Петровича прошли все способы отцовского воздействия, но все они были уже неприменимы. Николай зажигалкой закурил папиросу, вытянул ноги по дивану и сказал:

– Если ты внутренне признаешь за мной право быть самостоятельным, то думаю, что мы будем друзьями. Отчего же.

Василий Петрович спросил тихо:

– Ты, послушай-ка, собственно говоря, – кто?

– Левый эсер, папа.

Василий Петрович развел руками. Семнадцать лет он вбивал в эту голову, с большим носом, просветительные идеи, и вот они привились. Черт знает что такое!

Выпустив из надутых щек воздух, Василий Петрович сказал:

– Да, если так, извини, – удаляюсь.

3

Выйдя из зашитога досками подъезда, охраняемого в этот час членом домового комитета, преподавательницей пения, скрывающей дорогой мех шубы под оренбургским платком, повязанным по-деревенски, буркнув ей: «Благодарствуйте, Анна Ивановна», – поскользнувшись на обледенелом тротуаре,

подхваченный снежным ветром, Василий Петрович оглянулся направо и налево.

В облаках мелькнул зеленоватый свет трамвайной искры. Мирно светились окна высоких домов. Все было тихо, путь свободен, и Василий Петрович побрел посередине улицы, заранее готовый добродушной улыбкой встретить опасность, откуда бы она ни появилась.

На Арбате было людно, шумно. Шли и шли с Брянского вокзала, кучками и в одиночку, бородатые солдаты, согнутые под тяжестью самодельных сундучков и котомок. Иные несли пилы, инструменты. Один тащил несколько ружей, обернутых в тряпки. Солдаты шли по тротуарам, посреди улицы, бежали за трамваями, глазели на Москву, спрашивали дорогу на вокзалы, – грязные, усталые, озабоченные.

Прижавшись к стене, Василий Петрович пропустил мимо себя человек пятьдесят, валивших кучей, и подумал: «Хороший все-таки, добрый народ, эх-хе-хе».

Навстречу ему не спеша прошел военный из писарей, грызя подсолнухи и со скукой рассматривая окна. За военным шла девица, с простуженными щеками, в косынке.

– Сами вы ничего не понимаете, – говорила она плаксиво. – И вовсе она не красивая, а красивые у нее ботинки, и те не красивые, а тонкие.

Вертелся под ногами один из тех особых мальчиков, с опухшим лицом и пронзительным голосом, – они появились с первого года войны, – газетчики. Сбоку тротуара разносчик, засунув рукавицы за кушак, потрясал грушей перед сморщенным личиком какой-то старушки, говорил с досадой:

– Вам не грушу надо, гроб осиновый.

Проходили нагруженные людьми трамваи, с тем же толстомордым мальчишкой сзади, на буфере. Потрясая землю, прокатил военный грузовик. Высоко у электрических шаров крутились белые мухи. Василий Петрович свернул в темный переулок и позвонился у подъезда.

Три мужских лица, принадлежавших членам домового комитета, прильнули к стеклышку, вделанному в дверь. Василий Петрович, доказывая свою благонамеренность, вынул платок и высморкался. Лица посоветовались и впустили.

В зеркале лифта он внимательно оглянул свои порозовевшие щеки, стряхнул снежок с усов и бороды и тщательно поправил складки галстука.

На турецком диване, среди шелковых подушек, лежала Ольга Андреевна; дымок папиросы поднимался от ее худой, покрытой кольцами руки. Облокотясь, запустив пальцы в сухие, соломенно-го цвета волосы, Ольга Андреевна читала переводный роман.

Комната, как и все комнаты, где обитает холостая женщина, была чрезмерно переполнена лишними и ненужными вещами. В углу горела керосиновая печка, отчего было жарко и сухо, и левкои, стоящие перед зеркальным шкафом, завяли.

Услышав звонок, Ольга Андреевна одернула юбку, подобрала ноги и посмотрела на дверь; затем, потянувшись через весь диван, потушила в пепельнице папироску и, уйдя поглубже в подушки, опять нагнулась над книжкой.

Ей было двадцать семь лет. Муж ее, помощник Василия Петровича, был убит в начале войны. От крупы умер двухгодовалый сын. Ольга Андреевна, сопровождаемая сожалением и слезами знакомых дам, уехала в санитарном поезде на фронт. Время от времени она появлялась в Москве, поглубевшая, в кожаной куртке, смертельно усталая. Помимо сожалений, ее нагружали посылками и письмами, и дамы ездили провожать ее на вокзал. Затем прошел слух, будто она в плену, – пропала без вести.

Осенью жена присяжного поверенного, госпожа Кошке, собственными глазами увидела на сцене, в представлении какой-то восточной пьесы, Ольгу Андреевну: во время пира, в третьем акте, она подносила индийскому владыке большое блюдо, говоря: «Вот дичь».

Дамы, не поверив Кошке, пошли в театр и действительно видели и слышали, как Ольга Андреевна, с голыми плечами и пестрым шарфом, завязанным ниже живота, говорила: «Вот дичь».

Дамы раскололись, и одна часть решила у себя Ольгу Андреевну не принимать. Но она и не появлялась у прежних знакомых. А вскоре исчезла и из театра.

К этому приблизительно времени нужно отнести ее переезд в Арбатский переулок, в комнату у вдовы статского советника, Бабушкиной.

Ольгу Андреевну стали встречать на Арбате, очень похудевшую, в обезьяньей шубке; видели у Сиу, как она задумчиво тянула кофе через соломинку; видели в Литературно-художественном кружке за столом, вместе с каким-то сизым человеком в перстнях.

Присяжные поверенные, оставшиеся в Москве, находили, что Олечка похорошела и появилась у ней особая, чрезвычайно волнующая черта – прозрачный, равнодушный блеск глаз.

И понемногу доска на двери: «Н. А. Бабушкин, с. с.» – приобрела несколько иной смысл. С ней связывался ряд представлений: гремющая цепочка, черненькое, умильное личико горничной, говорящей: «Пожалуйста, пожалуйста, дома», длинный, дурно пахнущий коридор, красные и пыльные портьеры в столовой, откуда каждый раз выглядывала вдова статского советника, чрезвычайно уродливая; дальше – большие, затхлые гардеробы и, наконец, комната; она называлась «рай», – комната, пахнущая гиацинтами и еще чем-то очень не домашним.

Здесь забывали о войне, о политике, шутили и остроумничали, точно мир действительно и не перевернулся кверху ногами, – здесь был райский уголок, оставшийся от огромной разрушенной жизни.

Ольга Андреевна всем говорила «ты», принимала, не благодаря, все, что ей дарили, одевалась в черное, не носила корсета, душилась так, что... словом, здесь был рай.

Василий Петрович крепился дольше других. Заходить – заходил, не один, конечно, но держал себя строго, в карты не играл, а больше посиживал в углу, в кресле, со стаканчиком вина в кулаке. Однажды он даже выразился про «салон» Ольги Андреевны так: «Всякое время и всякая жизнь пускает свои пузыри».

За последнюю же неделю почему-то у него из ума не шла светлая Оленькина головка и прозрачные, равнодушные глаза. Он думал: «А давненько я все-таки туда не заглядывал». Затем ему стал представляться длинный, волнующий и проникновенный разговор большой важности, и, наконец, точно осенило: только такая же, как он, бездомная, опустошенная, тоскующая Оленька может сейчас понять его тоску и сказать какое-то необыкновенное слово. Василий Петрович все еще верил в слова.

Когда он осторожно постучал в дверь и вошел, Ольга Андреевна встретила его чуть-чуть изумленным взглядом. Василий Петрович испытал легкое сердцебиение, поцеловал руку и сел на низенькое плюшевое креслице:

– Вот, забежал на огонек, – принимаете?

5

– Скажите, Ольга Андреевна, вы много читаете, я вижу книжку, – после нескольких покашливаний в руку проговорил Василий

Петрович, потянулся и тронул книгу мизинцем. – Это что-нибудь современное? Стихи?

– Нет, роман французский, ерунда какая-то.

– Да, французы умеют писать. Раскрываешь книжку и сразу чувствуешь себя подтянутым, в общества тонкого и умного собеседника, прежде всего признающего твой ум, твой вкус.

Василий Петрович посмотрел на ногти:

– У нас почему-то принято видеть в читателе идиота или дикаря. Я не могу открыть книги, чтобы меня там не начали учить нравственности или простой порядочности. Кончая книжку, я чувствую себя оплеванным. Позвольте! Я тоже культурный человек... И так во всем: писатель считает меня идиотом, народные комиссары едва терпят мое существование... Для родины я, оказывается, враг... Я – враг!..

Он вдруг задышал носом. Разговор, так ловко заведенный об изящной литературе, сорвался.

– В общем, все – более чем скверно, – проговорил он с гримасой.

Ольга Андреевна вздохнула, опустила глаза и из черепаховой коробочки вынула папиросу.

– Одно время я боялась выходить на улицу. А теперь все стало безразлично.

– Третьего дня я вас встретил, Ольга Андреевна, и кланялся, а вы не заметили.

– Я стала очень рассеянна. Устаю ходить, устаю читать. Устала переживать государственные перевороты. Третьего дня где же я была?

– Вы заходили в перчаточный магазин.

– Какие там перчатки! Москва стала запустелая, грязная, и уехать некуда.

– Да, ехать сейчас некуда. И нет хлеба, сахара. Идет чума.

– Боже мой!

– Надвигается. Курить можно?

Ольга Андреевна протянула ему черепаховую коробочку с душистыми и слабыми папиросами:

– Курите. Вы не были на «Итальяночке» в Новой Комедии? На послезавтра у меня два билета. Говорят, очень славно. Пойдемте?

– Слушаюсь.

Василий Петрович положил ногу на ногу, прищурясь, потрогал бородку.

– Вам не покажется странным, Ольга Андреевна, если я скажу, для чего пришел? Представьте, что я уменьшился ростом, а платье на мне осталось прежним, на большой рост. Вот так я себя сейчас ощущаю. Какое-то странное состояние... Вернее – совсем себя не чувствую...

Он до невозможности сморщился, стараясь быть понятным. Ольга Андреевна с остановившейся улыбкой глядела на него. Василий Петрович сидел в черном сюртуке, в крахмальной тугой рубашке, красный, серьезный, поблескивал очками.

Тогда она внезапно рассмеялась, даже колени ее вздрогнули под шелковым платьем. Василия Петровича бросило в жар.

– Чрезвычайно трудно выразить это, – пробормотал он, – чувство очень сложное.

Ольга Андреевна спросила:

– Хотите чаю?

– Да, пожалуй. С удовольствием.

– Позвоните три раза.

И когда он, потирая ледяные пальцы, вернулся от двери, она сказала:

– Садитесь рядом. Суньте подушку под спину. Рассказывайте.

И она, подобрав ноги, внимательно, исподлобья, стала разглядывать Василия Петровича, затем сняла пушинку с его рукава:

– Почему же вы все-таки ко мне пришли? Вот этого я не пойму.

– Именно к вам, потому что...

– Взяли и решили броситься в омут с головой.

Она опять усмехнулась длинной улыбкой. Василий Петрович не ответил. Отвратительный холодок против воли пополз по спине. Стало совестно своих глаз, всей стороны лица, повернутой к Ольге Андреевне. Впору слезть с дивана и уйти, но все тело грузно, неуклюже сидело, придавив пружины. Ни уйти, ни отвернуться. И всего хуже, конечно, было это молчание, подтверждающее самые гнусные предположения.

– Я не хотела вас обидеть, – Ольга Андреевна коснулась его плеча. – Простите, что я засмеялась.

– Нет, пожалуйста, отчего же...

– Не сердитесь на меня, голубчик. Говорите все. Я слушаю вас очень внимательно.

Она даже закрыла глаза. Ее лицо стало точно у спящей. Нежная кожа щеки, тонкий, с горбинкою нос и чуть-чуть приоткрытые для дыхания губы были совсем рядом, близко и так покойны, – вот взять их в ладони, прижаться поцелуем.

Василий Петрович стиснул челюсти. «Этого еще не хватало! Поцеловать, схватить за плечи, целовать в глаза, в рот, в горлышко... И потом взъерошенным, с кривой улыбочкой, стоять над разрушенной красотой! Утвердить самого себя! Все это бред! Невозможно!»

Упершись кулаками в диван, он поднялся, застегнул сюртук:

– Позвольте откланяться.

– Куда же вы?

Он взглянул на часы:

– У меня заседание. Разрешите зайти как-нибудь в другой раз. Я соберусь с мыслями.

И, не глядя в глаза, он поцеловал руку, извинился несколько раз, обещался зайти в среду – сопровождать Ольгу Андреевну в Новую Комедию, если не помешает какое-нибудь восстание, задел по пути плечом дверь и вышел.

На улице, сдвинув шапку, он долго тер лоб, не в силах прийти в себя от стыда, растерянности, негодования. «Как это все вышло – черт знает как...»

6

Дома, в углу большого кожаного дивана, где когда-то происходили жаркие споры на общественные темы, Василий Петрович устроил все, что нужно человеку: стакан воды, папиросы, Владимира Соловьева, низенькую лампочку. Занавеси на окнах задернул: с утра было ветрено, и в стекла лепил мокрый снег.

Разумеется, на душе скребло: там, за толстыми шторами, содрогается в предсмертной муке Москва, Россия, весь мир. Страдают добрые и злые, сильные и слабые, и те, кто хотят счастья другим, и те, кто хотят счастья только себе. А здесь, наплевав на все, утверждается человек наедине с Владимиром Соловьевым!

Были, были такие мысли. Но Василий Петрович, пофыркивая, покусывая ноготь, гнал их прочь. Нужна цельность, нужна жестокость! Путь добра бесконечно более жестокий и кровавый, чем путь зла, – в этом пришлось теперь убедиться всем. И, кроме того, в противопоставлении себя миру в такое время Василий Петрович находил что-то трагическое, и роковое, и очень острое. Так ему казалось.

Он надел теплую куртку и теплые высокие туфли; у домашних потребовал покоя. Никого не видеть, затвориться, думать! Прочтя

несколько страниц, он отложил книгу, откинулся на диванную спинку и закрыл глаза:

– Бессмертие души. Да. Вот стержень всех дум. Если нет бессмертия, я случайно возникшая частица космоса, вовлеченная в круговорот вещей, чтобы барахтаться и погибнуть так же бесцельно, как и возникла. А если я бессмертен? Я – божество среди таких же божеств? Мои страдания и вся бессмыслица нужны мне, и я их благословлю. И благословлю еще потому, что не могу уклониться от них. Когда страдания становятся невыносимыми и бессмысленными, – я задумываюсь о бессмертии души; мне нужно во что бы то ни стало, чтобы она была бессмертна.

Василий Петрович тонко усмехнулся: «Нет, голубчик, на мякине не проведешь. Верю в бессмертие? – не знаю. Верю в бессмыслицу? – не знаю. В себя верю? – не знаю. То-то и оно-то...»

Но честность, как и всегда бывает с честностью, не дала нравственного успокоения. Одной ее оказалось мало. Василий Петрович курил папиросы, и ему начинало казаться, что путь размышлений – почтенный, но в нужных случаях жизни – плохой путь.

Далее, несмотря на запрещение, в кабинет проникла Софья Ивановна. Покраснев, она проговорила осторожным голосом:

– Я тебе помешала, прости, – на минутку отвлеку. У меня, Василий Петрович, вышли все деньги. Предлагают в домовом комитете черного мяса. Я уж не знаю, как же...

– У меня денег нет.

– А три тысячи?

– Их невозможно получить, ты же знаешь. Иди, Соня, я занят.

Софья Ивановна ушла. Она уходила совсем неслышно, только раз скрипнула кухонной дверью, чтобы сказать, что домашнего мяса брать не будем, и где-то села и затихла; и все же Василий Петрович чувствовал через три комнаты, как она покорно моргает ресницами. Он швырнул куртку, оделся и вышел из дому, думая: «Умолял хоть несколько дней покоя. Потом для вас буду вагоны выгружать, лед колоть, в швейцары поступлю».

Проблуждав часа полтора, он занял у присяжного поверенного Кошке пятьсот рублей и вернулся домой к чаю. Все было как всегда. Софья Ивановна вытирала с испуганным видом чашку. Володя со скукой рассматривал искусственных куропаток, что висели по сторонам буфета. Софья Ивановна очень любила этих куропаток и так их из столовой за всю жизнь и не убрала. Николай, конечно, читал книжку. Услышав, что входит отец, шумно перевернул страницу.

Василий Петрович бросил на стол деньги, сел, морщась вытащил из кармана вечернюю газетку, затем, читая, стал приговаривать: «Черт знает что такое! Черт знает что такое!» Словом, после кораблекрушения в этом доме снова начал расцветать быт.

Николай, не поднимая глаз от книги, спросил:

– Кстати, папа, что завтра идет в Новой Комедии?

Василий Петрович медленно опустил газету. Василий Петрович видел, как Николай сунул книжку за ременный пояс, вытер губы и, сказав матери: «Спасибочки», вышел. Через некоторое время Василий Петрович послал Владимира за братом, чтобы привести его в кабинет.

Николай явился одетый, в картузе, с трудом застегивая пуговицу на стареньком гимназическом пальто:

– Ты звал меня, папа?

– Звал. Сядь. Нам нужно объясниться.

– Прости, но я тороплюсь; у меня пленарное заседание. Если ты сердисься – мне очень жаль, но я, честное слово, против тебя ничего не имею. Да, пожалуйста, не забудь, что завтра Ольга Андреевна просила тебя заехать в половине седьмого.

– Откуда ты это знаешь? – свистящим шепотом спросил Василий Петрович.

– Говорил с ней по телефону.

– Зачем?

– А ты зачем был у нее вчера?

– Николай! Она твоя любовница!

– Ну, знаешь, отец, тебе нужно просто принять валерьяны.

Николай вышел, хлопнув дверью. Василий Петрович опустился на диван. У него голова шла кругом... Он повторил в уме все слова, сказанные сыну, его ответы, и, – когда дошло до валерьяны, – Василия Петровича бросило в жар. Забило сердце. Он расстегнул куртку, взял Соловьева и долго глядел на страницу. На ней появились буквы. Он прочел:

«Если человек как явление есть временный и преходящий факт, то как сущность он необходимо вечен и всеобъемлющ. Чтобы быть действительным, он должен быть единым и многим».

– Единым и многим, – повторил он, поднимая голову. – Боже мой, как я ужасно неумел и несчастен!

7

Пешком вдоль стен, по осклизлым тротуарам, на извозчиках, ныряющих в хлопкие ухабы, изредка на темных внутри автомо-

биях, в темноте, под сырой, бьющей с ног непогодой двигались городские обыватели к едва освещенному одною лампочкой подъезду театра, где ветер трепал на двух колоннах мокрые афиши.

В низких тучах мерцал тусклый свет электричества, кое-где зеленатоватой каплей светил газовый фонарь. На лесах уже давно брошенного строиться огромного здания еще виднелись облезлые от времени рекламы. Эти изображения беспечного господина в струях дыма, силача, разрывающего шину, красавицы в одном корсете, – были из другого, разрушенного, теперь непонятного мира.

Прохожие пробирались молча. Где-то в стороне Садовой, Трубы и Тверских переулков хлопали одинокие выстрелы. Стреляла ли то стража по ворам, или воры по страже, или отстреливался одинокий пешеход – не все ли равно, обыватели, не оборачиваясь, упрямо пробирались к темному и грязному театру.

К семи часам скудно освещенная зрительная зала была полна. Несколько полных женщин, одетых с умеренной роскошью, торопливо прошли в первые ряды, капельдинеры в потертых сюртуках запирали боковые двери; осветилась рампа; партер затих, стремительно пробежал инспектор театра и сел где-то. И пыльный занавес, заколебавшись, раздвинулся.

В ненастоящей, ярко раскрашенной комнате, залитой ярким, ненастоящим солнцем, на картонном балкончике итальяночка вытряхивала пеструю юбку. Густо-синее небо, красные крыши вдали, смуглое личико, наклеенные ресницы, платочек пестрый, – все, все это итальянское, веселое, и все, что здесь произойдет и чем кончится, будет весело, легко, ярко.

И пусть там, за стенами театра, настойчивые и свирепые молодые люди совершают государственные перевороты, пусть сдвигаются, как пермские древние пласты, классы, пусть извергаются страсти сокрушительной лавой, пусть завтра будет конец или начало нового мира, – здесь за эти четыре часа итальянского обмана бедное сердце человеческое, могущее вместить волнения и мук не больше, чем отпущено ему, погрузится в туман забвения, отдохнет, отогреется. Прогремят события, прошумят темные ветры истории, умрут и снова народятся царства, а на озаренных рампою подмостках все так же будут похаживать итальяночки с длинными ресницами и итальянцы с наклеенными бородами, затягивая, заманивая из жизни грубой и тяжелой в свою призрачную, легкую жизнь.

Дернув за рукав, Ольга Андреевна спросила:

– Вы купили афишку? Дайте-ка.

Она сидела, слегка закинув высоко причесанную голову, опустив руки на сдвинутые колени; по внимательному, даже нахмуренному, ее лицу скользили отсветы рампы, – улыбки, испуг, ожидание, радость.

Там, на сцене, шла какая-то милая, непонятная чепуха. Но милее и непонятнее было Олечкино лицо. Один раз она обернулась, прошептав сердито:

– Почему вы не смотрите на сцену?

Каким образом Василий Петрович попал в театр и теперь сидит с нею рядом, – разобраться было нельзя, слишком сложно. Еще вчера и мысли не приходило об этом, а если и приходила, то казалась совершенно нелепой. Сегодня в половине шестого он решил уехать в Америку, жить здоровым физическим трудом, начав хотя бы с чистки сапог (эх, если бы не семья), а без четверти шесть спешно брился и сломал ноготь, надевая чистый воротник. Сейчас хотелось только одного: бесконечно длить эти фантастические, долгие минуты.

Там, у пестрой итальяночки, появился одетый в белое растакур, – сделал гнусное предложение; итальяночка дала пощечину и бросилась на грудь к другу-красавцу, не имеющему средств, чтобы жить. Занавес задернулся.

В партере поднялись. Ольга Андреевна вздохнула, повернулась к Василию Петровичу и подала ему карамельку:

– Вы все еще сердитесь, что поехали в театр?

– Я сержусь?

– Почему же все время молчите? Пьеса такая милая. Вот и видно – не любите театра.

Она произнесла первое попавшееся на язык, а глаза равнодушно разглядывали; лоб наморщен, между белыми зубами, хрустя, поворачивалась карамелька.

– Конечно, молчите, меня разглядываете. Ну, какой! А вон, видите, у той толстой дамы вся челюсть вставная. На военного как она смотрит, вот смешная. Так вы не сердитесь на меня? А я вас позвала, сама не знаю зачем, а потом думаю – не хочет идти, и пускай пойдет, и сыну вашему звонила, чтобы напомнил папаше. Батюшки, на деревянной ноге идет! Как я таких жалею! Вам, может быть, курить хочется? Я посижу одна, идите.

Карамелька была съедена; антракт кончился; раздвинулся занавес, и вновь лицо Ольги Андреевны затеплилось, разгладился лоб, расширились подернутые влагой глаза. Василий Петрович, нагнувшись к ее уху, проговорил:

– Мне хорошо с вами. – Она не повернула головы. – Немножко думайте обо мне, прошу вас.

Она, глядя на сцену, ответила:

– Не мешайте слушать.

Итальяночка попадала в скверную историю: растакуэр не брезговал гнусной клеветой, и вот красавец друг подозревает, и она не может сказать правды, она боится. Друг говорит гневные слова, сверкая подведенными глазами, широко шагает по сцене. Итальяночка прикладывает к носику платочек, дрожит, как птица: «Хорошо, хорошо, друг мой, ты мне не веришь, и я не имею других доказательств, кроме любви». И опять в дверь лезет гнусная рожа растакуэра.

– Господи, какой же он подлый, хоть бы убили его, – шепчет Ольга Андреевна.

Василий Петрович спросил улыбаясь:

– Вам ее жалко?

– Да, да, да.

– Но ведь все хорошо кончится.

– Ах, не в этом дело.

– Вам жалко ее любви?

– Да. Мне жалко всякой любви. Любви нет, понимаете, нет совсем. Ах, не мешайте же мне смотреть.

В антракте Ольга Андреевна сидела сутулая, опустив голову, покусывая губы. Конец пьесы досмотрела без внимания и еще до занавеса поднялась и, когда Василий Петрович подал ей шубку, закуталась вместе с носом в обезьяний воротник; дернув, надвинула на брови шапочку.

При выходе ветер, трепавший афиши, хвосты лошадей, юбки и шубы дам на мокром асфальте, дыхнул подвальной, подземной стужей в лицо Ольге Андреевне. Она сказала:

– Как холодно! Поедемте.

Сели в санки, потащились по булыжникам, по ухабам, по слякоти. Василий Петрович, охватив спину Ольги Андреевны, чувствовал под пальцами ее ребрышки. Они были какие-то совсем плохо приспособленные к ухабам, к непогоде, к тому, чтобы охранять живое, отбивающее секунды жизни, беззащитное сердце. Ребрышки клонились, вздрагивали под пальцами. Все лицо ее до

бровей было спрятано в воротник. Василий Петрович чувствовал, как через эти тонкие ребрышки, что двигаются под его пальцами, в холодной темноте, в отсветах задуваемых ветром фонарей, сквозь шубу коснулась, кольнула в сердце грустная жизнь, тепло и жалость. Наклонившись к ее воротнику, он хотел сказать про это, но губы, остуженные непогодой, едва выговорили какие-то жалкие слова. И эта искра внезапной жалости, скудный огонек любви, двигалась вместе с двумя сидящими в санях фигурами по темному, воющему всеми проволоками и простреленными крышами, мрачному городу. Где было ей уцелеть!

У подъезда он говорил:

– Сегодняшний вечер очень знаменательный для меня, Ольга Андреевна. Я давно не чувствовал в себе такой уверенности, что все-таки нужно, нужно жить.

Как ее ни гни, а ведь пробьется она, как озимь. Право, совсем не так плохо. Что-то есть, что-то есть.

Дверь открыли. Он протянул руку. Ольга Андреевна, не замечая протянутой руки, вошла в подъезд, затем обернула голову, ее глаза были строгие.

– Зайдите, ведь еще не поздно.

9

Они сели на диван. Ольга Андреевна положила обе ладони под щеку и совсем ушла в подушечку, был виден только ее открытый широко глаз. На кухне, должно быть, вдова Бабушкина спрашивала у кухарки:

– Кто пришел?

– Да вот этот, шут его знает, в понедельник-то заходил.

– Ах, вот как. В очках?

– Ну, да.

Потом стало тихо. Затикали где-то близко ручные часики.

– Она знает, как вас зовут, сколько у вас детей, все знает, – проговорила Ольга Андреевна. – Очень противная особа.

Опять помолчали. Василий Петрович, улыбаясь, разглядывал пепел папиросы.

– Странно подумать, что отсюда придется идти на улицу, быть опять одному. Бр-р-р...

– Вам не хочется оставаться одному?

– Вообще, быть одному невозможно, – сказал Василий Петрович. – Быть самому с собой – это другое дело. Ну, а теперь самого

себя я и не чувствую. Я совершенно один, абсолютно. И вот в такие минуты думаешь: большое чувство к женщине может наполнить эту пустоту, связать с жизнью.

– Какой бедный, – проговорила Ольга Андреевна, – как же мне вас теперь отпустить одного?

Василий Петрович хихикнул и спохватился... Она растормошила подушечки, устроилась половчее.

– Не хочется – и не уходите. Оставайтесь.

Тогда он повернул голову и вдруг густо, так что очки запотели, побагровел. Ольга Андреевна вытянула руку и худыми пальцами, покрытыми перстнями, взяла его за отворот сюртука:

– Вы такой милый. Вы такой милый были весь вечер. Неуклюжий, неумелый, страшно милый.

– Не шутите со мной, Ольга Андреевна.

– А я не шучу.

Тогда он проговорил не своим, а каким-то итальянским, незнакомым самому себе голосом:

– Дело в том, Ольга Андреевна, что я люблю вас.

– Ну-у, – сейчас же протянула она, – ну, вот, зачем вы так говорите. Меня вы не любите, сейчас только вам и показалося...

– Клянусь. Вы не знаете, что я переживаю... Эти дни, как помешанный... Я не мог решиться...

Тогда она перебила с досадой:

– Послушайте, Василий Петрович, а я не люблю нечестных людей. Дайте-ка мне носовой платок. Вон там, на туалете.

Он пошел к туалету, опрокинул какую-то жидкость, сказал: «Фу, ты», споткнулся об угол ковра и присел у ног Ольги Андреевны. Было ясно, что он плохо соображает. Она сказала:

– Вот так-то почтенные люди кидаются в омут с головой.

– Верьте мне, ради бога.

– Ах, нет. Лучше скажите мне что-нибудь веселое.

– Не мучайте меня.

– Это я-то мучаю? Изю всех сил стараюсь доставить ему как можно больше удовольствия. Ах, Василий Петрович, Василий Петрович, поймите же: вы весь крахмальный, рубашка на вас крахмальная, сюртук крахмальный, голос крахмальный. И весь вы каким-то коробом топорщитесь.

Она вдруг засмеялась, нагнулась стремительно, схватила Василия Петровича за уши, закинула его голову и поцеловала в нос.

– Пуц, – сквозь смех едва проговорила она. – Пуц из породы глупых. Какой славный!

И сейчас же от смеха опрокинулась на спину. Василий Петрович просунул руки под ее плечи, усатым ртом искал губ.

Смеясь, царапаясь кольцами, она увернулась, перебралась на другой конец дивана; проговорила, задохнувшись:

– Нет, нет, нельзя. – И, как кошка, стала оправлять платье. – Теперь мне стало весело, и больше нельзя. Поняли? Откройте шкаф и достаньте коньяк.

– Скажите – любите меня? – пробормотал Василий Петрович.

– Нет, совсем не люблю, в том-то и дело.

– Вы издеваетесь!

– Вот неблагодарный человек! Я же предлагала вам остаться.

– Молчите! Я не хочу, чтобы вы глумились над чувством.

– Глумиться над вашим чувством! Над каким? Я вам совершенно добродетельно, из одного доброго расположения, безо всякой выгоды, предложила остаться. А вам, оказывается, мало этого! Я еще должна переживать ваши чувства!

Ее лицо вдруг стало острым и злым.

– Не верю вам, поняли? От ваших переживаний мне скучно и кисло. Пошлость!

Она ударила кулаком в подушечку.

– Вы еще в понедельник мне не понравились. Пришел, сидит, сети расставил. Добрый, пресный. Упырь, прямо упырь. Своего-то нет ничего. Пришел напиться. Боже мой, какая тоска! Уйдите, уйдите сию минуту, господин... Не блестяте на меня очками... Вы какой-то весь медный.

Она поднесла руку к горлу. Рот ее пересох, глаза ввалились.

– Уходите же, я говорю. Придете в другой раз. И тогда скажете точно и ясно, что вам нужно от меня.

Василий Петрович сидел на другом конце комнаты, спиной к зеркалу; несколько раз он повторил, словно про себя:

– Вы неправы, нет, неправы.

В дверь постучали, Ольга Андреевна не ответила.

Вошел Николай.

10

Ольга Андреевна вскрикнула:

– Коленька! – вскочила, взяла его за руки. – Какой же вы славный, что зашли. Дайте поцелую в лобик. Хотите чаю?

Николай сдержанно и нежно отстранил Ольгу Андреевну, сел на стул у стены и покосился на отца, но не усмехнулся, как обычно, взглянул сурово.

– Я предупреждал Ольгу Андреевну, что зайду часам к одиннадцати, – сказал он, – ну что, хорошо было в театре?

Василий Петрович, внимательно разглядывая взятую с туалета брошку – птицу со стрелкой в клюве, подумал: «Вот черт, уйти сейчас – невозможно; ответить – нет, нет; накричать на мальчишку – выйдет глупо», – и он промолчал, только прищурился, поднеся к свету птичку.

У Ольги Андреевны поблескивали глаза; сидя на краю дивана, она поворачивала голову то к отцу, то к сыну, – слова так и готовы были слететь с ее губ. Николай сказал:

– Холод сильный, а мне жарко. С Нижней Якиманки бежал бегом. На мосту остановили солдаты, хотели в воду бросить. Отругался. Вот так случай.

– А что без вас тут было, – проговорила Ольга Андреевна, – какие странные разговоры. Мы чуть было не поссорились. Говорили все о любви.

Она протянула руки, впустила пальцы в пальцы:

– Любви ему нужно... Видите... Я говорю: Василий Петрович, но мы, женщины, не верим в любовь. У нас, у каждой, было столько своего, окаянного, что любовь никак не получается. Вот вы и расскажите нас с вашим папой. Он сейчас обиженный. А на извозчике мы ехали, шепнул – или мне показалось это, Василий Петрович? – нет – шепнул такое хорошее что-то, нежное. Господи, думаю, неужели забыл человек о себе, на одну секунду почувствовал за другого? Неужели чудо случилось?

Она не спеша вытащила из-за пояса юбки платочек, приложила его к носу, точно актриса, и бросила. Николай, охватив голову, упершись локтями в колени, глядел в пол. Василий Петрович слушал, как медленно, с силой, ударялось сердце.

– Очень жалею, Василий Петрович... Вы уж простите меня... Коленька знает, что меня не нужно тревожить: у меня целая кладовая мусора женского. Сама бы рада вам весь мусор отдать... Вот Коленьку я за что люблю? – для него я всякая хороша, и то хорошо, что путаюсь черт знает с кем, и что один мерзавец на моторе ко мне ездит, теперь пешком бегают, боится. Со всем мусором мила ему... Правда? И, вы думаете, он жалеет меня? – нет. Коленька мальчик здоровый, у него от бабьей духоты голова

болит. А любит меня попросту, как себя любит, как товарища какого-то. И товарищам рассказывает: «Ольга Андреевна – милая, добрая душа, настоящая женщина, без фасонов-фасончиков...»

– Врете, этого я никогда не говорил, – мрачно произнес Николай, не поднимая головы.

– Люблю его за жестокость. Сильный, жестокий мальчик. Чего, в самом деле, бабьей духотой дышать! Открыть форточку – вот и хорошо. А за меня убьет кого угодно. Вот какой!

– Помолчали бы лучше, Ольга Андреевна, до ерунды договоритесь.

– Сейчас кончу. Вы о своем несчастье хлопчете, Василий Петрович, а я о своем. Не знаю уж, как мы сговоримся... Я вот вся – как ящерица раздавленная. Все слезы в одиночку выплакала. По этому дивану каталась. Теперь выпотрошенная, – весело! И поклялась, – что бы ни было, – не любить, не чувствовать. Не могу больше! Не хочу страдать! И вы совсем напрасно ждете от меня... Хотя немножко добились. Вот, глядите, приятно? Нравится?

У нее вдруг покатались крупные слезы. Николай поднялся, одернул кушак:

– В общем, вы все это страшно зря. Перестаньте, Ольга Андреевна. Я уйду.

– Коленька, подождите, не уходите... Замолчу. Мне только страшно. Он молчит. Я кричала ему, чтобы ушел. Нет, сидит. Почему я знаю, что он думает? Мне показалось одну минуту, что влюбилась в него. Ну, простите, простите меня, знаю – ужасно. Но мне больно от каждой малости, от пустяка, от царапины, так больно...

Николай снял с плеча ее руки, посадил Ольгу Андреевну на стул и, подойдя к отцу, все так же неподвижно сидящему у зеркала, проговорил:

– Папа, ты бы ушел, в самом деле, – видишь, что с ней.

Василий Петрович поглядел на рыжие, злые глаза сына. Николай проговорил трясущимися губами:

– Если ты не способен ничего чувствовать, лучше уйди. У тебя грязное воображение, больше ничего. Мне очень стыдно за тебя, отец... понимаешь?..

Тогда Василий Петрович привстал и неожиданно ударил Николая по лицу. Постоял, сопя, сжимая и разжимая кулаки, нагнул голову и вышел, оставив дверь раскрытой.

«Домой? Нет, нет!» – Василий Петрович застегивал крючок шубы; натянул перчатки, глубоко надвинул шапку и продолжал стоять на ступеньке захлопнувшегося за ним подъезда. – «Куда?»

В этот час было совсем тихо, – ни шагов, ни звуков копыт. Тишина. Но вот в воздухе повис унылый свист поезда. Как волновал, бывало, этот протяжный звук! Точно приносил вести издалека, – жизнь казалась долгой, радостной, неизведанной.

Василий Петрович, спрятав подбородок в мех воротника, пошел по переулку. Грязь и вода были под ногами, сырость струилась со стен, над крышами повисло небо, насыщенное ледяной влагой, изредка падающей каплями.

Опять раздался свист. Это поезд, набитый солдатами и мужиками, подходил на разъезженных колесах и взывал диким воем: хлеба, жизни, милосердия!

Василий Петрович, приподняв голову, слушал. Представились темные, голые, брошенные поля, – огромные пространства, и редко на буграх торчащие, с разметанными ветром крышами, полусгнившие избы, и какая-то высокая фигура в платке, идущая, махая рукой, с бугра на бугор, по полям. Все это ясно представилось глазам, как видение, возникшее из протяжного свиста.

Сзади хлопнула дверь; кто-то, поспешно выйдя, осмотрелся и повернул вслед за Василием Петровичем. Шаги стучали за спиной: тук, тук, тук. И то приближались, то западали. В этот час было закрыто все, – весь город, наглухо запершись на замки, спал. Куда идти? Василий Петрович свернул направо, налево, потом опять направо. Сзади раздавались шаги – топ, топ – в башмаках без калош. Близ Никитских ворот он остановился. Стал и тот неподалеку мутной фигурой.

– Ах, черт, – прошептал Василий Петрович, взглядываясь. Фигура заколебалась, приблизилась и вошла в неясный свет, падающий из окна. Это был Николай. Обе руки его глубоко засунуты в карманы, лицо зеленоватое, худое, незнакомое.

«Мальчик, родной сын, – подумал Василий Петрович, – а ведь был кругленький, теплый». И он проговорил хриповатым голосом:

– Это ты. Ну, хорошо, – и пошел дальше, держась у стены, а Николай рядом, с другого края тротуара; нога его то и дело соскальзывала в канавку. Затем оба они сразу остановились.

– Я тебе не намерен отдавать никаких отчетов, слышишь! – крикнул Василий Петрович. – Сам виноват! Заслужил. Я давно собирался тебя проучить. И теперь очень рад. Все. Можешь идти домой.

Выкрикивая эти самому себе противные слова, он, не отрываясь, глядел на руки Николая, сунутые в карманы очень узкого пальто.

– Слышишь, вся эта история мне гораздо более противна, чем тебе, быть может. Мне больно, что мой сын... Николай... Слушай... Я тебя повалю... Вынь руки... Не смей!.. Что ты делаешь!

Вздыхнув, не то застонав, Николай потянул из кармана правую руку, точно в ней была страшная тяжесть. Василий Петрович быстро зажмурился, втянул голову в плечи. Все тело его ослабло, осело, привалилось к стене. Пронеслась, как искра, мысль: «Только скорее». Потянулась секунда такого молчания, такой тишины, что слышно было, как упала капля, точно камень. Затем он услышал горячий шепот Николая:

– Отец, папочка, милый, не бойся...

Далеко отведя револьвер, Николай другою рукой что-то выдвигал пальцами очень жалобное, бормотал, и лицо его все смеялось плачем, все было мокрое.

– Хорошо, хорошо, Коленька, иди, родной, я сейчас вернусь.

И Василий Петрович, не оборачиваясь, зашагал по лужам. Перешел улицу. Остановился. Перед ним возвышался огромный остов дома. Сквозь пустые, обожженные окна видны были летящие облака. Идти дальше не хватало сил – так дрожали ноги. Василий Петрович облокотился о полуразрушенное окошко, достал папиросу и держал ее незакуренной между стиснутыми зубами.

– Мальчик хотел меня убить, вот история, – и он сдерживал изо всей силы подкатывающий к горлу соленый клубок. – Совсем плохо, значит, совсем дело плохо.

В отверстиях окон подвывал ветер; погромыхая, скрипели вверху листы железа. Говорят, где-то с той стороны еще курилась с октября тлеющая куча щебня и мусора.

Он стал глядеть на тучи, на трамвайный столб, простерший на тучах сухую перекладину.

Было так трудно, что Василий Петрович опустил голову. Среди посвистывания ветра до слуха его дошел чей-то голос, точно читавший: «Убиенных Марию, Анну, младенца Ивана, господи, упокой... Убиенных Марию, Анну, младенца Ивана...»

Он вытянул шею. Говорили неподалеку, за углом. Он пошел на голос. Со стороны бульвара стояла высокая женщина в платке, сложив руки на животе, приговаривала «за убиенных» и кланялась на грудку мусора сожженного дома. К подходявшему она повернула большое лицо с крупным носом:

– Каждую ночь воют, – нехорошо, очень плохо.

– Кто воет?

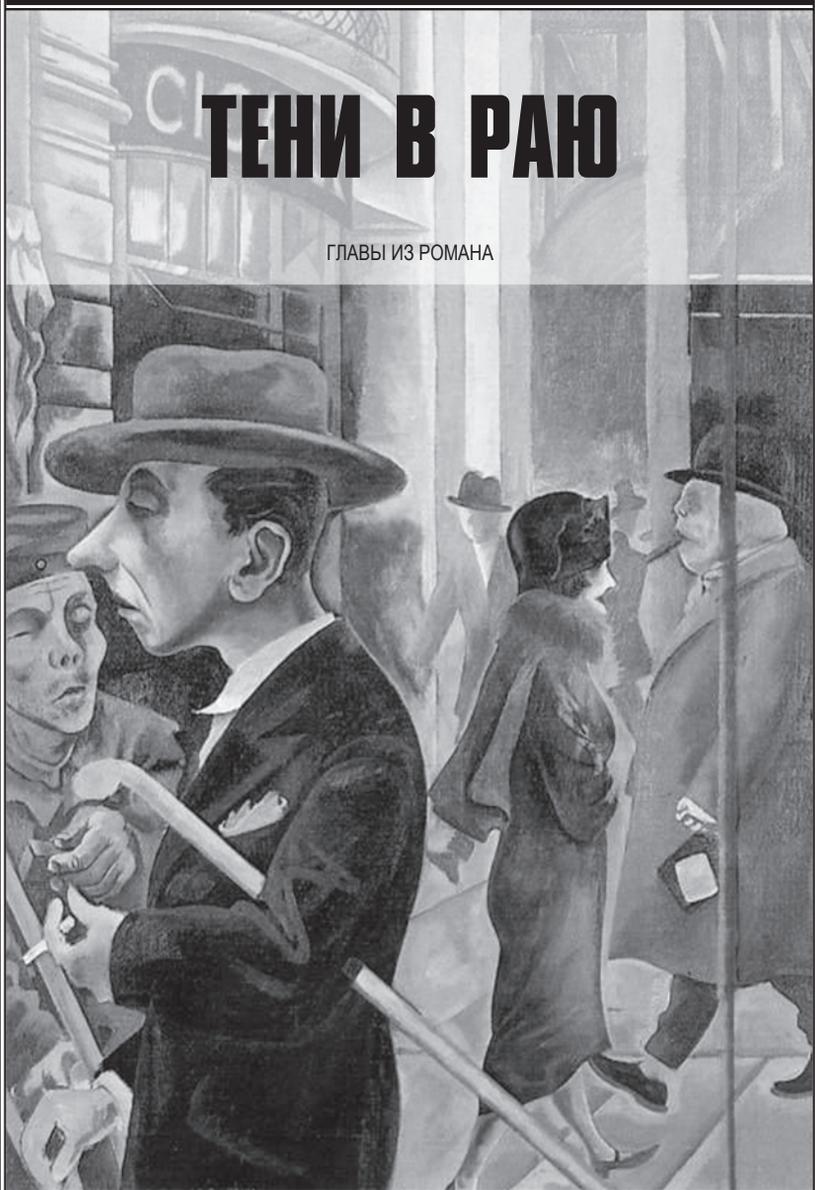
– Убиенные... До свиданья, барин, – торопливо сказала она, наспех перекрестилась и пошла прочь, и скрылась за углом. По всему видно, что была сумасшедшая.

Василий Петрович во всю грудь захватил воздуху, закашлялся и, уже не сдерживаясь, стал глухо лаять... Слезы полились из-под золотых очков... О ком?.. О сыне Колечке... о сумасшедшей бабе... о замученной Оленьке... о нелюбимой жене, только и умеющей хлопать ресницами в ответ на все непомерные события... И о себе, раздавленном и погибшем, плакал Василий Петрович, спотыкаясь и бредя по трамвайным рельсам в непроглядную тьму бульвара...

Эрих Мария РЕМАРК

ТЕНИ В РАЮ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

В оформлении использована картина Георга Гросса «Уличная сцена»

ПРОЛОГ

В конце войны судьба забросила меня в Нью-Йорк. Пятьдесят седьмая улица и ее окрестности стали для меня, изгнанника, с трудом объяснявшегося на языке этой страны, почти что второй родиной.

Позади расстился долгий, полный опасностей путь – *via dolorosa*¹ всех тех, кто бежал от гитлеровцев. Крестный путь этот шел из Голландии через Бельгию и Северную Францию в Париж, а потом разветвлялся: одна дорога вела через Лион на побережье Средиземного моря, другая – через Бордо и Пиренеи в Испанию и Португалию, в лиссабонский порт.

Я прошел этот путь подобно многим другим, спасавшимся от гестапо. И в тех странах, через которые он пролегал, мы не чувствовали себя в безопасности, ибо только очень немногие из нас имели подлинное удостоверение личности, подлинную визу. Стоило попасть в руки жандармов, и нас сажали за решетку, приговаривали к тюремному заключению, к высылке. Впрочем, в некоторых странах еще сохранилось подобие человечности – нас по крайней мере не выдворяли в Германию на верную гибель в концлагерях.

Только немногим беженцам удалось раздобыть настоящие паспорта, поэтому бегство наше было нескончаемым. К тому же без документов мы нигде не могли работать легально. Большинство из нас были голодные, жалкие и одинокие. Вот почему мы и назвали путь наших странствий *via dolorosa*.

Вокзалами нам служили почтамты в маленьких городишках и побеленные ограды на шоссе. В почтовых отделениях нас могло ждать письмо, посланное

¹ Скорбный путь (*исп.*).

до востребования родными и близкими, а заборы заменяли доски объявлений. Мелом и углем на них были выведены фамилии тех, кто потерялся, и тех, кто разыскивал друг друга, адреса, предостережения, указания. Призывы, брошенные в пустоту, да к тому же в годы тотального безразличия, вслед за которыми настала эпоха полной бесчеловечности – война, когда и гестапо, и полиция, а нередко и жандармы делали общее дело: охотились за нами, изгоями.

I

Несколько месяцев назад я прибыл на грузовом пароходе из Лиссабона в Америку, по-английски говорил с грехом пополам; казалось, меня, полунемого и полуглухого, высадили на другую планету. Да это и была другая планета. Ведь в Европе шла война.

К тому же документы у меня были не в порядке, хотя буквально чудом я стал обладателем настоящей американской визы, дававшей мне право на въезд. Но паспорт мой был на чужую фамилию. Иммиграционные власти отнеслись ко мне с недоверием и засадили на Эллис-Айленд. И лишь шесть недель спустя мне выдали временное удостоверение на три месяца. За этот срок я должен был обеспечить себе разрешение на въезд в какую-нибудь другую страну.

Знакомая картина. В Европе я жил долгие годы точно так же, и передышки длились иногда не месяцы, а дни. Эмигрировав из Германии в тридцать третьем, я официально стал политическим мертвецом. А теперь мне целых три месяца не надо было бежать. Непостижимое счастье!

Уж давно я перестал удивляться тому, что ношу чужое имя и живу по паспорту умершего. Напротив, это казалось в порядке вещей. Паспорт я получил в наследство во Франкфурте. Фамилия человека, подарившего мне его в день своей смерти, была Росс. Таким образом, и я теперь звался Роберт Росс. Свою настоящую фамилию я почти забыл. Люди многое забывают, когда речь идет о жизни и смерти.

На Эллис-Айленде я встретил турка, который лет десять назад уже приезжал в Америку. Не знаю, по какой причине ему сейчас не разрешили въезд в Штаты. Спрашивать не имело смысла. На моей памяти не раз случалось, что людей высылали только из-за того, что они не подходили ни под одну рубрику инструкции.

Турок дал мне адрес одного русского в Нью-Йорке, с которым он был знаком в давние времена. К сожалению, он не знал, жив ли этот человек. Но когда меня выпустили, я сразу отправился к нему. Поступок мой был вполне объясним. Я жил так уже годы. Людям, вынужденным постоянно быть в бегах, не оставалось ничего другого, как рассчитывать на случай. Чем невероятней был случай, тем естественнее он казался. И в наши дни обыденность иногда походит на сказку. Не очень-то веселую сказку, но как ни удивительно, конец у нее часто оказывается куда более счастливым, чем можно было ожидать.

Русский работал в маленькой обшарпанной гостинице недалеко от Бродвея. Он назвался Меликовым, говорил по-немецки и сразу же принял во мне участие. Он-то знал, что мне всего нужнее: пристанище и работа. Пристанище нашлось без труда: у русского оказалась лишняя койка, и он поставил ее к себе в комнату. Но работать с туристской визой было запрещено. Тут требовались другие бумаги – разрешение на въезд с номером иммиграционной квоты. Значит, работать я мог только нелегально. Так же было и в Европе, и я не очень сокрушался. Кроме того, у меня еще оставалось немного денег.

– А на что вы будете жить? Об этом вы подумали? – спросил Меликов.

– Во Франции я под конец работал торговым агентом, продавал сомнительные картины и подделки под старину.

– Вы что-нибудь в этом смыслите?

– Не слишком, но кое-что усвоил.

– Где?

– Я два года провел в Брюссельском музее.

– Работали там? – с удивлением спросил Меликов.

– Нет. Скрывался, – ответил я.

– От немцев?

– От немцев, которые оккупировали Бельгию.

– Два года? – снова удивился Меликов. – И вас так и не нашли?

– Нет. Нашли того человека, который меня прятал.

Меликов взглянул на меня.

– Вы успели удрать?

– Да.

– А что случилось с тем человеком?

– То, что обычно случалось. Его отправили в концлагерь.

– Он был немец?

– Бельгиец. Директор музея.

Меликов кивнул.

– Каким образом вам удалось так долго скрываться? – спросил он, помолчав немного. – Разве в музее не было посетителей?

– Конечно, были. Днем я сидел взаперти в подвале, где находился запасник. Вечером являлся директор, приносил еду и на ночь выпускал меня из моего убежища. Из здания музея я не выходил, но мог выбираться из подвала. Свет, разумеется, нельзя было зажигать.

– А служащие музея что-нибудь знали?

– Нет. В запаснике не было окон. А когда кто-нибудь спускался в подвал, я сидел не шевелясь. Больше всего боялся чихнуть не вовремя.

– Вас из-за этого и обнаружили?

– Да нет. Кто-то обратил внимание, что директор либо чересчур часто засиживается в музее, либо возвращается туда по вечерам.

– Понятно, – сказал Меликов. – А читать вы могли?

– Только в летние ночи или при лунном свете.

– Но ночью вам разрешалось гулять по музею и рассматривать картины?

– Да, пока они были видны.

Меликов улыбнулся и неожиданно спросил:

– Хотите есть?

– Да, – сказал я. – И даже очень.

– Так я и думал. Стоит человеку очутиться на свободе – и у него появляется волчий аппетит. Поедим в аптеке.

– В аптеке?

– Да, в drugstore. Это одна из особенностей Штатов. В аптеке покупают аспирин и закусывают. Чем вы занимались целый день в музее, чтобы не сойти с ума? – спросил Меликов.

Я окинул взглядом аптеку: у длинной стойки люди торопливо жевали, глядя на рекламные плакаты и бутылки с лекарствами.

– А что мы тут будем есть? – спросил я в свою очередь.

– Котлеты. Это блюдо да еще венские сосиски – основная пища американцев. Бифштексы не по карману простому люду.

– Чем я занимался в музее? Ждал вечера. И, конечно, по возможности избегал думать об опасности, которая мне угрожала. Иначе я бы очень скоро свихнулся. Впрочем, у меня был опыт – уже несколько лет, как я скрывался. Один год даже в самой Германии. Вот я и не позволял себе думать, что допустил хоть какую-нибудь оплошность. Раскаяние разъедает душу сильнее, чем соляная кислота. Это занятие для спокойных эпох. Ну, а потом я без конца

занимался французским, сам себе давал уроки французского. Позже я стал ночами бродить по залам музея, рассматривать картины, запоминать их. Скоро я уже знал все полотна. И сидя днем в крошечной тьме, мысленно восстанавливал их в памяти. Я представлял их себе, следуя определенной системе, по порядку, иной раз на одну какую-нибудь картину тратил много дней. Порою на меня нападало отчаяние, но потом я начинал все сызнова. Если бы я просто любовался картинами, то, наверное, пропал бы. Но я придумал себе своего рода упражнение для памяти и благодаря этому все время совершенствовался. Теперь я уже не бился головой об стенку, я как бы поднимался вверх, ступенька за ступенькой. Понимаете?

– Да, вы не давали себе покоя, – сказал Меликов. – И у вас была цель. Это спасает.

– Одно лето я не расставался с Сезанном и с несколькими картинами Дега. Разумеется, это были воображаемые картины, и только в воображении я мог их оценить. Но все же я оценивал их. То был своего рода вызов судьбе. Я заучивал наизусть цвета и композицию, хотя никогда не видел ни одного цвета днем. Это был лунный Сезанн и ночной Дега. И я запоминал и сопоставлял эти картины в их сумеречном воплощении. Позже я нашел в библиотеке книги по искусству. И, присев под подоконником, усердно изучал их. Призрачный мир, но все же это был мир.

– Разве музей не охранялся?

– Только в дневные часы. Вечером его просто запирали. На мое счастье.

– И на несчастье человека, который носил вам еду.

– На несчастье человека, который прятал меня, – сказал я спокойно, взглянув на Меликова. Я понимал, что за его словами ничего не кроется, он не хотел меня обидеть. Просто констатировал факт.

– Не надейтесь стать нелегальным мойщиком тарелок, – сказал Меликов. – Это романтические бредни! Да и с тех пор, как существуют профсоюзы, такая возможность отпала. Сколько времени вы можете продержаться и не умереть с голоду?

– Совсем недолго... Сколько стоит этот завтрак?

– Полтора доллара. С начала войны здесь все дорожает.

– Войны? – сказал я. – Какая здесь война?

– Война идет! – возразил Меликов. – И опять-таки на ваше счастье. Требуются люди. Безработицы пока нет. Вам легче будет устроиться.

– Через два месяца мне снова придется удирать.

Меликов рассмеялся, зажмурил маленькие глазки.

– Америка – огромная страна. И война идет. На ваше счастье. Где вы родились?

– Согласно паспорту – в Гамбурге, на самом деле – в Ганновере.

– Ни в том, ни в другом случае это вам не грозит высылкой. Но вы можете угодить в лагерь для интернированных.

– В одном таком лагере я уже побывал. Во Франции, – сказал я, пожав плечами.

– Бежали?

– Скорее, просто ушел. После поражения, когда началась всеобщая неразбериха.

Меликов кивнул.

– Я тоже жил во Франции, когда началась всеобщая неразбериха в восемнадцатом году... Но только после победы – как оказалось, впрочем, весьма призрачной. Не выпить ли нам сейчас водки?

– Я привык с опаской относиться к алкоголю, – ответил я. – Несколько раз я из-за него переоценивал свои силы. И дважды это привело к весьма плачевным результатам... к тюремной камере, кишевшей насекомыми.

– В Испании?

– В Северной Америке.

– И все же давайте рискнем в третий раз. Тюремные камеры здесь чистые. Водка у меня в гостинице, тут вам не подадут ни капли... А вы романтик? – спросил он немного погодя.

– Для меня это – непозволительная роскошь. Полиция хватает романтиков чаще, чем всех прочих.

– Насчет полиции можете несколько месяцев не беспокоиться.

– Да, верно. Трудно сразу привыкнуть к этому.

Мы пошли к Меликову в гостиницу, но скоро мне стало там невмоготу. Я не хотел пить, не хотел сидеть среди потертого плюша, а комната у Меликова была совсем маленькая. Меня тянуло еще раз выйти на улицу, слишком долго я просидел взаперти. Даже Эллис-Айленд был тюрьмой – пусть сравнительно благоустроенной, но все же тюрьмой. Замечание Меликова о том, что в ближайшие два месяца можно не бояться полиции, не выходило у меня из головы. Два месяца – поразительно долгий срок!

– Сколько я еще могу гулять? – спросил я.

– Сколько хотите.

– Когда вы ложитесь спать?

Меликов небрежно махнул рукой.

– Не раньше утра. У меня сейчас самая работа. Желаете найти себе женщину? В Нью-Йорке это не так просто, как в Париже. И довольно рискованно.

– Нет. Я просто хочу побродить по городу.

– Женщину легче найти здесь, в гостинице.

– Мне она не нужна.

– Женщина нужна всегда.

– Только не сегодня.

– Стало быть, вы все же романтик, – сказал Меликов. – Запомните номер улицы и название гостиницы. Гостиница «Ройбен». В Нью-Йорке легко найти дорогу: почти все улицы пронумерованы, только немногие имеют название.

Совсем как я. И я стал номером, который носит случайное имя, мелькнуло у меня в голове. Какая успокоительная безымянность; имена приносили мне слишком много неприятностей.

Я бесцельно шел по этому безымянному городу. Грязные испарения его поднимались к небу. Ночью это был мрачный огненный столп, днем – белесый, как облако. Похоже, что именно так Господь Бог указывал в пустыне дорогу первому племени изгнанников, первым эмигрантам. Я шел сквозь бурю слов, шума, смеха, криков, которые глухо бились о мои барабанные перепонки, я слышал гул, не улавливая его смысл. После погруженной во мрак Европы люди казались мне Прометееями – вот потный детина в сполохах электрического света протягивает из дверей магазина руку, увешанную полотенцами и носками, умоляя прохожих купить его товар; вот повар жарит пиццу на огромной сковородке, а вокруг него так и летают искры, будто он не человек, а некое древнее божество. Я не понимал чужую речь, потому от меня ускользал и почти символический смысл пантомимы. Мне казалось, будто все происходит на сцене и передо мной не повара, не зазывалы, не продавцы, а марионетки, которые разыгрывают неведомую пьесу; я один в ней не участвую и угадываю лишь общий ее смысл. Я был в толпе и в то же время чувствовал себя чужим, неприкаянным, отрезанным от людей; нас разделяла не стеклянная стена, не расстояние, не враждебность и не отчужденность, а что-то незримое. Это «что-то» касалось меня одного и коренилось во мне самом. Смутно я понимал: мгновение это неповторимо, оно никогда не вернется – уже завтра острота чувств притупится. И не потому, что окружающее станет мне ближе, – как раз наоборот. Возможно,

уже завтра я начну борьбу за существование – буду ползать на брюхе, идти на компромиссы, фальшивить, нагромождая горы той полулжи, из которой и состоят наши будни. Но сегодня ночью город еще являл мне свое неразгаданное лицо.

И вдруг я понял: добравшись до чужих берегов, я отнюдь не избежал опасности, – напротив: именно сейчас она угрожала мне с особой силой. Угрожала не извне, а изнутри. Очень долго я думал только о том, чтобы сохранить себе жизнь. В этом и заключалось мое спасение. То был примитивный инстинкт самосохранения, инстинкт, который возникает на тонущем корабле, когда начинается паника и у человека одна цель – остаться в живых.

Но уже скоро, с завтрашнего дня, а может, даже с этой диковинной ночи, действительность раскроется передо мной по-новому, и у меня опять появится будущее, а стало быть, и прошлое. Прошлое, которое убивает, если не сумеешь его забыть или зачеркнуть. Я понял внезапно, что та корка льда, которая успела образоваться, еще долгое время будет слишком тонкой, ходить по ней опасно. Лед провалится. И этого надо избежать. Смогу ли я начать жизнь во второй раз? Начать сначала – познать то, что простирается передо мной, так же, как я познаю этот чужой язык? Смогу ли я начать снова? И не будет ли это предательством, двойным предательством по отношению к мертвым, к людям, которые были мне дороги?

Я быстро повернулся и пошел назад, смущенный и глубоко взволнованный. Теперь я уже не глазел по сторонам. А когда увидел перед собой гостиницу, у меня вдруг радостно забилося сердце. Другие гостиницы лезли вширь и вверх, стараясь быть позаметней, а эта была тихой и незаметной.

Я вошел в вестибюль, уродливо отделанный «под мрамор», и увидел Меликова, дремавшего в качалке позади стойки. Он открыл глаза, и мне на секунду показалось, что у него нет век, как у старого попугая. Потом его глаза поголубели и посветлели.

– Вы играете в шахматы? – спросил он вставая.

– Как все эмигранты.

– Хорошо. Пойду принесу водку.

Он пошел наверх. Я огляделся. Почему-то мне почудилось, что я дома. Человеку, который давно не имел дома, часто приходят в голову подобные мысли.

II

В английском я делал большие успехи, и недели через две мой словарный запас был уже как у пятнадцатилетнего подростка. По утрам я несколько часов проводил среди красного плюша гостиницы «Ройбен» – зубрил грамматику, а во второй половине дня изыскивал возможности для устной практики. Действовал я без малейшего стыда и стеснения. Заметив, что за десять дней, проведенных с Меликовым, у меня появился русский акцент, я тут же перекинулся на постояльцев и служащих гостиницы. И поочередно усваивал самые разнообразные акценты: немецкий, еврейский, французский. Под конец, сведя дружбу с уборщицами и горничными и уверовав, что они-то и есть стопроцентные американки, я начал говорить с явным бруклинским акцентом.

– Надо тебе завести роман с молоденькой американкой, – сказал Меликов: за это время мы перешли с ним на «ты».

– Из Бруклина? – спросил я.

– Лучше из Бостона. Там всего правильнее говорят.

– Тогда уж надо найти учительницу из Бостона. Это было бы самое рациональное.

– К несчастью, наша гостиница – караван-сарай. Различные акценты носятся в воздухе, как тифозные бактерии, а ты, увы, легко перенимаешь все отклонения от нормы и совершенно глух к нормальной речи. Надеюсь, тебе поможет любовь.

– Владимир, – сказал я, – мир и так уже слишком быстро меняется для меня. С каждым днем мое английское «я» становится на год старше, и, к великому сожалению, мир этого «я» теряет свои чары. Чем лучше я понимаю язык, тем скорее исчезает таинственность. Пройдет еще несколько недель, и оба мои «я» уравниваются. Американское «я» станет столь же скучно трезвым, как и европейское. Дай срок! И оставь в покое мое произношение. Я не хочу, чтобы мое второе детство пролетело так быстро.

– Не бойся, не пролетит. Пока что твой умственный кругозор равен кругозору зеленщика-меланхолика по имени Аннибале Бальбо, который торгует здесь на углу. Ты уже и так пересыпаешь свою речь итальянскими словечками, они плавают в твоём английском, как волокна мяса в рисовом супе по-итальянски.

– А вообще-то существуют настоящие, коренные американцы?

– Конечно. Но через нью-йоркский порт на город обрушивается лавина эмигрантов – ирландцы, итальянцы, немцы, евреи, армяне и еще десятки разных национальностей. Как там говорят у вас:

«Здесь ты человек, здесь ты можешь существовать»². Здесь ты эмигрант, здесь ты можешь существовать. Эта страна основана эмигрантами. Отбрось свои европейские комплексы неполноценности. Здесь ты снова человек, а не истерзанный комок плоти, прилепленный к собственному паспорту.

Я поднял глаза от шахматной доски.

– Ты прав, Владимир, – сказал я медленно. – Посмотрим, сколько это продлится.

– Не веришь, что это будет длиться долго?

– Как я могу верить?

– Во что же ты веришь?

– В то, что с каждым днем мне становится хуже, – ответил я.

Незнакомый человек, прихрамывая, шел по вестибюлю. Мы сидели в полутьме, и я лишь смутно видел вошедшего. Однако его странная хромота в ритме трех четвертей такта напомнила мне кого-то.

– Лахман, – сказал я вполголоса.

Незнакомец остановился и взглянул в мою сторону.

– Лахман! – повторил я.

– Моя фамилия Мертон, – ответил он.

Я щелкнул выключателем. Из весьма жалкой люстры, представлявшей собою наихудший образец модерна начала двадцатого века, заструился безрадостно-тусклый свет – желтый и синеватый.

– Боже мой! Роберт! – воскликнул вошедший с удивлением. – Ты жив? А я думал, ты уже давно погиб.

– То же самое я думал о тебе. Но узнал тебя по походке.

– По моей хромоте в три четверти такта?

– По твоему вальсирующему шагу, Курт. Ты знаком с Меликовым?

– Конечно, знаком.

– Живешь здесь?

– Нет. Но иногда захоживаю.

– Теперь твоя фамилия Мертон?

– Да. А твоя?

– Росс. Имя осталось то же.

– Вот как люди встречаются, – сказал Лахман, слегка усмехнувшись.

Мы немного помолчали. Всегдашняя тягостная пауза при встрече эмигрантов. Никогда ведь не знаешь, о ком и о чем можно спрашивать. Не знаешь, кого уже нет в живых.

² Строка из Гете.

– Ты слышал что-нибудь о Кане? – спросил я наконец.

И это был обычный прием. Сначала осторожно узнать о людях, которые не так уж близки твоему собеседнику.

– Он в Нью-Йорке, – ответил Лахман.

– Он тоже? Как ему удалось перебраться сюда?

– А как все перебирались сюда. Благодаря тысяче случайностей. Никого ведь из нас не было в составленном американцами списке знаменитостей.

Меликов выключил верхний свет и вытащил бутылку из-под стойки.

– Американская водка, – сказал он. – Нечто вроде калифорнийского бордо или бургундского из Сан-Франциско. Или рейнского из Чили. Салют! Одно из преимуществ эмиграции в том, что приходится часто прощаться и посему можно часто выпивать в честь новой встречи. Создается иллюзия долголетия.

Ни Лахман, ни я не ответили ему. Меликов был человеком иного поколения: то, что нам еще причиняло боль, для него уже стало воспоминанием.

– Салют, Владимир! – Я первый прервал молчание. – И почему мы не родились йогами?

– Я бы удовольствовался меньшим – не родиться евреем в Германии, – сказал Лахман-Мертон.

– Воспринимайте себя как первых граждан мира, – невозмутимо заметил Меликов. – И ведите себя соответственно как первооткрыватели. Настанет время, и вам будут ставить памятники.

– Когда? – спросил Лахман.

– Где? – спросил я.

– На Луне, – сказал Меликов и пошел к конторке, чтобы выдать ключ постояльцу.

– Остряк, – сказал Лахман, поглядев ему вслед. – Ты работаешь на него?

– То есть?

– Девочки. При случае морфий и тому подобное. Кажется, он и букмекер к тому же.

– Ты из-за этого сюда пришел?

– Нет. Я по уши влюбился в одну женщину. Ей, представь себе, пятьдесят, она родом из Пуэрто-Рико, католичка и без ноги. Ей ампутировали ногу. У нее шуры-муры с одним мексиканцем. Явным сутенером. За пять долларов он согласился бы сам постелить нам постель. Но этого она не хочет. Ни в коем случае. Верит, что Господь Бог взирает на нас, сидя на облаке. И по ночам тоже.

Я сказал ей: Господь Бог близорук. Уже давно. Не помогает. Но деньги она берет. И обещает. А потом смеется. И опять обещает. Что ты на это скажешь? Неужели я для этого приехал в Штаты? Черт знает что!

У Лахмана из-за хромоты появился комплекс неполноценности, но, судя по его рассказам, раньше он пользовался феноменальным успехом у дам. Об этом прослышал один эсэсовец и затасил Лахмана в пивнушку штурмовиков в районе Берлин-Вильмерсдорф – хотел его оскотить. Но эсэсовцу помешала полиция, это было еще в тридцать четвертом. Лахман отделался несколькими шрамами и четырьмя переломами ноги, которые плохо срослись. С тех пор он стал хромать и пристрастился к женщинам с легкими физическими изъянами. Остальное ему безразлично, лишь бы дама обладала солидным и крепким задом. Даже во Франции в невыносимо тяжелых условиях Лахман продолжал свою карьеру бабника. Он уверял, что в Руане крутил любовь с трехгрудой женщиной, у которой к тому же груди были на спине.

– А задница у нее твердая, как камень, – протянул он мечтательно, – горячий мрамор.

– Ты ничуть не изменился, Курт, – сказал я.

– Человек вообще не меняется. Несмотря на то, что дает себе тысячу клятв. Когда тебя кладут на обе лопатки, ты полон раскаяния, но стоит вздохнуть свободнее, и все клятвы забыты, – Лахман на секунду задумался. – Что это: героизм или идиотизм?

На его сером, изрезанном морщинами лбу выступили крупные капли пота.

– Героизм, – сказал я, – в нашем положении надо украшать себя самыми хвалебными эпитетами. Не стоит заглядывать чересчур глубоко в душу, иначе скоро наткнешься на отстойник, куда стекаются нечистоты.

– Да и ты тоже ничуть не изменился. – Лахман-Мертон вытер пот со лба мятым носовым платком. – По-прежнему склонен к философствованию. Правда?

– Не могу отвыкнуть. Это меня успокаивает.

Лахман неожиданно усмехнулся:

– Дает тебе чувство превосходства! Вот в чем дело. Дешевка!

– Превосходство не может быть дешевой.

Лахман умолк.

– Зачем возражать? – сказал он. И немного погодя со вздохом вытащил из кармана пиджака какой-то предмет, завернутый в папиросную бумагу. – Четки, собственноручно освященные папой.

Настоящее серебро и слоновая кость. Как ты думаешь, на нее это подействует?

– Каким папой?

– Прием. Каким же еще?

– Бенедикт Пятнадцатый был бы лучше.

– Что? – Лахман взглянул на меня, явно сбитый с толку. – Ведь Бенедикт умер. Что ты мелешь?

– У него чувство превосходства было развито сильнее. Как у всех мертвецов, впрочем. И это уже не дешевка.

– Ах, вот как. Ты ведь тоже остряк! Совсем забыл. Последний раз, когда я тебя видел...

– Замолчи! – сказал я.

– Что?

– Замолчи, Курт. Не надо.

– Ладно. – Лахман поколебался секунду. Потом желание излить душу победило. Он развернул светло-голубую папиросную бумагу. – Маленький кусочек оливкового дерева из Гефсиманского сада. Подлинность заверена официально. Неужели и это не подействует? – Лахман не отрываясь смотрел на меня умоляющим взглядом.

– Конечно, подействует. А бутылки иорданской воды у тебя не найдется?

– Нет.

– Тогда налею.

– Что?

– Налей воды в бутылку. В вестибюле есть кран. Подмешай немного пыли, чтобы выглядело естественно. Никто ведь ничего не заподозрит, у тебя уже есть нотариально заверенные четки и оливковая ветвь. Не хватает только иорданской водицы.

– Не наливать же ее в водочную бутылку!

– Отчего нет! Соскребем наклейку! У бутылки достаточно восточный вид. Твоя пуэрториканка наверняка не пьет водку. В лучшем случае ром.

– Она пьет виски. Странно, правда?

– Нет.

Лахман задумался.

– Бутылку надо запечатать – так будет правдоподобнее. У тебя есть сургуч?

– Еще чего захотел? Визу и паспорт? Откуда у меня сургуч?

– У человека бывают самые неожиданные вещи. Я, например, много лет таскал с собой кроличью лапку, и когда...

– Может, у Меликова найдется?

– Верно! Он постоянно запечатывает посылки. Как я сам не подумался!

Лахман, хромая, отчалил.

Я откинулся на спинку кресла. Было почти темно. Тени и призраки умчались на вечернюю улицу сквозь светлый дверной проем. В зеркале напротив тускло-серое пятно тщетно пыталось приобрести серебристый блеск. Плюшевые кресла стали лиловыми, и на мгновение мне показалось, что на них запеклась кровь. Очень много крови. Где я видел столько крови?.. Кровь на трупах в маленькой серой комнате, за окнами которой полыхал невиданный закат. И от этого все предметы потеряли свою яркость и стали как бы грязными – серо-черными и темно-бурыми, почти лиловыми. Все приобрело эти цвета, даже человек у окна. Внезапно он повернул голову, и на него упали лучи заходящего солнца: одна половина лица стала огненной, другая оказалась в тени. И тут раздался голос, неожиданно высокий, писклявый. «Продолжаем! Следующий», – произнес он с легким саксонским акцентом.

Я повернулся и опять щелкнул выключателем. Прошло много лет, прежде чем я научился спать без света. И стоило мне заснуть, как я тут же в испуге вскакивал, меня будили омерзительные сны. Даже теперь я с большой неохотой выключал по ночам свет и не любил спать один.

Я поднялся и вышел из холла. Лахман стоял с Меликовым у маленькой конторки возле входа.

– Все в порядке, – торжествующе сказал Лахман. – Взгляни! У Владимира нашлась старая русская монетка, мы припечатаем ею пробку. Древнеславянская вязь. Кто усомнится, что воду в эту бутылку не налили греческие монахи из монастыря на реке Иордан?

Сургуч капал на пробку. При свече, которая стояла рядом, он казался светло-красным.

Что со мной творится, думал я. Ведь все уже позади! Я спасен! Там на улице бурлит жизнь! Спасен! Разве я спасен? Разве я действительно убежал от них? И от теней тоже?

– Пойду прогуляюсь немного, – сказал я. – В голове у меня каша из английских слов! Надо проветриться. Servus!³

Когда я вернулся, Меликов уже приступил к своим обязанностям. В этой гостинице он совмещал множество различных должностей – работал дневным портье, иногда ночным и одновремен-

³Привет! (лат.)

но выполнял всякие мелкие поручения. В эту неделю он был ночным портье.

- Где Лахман? – спросил я.
- Наверху, у своего предмета.
- Ты веришь, что сегодня ему улыбнется счастье?
- Нет. Она поведет его и мексиканца ужинать. Платить будет Лахман. Всегда он был такой?

– Да. Только более везучий. Утверждает, что стал интересоваться калеками и увечными лишь после того, как начал хромать. Раньше у него был нормальный вкус. Быть может, он так деликатен, что стыдится красивых женщин. Кто знает...

В дверь проскользнула чья-то тень. То была тонкая, высокая женщина с маленькой головкой. На ее бледном лице выделялись серые глаза, волосы у нее были русые и казались крашеными. Меликов встал

- Наташа Петрова⁴, – сказал он. – Давно вы вернулись?
- Две недели назад.

Я тоже встал. Женщина была почти одного роста со мной. В темном облегающем костюме она выглядела очень худой. Говорила она как-то чересчур торопливо, и голос у нее был, пожалуй, слишком громкий и словно прокуренный.

- Рюмку водки? – спросил Меликов. – Или виски?
- Водки. Один глоток. Мне пора идти фотографироваться.
- В такой поздний час?
- Да, на весь вечер. Фотограф свободен только по вечерам.

Платья и шляпы. Маленькие шляпки. Совсем крохотные.

Только сейчас я заметил, что Наташа Петрова была в шляпке без полей, до крайности воздушной и надетой слегка набок.

- Меликов ушел за водкой.
- Вы не американец? – спросила девушка.
- Нет, немец.
- Ненавижу немцев.
- Я тоже, – согласился я.

Она взглянула на меня с изумлением.

- Я не говорю о присутствующих.
- И я тоже.
- Я – француженка. Вы должны меня понять. Война...
- Понимаю, – сказал я равнодушно.

Уже не в первый раз меня делали ответственным за преступления фашистского режима в Германии. И постепенно это перестало трогать. Я сидел в лагере для интернированных во

⁴ В оригинале: «Наташа Петровна».

Франции, но не возненавидел французов. Объяснять это, впрочем, было бесполезно. Тот, кто умеет только ненавидеть или только любить, – завидно примитивен.

Меликов принес бутылку и три очень маленькие рюмки, которые налил доверху.

– Я не хочу, – сказал я.

– Обиделись? – спросила девушка.

– Нет. Просто мне сейчас не хочется пить.

Меликов ухмыльнулся.

– Ваше здоровье, – сказал он и поднял рюмку.

– Напиток богов! – Девушка залпом осушила свою рюмку.

Я почувствовал себя дураком: зря отказался от водки, но теперь уже было поздно.

Меликов поднял бутылку.

– Еще по одной, Наталья Петровна?

– Merci⁵, Владимир Иванович, хватит! Пора уходить. Au revoir⁶. – Она крепко пожала мне руку. – Au revoir, monsieur.

– Au revoir, madame.

Меликов пошел ее проводить. Вернувшись, он спросил:

– Она тебя разозлила?

– Нет.

– Не обращай внимания. Она всех злит. Сама того не желая.

– Разве она не русская?

– Родилась во Франции. Почему ты спрашиваешь?

– Я довольно долго жил среди русских эмигрантов. И заметил, что их женщины из чисто спортивного интереса задирают мужчин куда чаще, чем рекомендуется.

Меликов осклабился.

– Не вижу здесь ничего худого. Иногда полезно вывести мужчину из равновесия. Все лучше, чем по утрам с гордым видом начищать пуговицы на его мундире и надраивать ему сапоги, которыми он будет потом топтать ручки еврейских детей.

– Сдаюсь! Сегодня немецкие эмигранты здесь не в чести. Налей-ка мне лучше водки, от которой я только что отказался.

– Хорошо.

Меликов прислушался.

– Вот и они!

По лестнице спускались двое. Я услышал необыкновенно звучный женский голос. Это были пуэрториканка и Лахман. Она

⁵ Спасибо (франц.).

⁶ До свидания (франц.).

шла немного впереди, не обращая внимания на то, следует ли он за ней. И не хромала. По ее походке не было заметно, что у нее протез.

– Сейчас поедут за мексиканцем, – прошептал Меликов.

– Бедняга Лахман, – сказал я.

– Бедняга? – удивился Меликов. – Нет, он просто хочет того, чего у него нет.

– Единственное, что нельзя потерять. Правда? – Я засмеялся.

– Бедняга тот, кто больше ничего не хочет.

– Разве? – сказал я. – А я полагал, что тогда становишься мудрецом.

– У меня другое мнение. Что с тобой сегодня случилось? Нужна женщина? Обычно эмигранты норовят быть вместе. А тебе, по моему, ни до кого нет дела.

– Не хочу вспоминать.

– Поэтому?

– И не хочу увязнуть в эмигрантских делах, окунуться в атмосферу незримой тюрьмы. Слишком хорошо все это изучил.

– Желаешь, значит, стать американцем?

– Никем я не желаю стать. Просто хочу кем-то быть, наконец.

Если мне это позволят.

– Громкие слова!

– Надо самому набираться мужества. Никто этого за тебя не сделает.

Мы сыграли еще партию в шахматы. Мне объявили мат. Потом постояльцы начали понемногу возвращаться в гостиницу, и Меликову приходилось то выдавать ключ, то разносить по номерам бутылки и сигареты.

Я продолжал сидеть. И правда, что со мной случилось? Я решил сказать Меликову, что хочу снять отдельный номер. Почему – я и сам не знал. Мы друг другу не мешали, и Меликову было безразлично, живем мы вместе или нет. Но для меня вдруг стало очень важно попробовать спать в одиночестве. На Эллис-Айленде мы все спали вповалку в большом зале; во французском лагере для интернированных было то же самое. Конечно, я знал, что стоит мне очутиться одному в комнате, и я начну вспоминать времена, которые предпочел бы забыть. Ничего не поде-лаешь! Не мог же я вечно избегать воспоминаний.

Сергей УТКИН

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

В оформлении использована картина неустановленного автора из сети интернет (фрагмент)

Поезд, как и жизнь в нем, шел к Петербургу уверенно, покачиваясь слегка, отбивая стуком колес свой монотонный непреложный ритм. С верхней полки плацкартного вагона во фрагменте окна, доступном мне, видна была осень: мокрая, блеклая, грязновато-серая. Смеркалось. Вагон являл покой, изредка прореживаемый голосами негромко говоривших попутчиков. Несколькими часами прежде я в ожидании поезда рассматривал зал на вокзале: стены, ряды сидений и скамеек, картину на стене, кассу, других ожидавших. Накануне после полугодового расставания встретился с матерью у ее знакомых. Показали друг другу фотоснимки, обменялись скромными подарками, обсудили некоторые темы. Тот визит мой был краток. И воспоминания так же были отрывочны, фрагментарны. Осень была и в настроении: сером, грузном, тяжеловатом. Уходило незаметно время, и с ним к кому-то приходила старость, бесповоротная, однозначная и потому – жестокая.

Звонок телефона удивил меня: говорила пожилая женщина, чуть-чуть знакомая мне по поэтическому семинару, где она помогала ведущей, с детства прикованной к инвалидной коляске. Корни поэзии различны, и только далекие от природы поэтического высказывания уверены, что непременными условиями его являются распутство, похоть, влюбчивость и прочее подобное. Будучи больной с детства, она отнюдь не страдала поэтическим бессилием – напротив, тексты ее были умны, глубоки, философски увлекательны. Сначала я был на презентации одной из книг поэта в Доме книги на Невском. Позже несколько раз посетил занятия возглавлявшегося ею ЛитО в Доме писателя.

Теперь звонившая приглашала меня прийти на очередное заседание ее литературного объединения. В поезде, мчавшемся из серой упрямо унылой глуши в Петербург, звонок этот был неожиданным напоминанием о том, что путь избранный верен и есть люди, видимо, убежденно считающие, что я пойду по нему, пройду его. Разговор наш был недолог: я объяснил, что еду в поезде, поблагодарил.

Прийти на семинар в тот назначенный организаторами день у меня не получилось. Подвело ли настроение? Были ли соображения не идти? Сейчас не так важно. В следующем году тяжело болевшей писательницы не стало.

А ведь был человек. Был звонок. Ее последний звонок мне. И для меня. И только ли мне она была напоминанием? Последним звонком?

Алексей ЧИБИРОВ

ГАРОЛЬД БЕЙЛИ:

Черкеска для английского рыцаря

Архивные фонды СОИГСИ ВНЦ РАН – это бездонный кладезь совершенно невероятных историй, переплетений судеб и биографий. Помимо документов, древних и не очень, архивы содержат письма – нечто личное, что никак не подлежало публичной огласке. Несколько лет назад я пережил совершенно невероятное приключение, погрузившись в расшифровку писем В. Абаева и Ж. Дюмезиля, которое вылилось в книгу, посвященную их переписке. Но фонд В. И. Абаева в СОИГСИ ВНЦ РАН содержит еще много сюрпризов, которые по крупицам позволяют рассмотреть великих людей эпохи, ушедшей безвозвратно, с совершенно другого, неожиданного ракурса. Среди этой россыпи писем и фотографий мое внимание привлекла папка, в которой, помимо прочих, находился фотографический портрет представителяльного мужчины в кавказской черкеске. Мужчине явно нравилось позировать в этом наряде (фото 1). К фотографиям прилагались письма, адресатом которых значился В. И. Абаев.

Сэр Гарольд Уолтер Бейли (16 декабря 1899 г. – 11 января 1996 г.). Выдающийся исследователь хотан-сакского языка¹, санскрита и сравнительного изучения иранских языков. Профессор санскрита Кембриджского университета, Великобритания². Один из

¹ Королевство Хотан – древнеиранское Сакское буддийское царство, располагавшееся на ветке Шелкового пути, пролежавшей вдоль южного края пустыни Такламакан в Таримской котловине (современный Синьцзян, Китай).

² После своей отставки Гарольд Бейли становится почетным, то есть *emeritus*, профессором Кембриджского университета.

столпов мировой лингвистики и один из величайших востоковедов двадцатого века. «Бессмертный». Говорят, он мог читать более чем на пятидесяти языках. Близкий друг сэра Гарольда известный лингвист, член Британской академии и профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета Джордж Хьюитт в своих воспоминаниях о Гарольде Бейли писал, что он не говорил на языках, которые изучал, но, скорее, был ученым, который мог читать на изучаемых языках. Позже профессор Хьюитт писал мне: «Я не знаю, где и когда он встречался с ним, но Гарольд Уолтер Бейли однажды сказал, что немецкий лингвист Адольф Дирр³ знал больше языков, чем кто-либо из тех, кого он встречал». По словам его учеников, Гарольд Бейли на своих лекциях блистал великолепной эрудицией и однажды даже признался: «Я десять с половиной часов говорил о проблеме одного слова, не подходя к дальнейшей проблеме его значения» [Bosworth 2012: 42]. «Тот факт, что глухой фарингальный фрикатив в абхазском языке требует, чтобы соседний гласный был открыт, завораживал его, потому что это напоминало ему о втором протоиндоевропейском ларингале», – отмечает Джордж Хьюитт в своих воспоминаниях. Бейли невероятно увлекала сама идея и возможность «играть» словами, звуками и скриптами.

Стоит отметить, что при работе над данным материалом я просмотрел определенное количество статей о Гарольде Бейли. Великолепную статью, посвященную жизни и деятельности сэра Гарольда, написал известный осетинский лингвист К. Е. Гагкаев⁴. И все же самыми трогательными, личными, на мой взгляд, оказались реминисценции его близкого друга профессора Джорджа Хьюитта. Я связался с ним, и Джордж был столь любезен, что поделился со мной своими воспоминаниями о своем учителе и старшем товарище, который был его другом на протяжении последних двадцати шести лет его жизни. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую признательность профессору Джорджу Хьюитту за ту поддержку и помощь, которые он оказал мне при работе над письмами сэра Гарольда. Без его бесценных консультаций

³ Адольф Дирр (1867–1930) – немецкий филолог, лингвист, этнолог и исследователь Кавказа. Работал в Тбилиси. С 1913 года и до своей смерти он был хранителем Музея Фелькеркунде в Мюнхене. Во время Первой мировой войны в 1918 году Дирр был в Грузии в составе Кавказских войск Германии под командованием генерала Фридриха Кресса фон Крессенштейна. Был новатором в области изучения кавказских языков.

⁴ Гагкаев К. Е. Осетинские этимологии Г. В. Бэйли // Осетинская филология: межвуз. сб. ст. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1981. Вып. 2. С. 119–124.

Фото 1. Гарольд Бейли

Фото 2. Семья Гарольда Бейли. Фото из личного архива Дж. Хьюитта

материал был бы неполным. С разрешения профессора, в изложении *curriculum vitae*, или жизнеописания, Гарольда Уолтера Бейли я буду опираться на его воспоминания.

Гарольд Уолтер Бейли родился в Девизесе (графство Уилтшир, Великобритания) 16 декабря 1899 года. В десятилетнем возрасте его родители эмигрировали в Австралию, в западную ее часть, где он и двое его братьев росли и воспитывались на ферме в 200 милях к востоку от города Перта (фото 2). Джордж Хьюитт, со ссылкой на покойного Чарльза Даусетта, профессора-армениста, рассказал историю о том, как однажды Гарольд Бейли принял приглашение на ужин в оксфордском колледже и оказался за столом рядом с довольно напыщенным человеком, которому сказали, что Бейли является одним из ведущих индоевропейцев мира. Важный господин предположил, что такой выдающийся ученый должен был получить образование в той или иной из ведущих государственных (то есть частных) школ страны, и спросил: «Какую школу вы посещали?» Профессор не замедлил с ответом. «Я никогда не ходил в школу в Австралии», – парировал он.

И действительно, начальной школы в его жизни было мало. В его случае это было несколько книг, случайным образом оказавшихся в доме, которые вызвали в Гарольде живое увлечение памятниками письма, языками, словами и их этимологиями. Незнакомые письмена, которые он вычитывал на различных упаковках и коробках в доме и округе, способствовали тому, чтобы в будущем он начал изучать любые языки, к которым мог подобрать грамматику. Недалеко от дома он познакомился с эмигрантом из России и попросил его дать ему уроки русского. Сборник переводов Библии на арабский, тамильский, турецкий, японский и финский языки, который он также нашел в доме, где жил, познакомили его с первой его «языковой» любовью – персидским языком. Когда Гарольд Бейли покидал дом, он уже мог читать Авесту на языке оригинала. Позже, получив в Австралии ученую степень в классических языках («Религия в драмах Еврипида»), Гарольд Бейли увлекся иранской ветвью индоевропейской семьи языков. Он написал диссертацию о Бундахишне⁵ в Оксфорде, и, когда университет начал искать эксперта по профилю, Эмиль Бенве-

⁵ Бундахишн – Изначальное творение – главное религиозное сочинение зороастрийской религии, которое открывает целый свод произведений, носящих название «Зенд». Эти произведения представляют собой комментарии к Авесте, священной книге древних иранцев. На протяжении многих веков Зенд передавался в устной форме и был записан только в эпоху Сасанидской империи на среднеперсидском языке, использовавшем арамейское письмо.

нист⁶ рекомендовал Гарольда Бейли, отметив, что лучшим ученым для исследования этой темы может быть только он.

В Оксфорде Гарольд Бейли воспользовался возможностью посетить занятия по кельтскому языку вместе с Дж. Р. Р. Толкином, известным медиевистом и автором не менее известной саги «Властелин колец», и эта связь, возможно, отразилась в романах Толкина. Украинский ученый М. Рахно провел удивительные параллели между толкиновскими сюжетами и сюжетами из осетинской Нартиады. В частности, в своей статье под названием «Войско мертвых: нартовский мотив в романе Джона Р. Р. Толкина “Властелин колец”» [Рахно 2013: 225–235], со ссылкой на третью часть книги под названием «Возвращение короля» (1955), Рахно приводит следующий пример. По совету Элронда Перэльдара, правителя Ривенделла, и по пророчеству древнего провидца лорд Арагорн проводит небольшой отряд под горами в Рохане для того, чтобы собрать армию мертвецов под Двиморбергом, «Горой призраков», и отправиться по берегу Андуйна, величайшей реки Западного Средиземья, чтобы перехватить подмогу Темного властелина Саурана до того, как она достигнет крепости Минас Тирит [Рахно 2013: 225–235]. «– Мертвые следуют за нами, – спокойно промолвил он [Леголас]. – Я вижу силуэты людей на конях, бледные стяги, как ключья тумана, и лес призрачных копий. Мертвые следуют за нами. – Да, Мертвые скачут позади, – подтвердил Элладан. – Они вняли призыву...» [Толкин 2002: 744–745]. «Король мертвых! Король мертвых идет!» – сопровождали Арагорна крики разбегающихся в ужасе людей.

Там же М. Рахно приводит сказание из малого цикла Нартиады о вражде родов Ахсартаггата и Бората, когда почти побежденные Ахсартаггата (Урузмаг) обращаются к владельцу рыб Кафты-сар Хуандон-алдару с просьбой о помощи. Войско алдара находится в башне (в другом тексте – за железными воротами в Черной скале) и призывается только тогда, когда оно очень нужно. Но призвавший его не должен оглядываться назад, иначе войско исчезает (популярный в мифологии запрет при выводе сущностей из иного мира)⁷ [Рахно 2013: 225–235].

⁶ Эмиль Бенвенист (1902–1976) – французский лингвист, один из выдающихся лингвистов XX века.

⁷ «– Идите и обратитесь по-хатиагски к железным воротам, что в Черной скале, и они раскроются перед вами, и войска будут идти за вами до тех пор, пока вы не оглянетесь назад, а потом [ворота] закроются. Мне же скажете, сколько их, чтобы знал я: кто будет убит, а кто вернется» [Нарты. Осетинский героический эпос / сост. Т. А. Хамцаева и А. Х. Бязыров. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 228].

Еще один осетинский текст прямо указывает в данном сюжете на войско мертвецов. Кафты-сар Хуандон-алдар говорит Урузмагу следующее: «“Завтра утром, кто из вас надеется на коня, тот пусть на коня сядет. Вон там, в степи, – одна могила, пусть [человек] ударит в ее дверь ногой, и, когда [она] откроется, пусть он ускачет и не смотрит назад, – и люди будут”. Урузмаг сел на своего коня поутру, ударил в дверь, и стали преследовать его люди, и наполнили [они] поля. Это воинство истребило врагов» [Нарты 1989: 229]. Невероятные переплетения. Вполне возможно, что эти сюжеты у писателя возникли в том числе и после его тесного общения с Гарольдом Бейли – уже тогда известным специалистом в области осетинской Нартиады.

Стремление Гарольда Бейли изучить как можно больше языков было нацелено на то, чтобы понять, как далеко распространились индоевропейские, в частности иранские, слова. В иранских языках Гарольда Бейли больше всего привлекал осетинский язык, особенно его дигорский диалект. Его лингвистические путешествия вывели его на кавказские языки, к примеру на грузинский, который он выучил в 1928 году. Профессор Хьюитт вспоминает: «Однажды он сказал мне, что в грузинском было так много иранских корней, что, когда он как-то посмотрел на страницу с текстом, он увидел в нем столько иранских основ, что смог почти осмыслить текст, фактически не зная грамматики!» Осетинский язык также давно привлекал внимание Г. Бейли. К. Е. Гагкаев пишет: «Так, еще в 1934 г. он [Гарольд Бейли] сопоставил осетинское фезонæг – физонæг со староанглийским афиген⁸. Это сравнение оказалось неудачным, и Бэйли потом отказался от своей этимологии. Ссылаясь на материал хотанского языка, Бэйли пришел к выводу, что корень осетинского *фёз-* (*физ-*) является эпитетом, подобно корню *шиш-* в турецком слове “шашлык”» [Гагкаев 1981: 119–124]. В 1950 году выходит еще одна его «осетинская» статья «L'accento in Osseto Digoron»⁹. Увлечение Бейли языками было всепоглощающим. Джордж Хьюитт вспоминал: «Я смутно помню это, но я почти уверен, что однажды Гарольд Бейли сказал мне, что он составил рассказ о своей жизни, в котором реконструировал как форму язык, на котором, как он предполагал, говорили сарматы, достигшие Великобритании, и (опять же, я полагаю) эти несколько слов из реконструированного Бейли языка были написаны на праздничном торте в честь его 90-летия». На мой вопрос,

⁸ ‘OE “afigen” : Ossete “fëzönäg”’, Leeds Studies in English and Kindred Languages, 3, 1934, 7–9. (By A. S. C. Ross and H. W. Bailey.)

⁹ ‘L'accento in Osseto Digoron’, Ricerche Linguistiche, I, 1, 1950, p. 58–66.

помнит ли он эти слова, написанные на торте, профессор ответил: «Ах, вот в чем вопрос! Я думаю, что Гарольд Бейли сказал, что это было то, что, по его мнению, могло бы существовать в сарматском языке, на котором говорили те, кто достиг этих берегов».

Гарольда Бейли можно было назвать аскетом. Уже находясь на пенсии, он жил в скудно обставленной квартире, в которой практически ничего не было, кроме множества книг. Он любил играть на скрипке. Вместе с коллегой, известным британским иранистом профессором Ильей Гершевичем, который играл на виолончели, и двумя другими коллегами они исполняли произведения для струнного квартета. Он получал удовольствие от шахмат, а в качестве легкого чтива предпочитал читать Шерлока Холмса. «Между прочим, – писал мне Джордж Хьюитт, – когда Далай-лама посетил Кембридж, Бейли встретил его. После этого он заметил, что не уверен, что Лама правильно понимает один из Путей к Просветлению!»

Он любил свой сад и, пожалуй, знал латинские названия всех растений, которые росли в его саду. Он не имел ни малейшего интереса к животным, за исключением кошек, которых он обожал. Научный сотрудник Юго-Осетинского научно-исследовательского института Коста Кочиев в разговоре со мной вспоминал детали визита Ильи Аркадьевича Гершевича в Южную Осетию, который состоялся в конце 1980-х годов. И. А. Гершевич прекрасно говорил по-русски, хотя родился в Швейцарии и почти всю жизнь прожил в Кембридже, где занимался научной и научно-преподавательской деятельностью. В Южную Осетию Илью Аркадьевича привел интерес к южноиронским говорам, которые он считал намного более архаичными в сравнении с северными. Заядлый курильщик, он выходил покурить в вестибюль второго этажа Института, где по настоящее время стоит скульптура осетинского литератора Цомака Гадиева (фото 3). Илья Аркадьевич поинтересовался у

Фото 3. Памятник осетинскому литератору Цомаку Гадиеву в фойе ЮОНИИ

Фото 4. У. Э. Д. Аллен, Г. Бейли и В. И. Абаев во время путешествия в с. Нар

Коста Карленовича, кого же удостоили подобной чести, и очень оживился, узнав, как звали писателя. По его словам, у Гарольда Бейли, который, помимо В. И. Абаева, был для него величайшим авторитетом, было два домашних питомца – коты, которых звали *Цомахъ* и *Уырызмæг*. При этом со ссылкой на хотано-сакское наречие этимологию имени *Цомахъ* он объяснял как *царапающийся*. Сэр Бейли считал, что это очень подходящее имя для кота. Кстати, по просьбе Бейли Василий Иванович посылает ему книгу *Цомахъ* Гадиева, о чем сообщает ему в письме от 20 декабря 1966 года: «Посылаю Вам три книги из списка, который Вы мне отправили: 1. *Gædiaty Comaq. Ævzargæ wacmystæ. 1938*, 2. *Н. В Гоголь. Равзаргæ уацмыстæ. 1952*. 3. *А. Пушкин. Евгений Онегин. 1952*».

Гарольд Бейли не водил автомобиль, но был заядлым велосипедистом. На одной из фотографий из селения Нар, которые я показал Джорджу Хьюитту, он был изображен с традиционным осетинским рогом с аракой¹⁰ в руке, в компании с У. Э. Д. Алленом¹¹ и В. И. Абаевым. «Я бы удивился, узнав, что Бейли выпил тост, – написал мне профессор Хьюитт. – Он никогда не прикасался к алкоголю» (фото 4).

¹⁰ Арака (*осет.*) – алкогольный напиток, приготовляемый путем перегонки из зерна.

¹¹ Уильям (Билл) Эдвард Дэвид Аллен (1901–1973) – известный британский ученый-лингвист, офицер дипломатической службы, политик и бизнесмен. В научном сообществе был известен как картвелолог, а также своими работами по индоевропейской фонологии.

Фото 5. Портрет Гарольда Бейли в «Соляриуме» Куинз-колледжа

Сэр Гарольд проявлял особый интерес к эпической поэзии и в течение жизни читал большинство основных произведений этого жанра на языках оригинала. В 1966 году он побывал на Кавказе, представляя в Тбилиси Великобританию вместе с двумя своими коллегами Уильямом Алленом и Дэвидом Лэнгом¹² на восьмисотлетию великого грузинского поэта Шота Руставели. Как раз в этот период он работал над осетинскими нартовскими сказаниями. Грузинский ориенталист, директор Института востоковедения Грузинской ССР, профессор Георгий Церетели презентовал Гарольду Бейли кавказский национальный костюм и кинжал. Бейли очень гордился этим костюмом. Более того, в «Соляриуме» Куинз-колледжа¹³ в Кембридже сэр Гарольд изображен художником именно в таком наряде (фото 5).

Отразилась эта поездка на Кавказ и в письмах В. И. Абаева. В письме Ж. Дюмезилю от 22 октября 1966 года Василий Иванович пишет:

«Глубокоуважаемый профессор и дорогой друг!

В конце сентября в Тифлисе отмечалось весьма широко и торжественно 800-летие со дня рождения Шота Руставели. Мне сказали в организационном комитете, что Вам послано приглашение на этот юбилей. К общему огорчению, в особенности – моему, Вы не приехали. Из Франции был *Lafon*, из Англии – *Lang, Allen* и *Bailey*, из Норвегии – *Vogt*. Юбилей прошел

¹² Дэвид Маршалл Лэнг (1924–1991) – профессор кавказских исследований в университете Лондона, специалист по истории Грузии, Армении, Болгарии.

¹³ Куинз-колледж – один из старейших, крупнейших и самых престижных колледжей Кембриджского университета, основанный в 1448 году Маргарет Анжуйской. Также одно из самых узнаваемых зданий в Кембридже. Река Кам делит колледж на две части, которые в Кембридже прозвали «светлой стороной» и «темной стороной». Берега соединяет так называемый Математический мост, спроектированный сэром Исааком Ньютоном – выпускником Тринити-колледжа, который также расположен на берегах реки Кам.

интересно, но было слишком много назойливой рекламы... Мы с профессором *Bailey* совершили также поездку в Осетию» [Чибиров 2020: 58].

Мой отец, профессор Л. А. Чибиров, помнит детали того визита ученых в Осетию: «В 1966 году в Советском Союзе широко отмечали 800-летие со дня рождения Шота Руставели. Конечно же, основные мероприятия проходили в Тбилиси. В числе приглашенных в Грузию был и В. И. Абаев, посвятивший поэме “Витязь в барсовой шкуре” ряд своих исследований («О фольклористской основе поэмы “Витязь в барсовой шкуре”», «Вокруг поэмы “Витязь в барсовой шкуре”», «Миф и история в поэме Руставели *Vepxistgaosani*»). Информацию о том, что на юбилей Руставели прибывает и известный английский востоковед-иранист Гарольд Бейли, мы встретили с радостью, тем более узнав, что эти два больших ученых по окончании торжеств в Тбилиси придут к нам в Цхинвал: многие наши коллеги никогда вживую не встречались даже с Василием Ивановичем. Наконец в один из будних дней порог нашего института (тогда он размещался на первом этаже Дома Советов) переступили трое мужчин солидного возраста. Третьим, помимо В. И. Абаева и Гарольда Бейли, был известный английский ученый-карвелолог Уильям Эдвард Дэвид Аллен. Официальная встреча состоялась в большом длинном помещении, в котором сидел ученый секретарь института и разместились сотрудники отдела языка и литературы. Встречу своим вступительным словом открыл директор института Зелим Павлович Цховребов. Затем своих коллег-земляков тепло приветствовал Василий Иванович. Он же представил английских коллег, кратко рассказав об их научной деятельности. Когда В. И. Абаев представил слово Гарольду Бейли, тот достал из кармана листок бумаги и, к нашему большому удивлению и радости, начал читать свое приветствие на осетинском языке. Вслед за Бейли выступил Уильям Аллен. От Василия Ивановича, переводившего его речь с английского на русский, мы узнали, что, хотя он и является карвелологом, специалистом по истории Грузии, хорошо знает историю предков осетин – алан, ему известно об их пребывании в Британии и он допускает, что вполне возможно является отпрыском тех самых сармато-алан. “Не случайно же мне дали имя Аллен”, – закончил свое вступление под аплодисменты английский гость. После встречи мы все сфотографировались на память». Еще один участник той памятной встречи известный ученый Ю. С. Галгойти рассказал, что Гарольд Бейли читал свой текст на дигорском

диалекте осетинского языка, трудном для восприятия аудиторией. Однако последнюю часть сообщения Гарольда Бейли поняли все.

Безымянный свидетель записал эту фразу и оставил ее храниться в архивах Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Спустя десятилетия у нас вновь появилась возможность ее воспроизвести. Гарольд Бейли закончил свою речь следующим словами: *«Мах тугæй æмæ рондзæй дæр иу стæм. Мин фондзсæдæ азы размæ Англисмæ æрцыдысты фондз мин алайнаг бинонтæ æмæ æз дæр уыдон фæдон дæн. Уыдон фæдон ма у Англисы раздæры премьер-министр Макмиллан дæр // Мы с вами одной крови. Тысяча пятьсот лет назад в Англию прибыли пять тысяч аланских семей, и я являюсь их потомком. Их потомком является и бывший премьер-министр Великобритании Макмиллан¹⁴»* (фото 6–9).

Известно, что после торжеств в Грузии В. И. Абаев вместе с гостями выехал в Северную Осетию, где они посетили Северо-Осетинский научно-исследовательский Институт и выехали в Алагирское ущелье, в селение Нар – родину Коста Хетагурова. Поездка в Южную и Северную Осетию отразилась в нескольких интереснейших фотографиях, на которой коллеги запечатлены как с представителями общественности Южной Осетии, так и в селении Нар у мемориального памятника Коста Хетагурову (фото 10–14).

По следам поездки на Кавказ Г. Бейли отправляет В. И. Абаеву письмо от 21 октября 1966 года следующего содержания:

«Уважаемый профессор Абаев! Благополучно вернулся в Кембридж. Пожалуйста, примите мою искреннюю благодарность от всей души».

Тогда же, в 1966 году, Василий Иванович Абаев по протекции Г. Бейли становится действительным членом Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии. Сэр Гарольд сообщает ему эту новость в письме от 20 декабря 1966 года:

«Уважаемый профессор Абаев!

Сегодня из Королевского Азиатского общества я отправил Вам по почте официальное письмо с просьбой согласиться

¹⁴ Морис Гарольд Макмиллан, 1-й граф Стоктон (1894–1986) – британский политический деятель, аристократ, член Консервативной партии Великобритании, 65-й премьер-министр Великобритании (с 1957 по 1963 год).

Фото 6. Осетинские ученые Нафи Джусойты и Юрий Гаглойти с Гарольдом Бейли. Южная Осетия, 1966 г.

быть избранным почетным членом общества. Профессор Г. Церетели (Тбилиси) стал почетным членом в 1964 г. В обществе всего 30 таких почетных стипендиатов. Я пишу Вам сегодня, чтобы поделиться своей радостью от этого принятого Обществом решения.

Сегодня я получил Вашу поздравительную открытку, и теперь с нетерпением буду ждать книги, о которых Вы упоминаете. 10 декабря я отправил Вам по почте свои фотографии в кавказском наряде¹⁵ (и также фотографию для М. Исаева¹⁶). Этот предмет верхней одежды мне подарили в Тбилиси. А вчера вдова Владимира Минорского подарила мне бурку, которая принадлежала ее мужу: теперь у меня полный комплект горского костюма. Я ходил в нем в колледж, где он вызвал немало восхищение.

Всего наилучшего в новом году.

Искренне Ваш, Г. Б.».

¹⁵ Имеется в виду кавказская черкеска.

¹⁶ Исаев Магомет Измайлович (1928–2011) – советский и российский языковед, специалист по иранистике, интерлингвистике и этнолингвистике. Коллега и друг В. И. Абаева.

Фото 7. У. Э. Д. Аллен, Г. Бейли и В. Абаев во время визита в Южную Осетию

Фото 8. У. Э. Д. Аллен, Г. Бейли и В. Абаев с сотрудниками ЮОНИИ. Цхинвал, 1966 г.

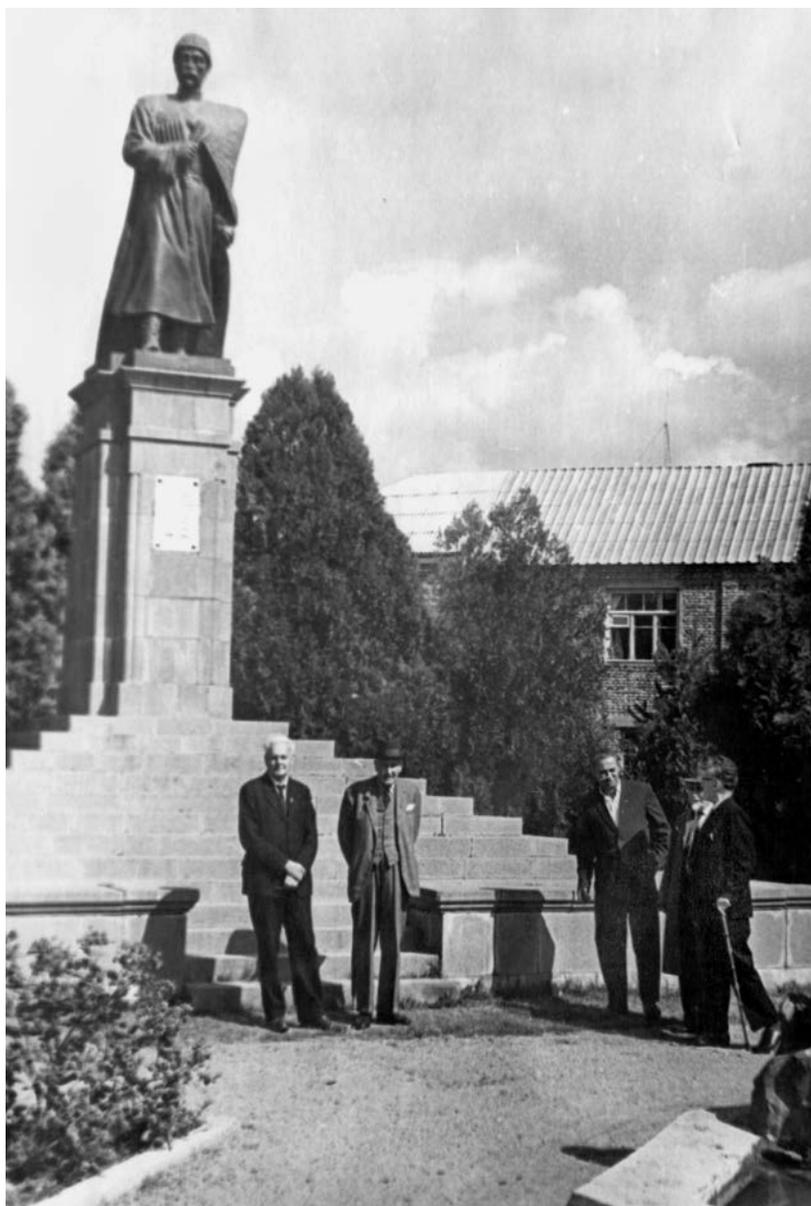

Фото 9. У памятника К. Хетагурову. Цхинвал, 1966 г.

Фото 10. Путешествие в Нар. 1966 г.

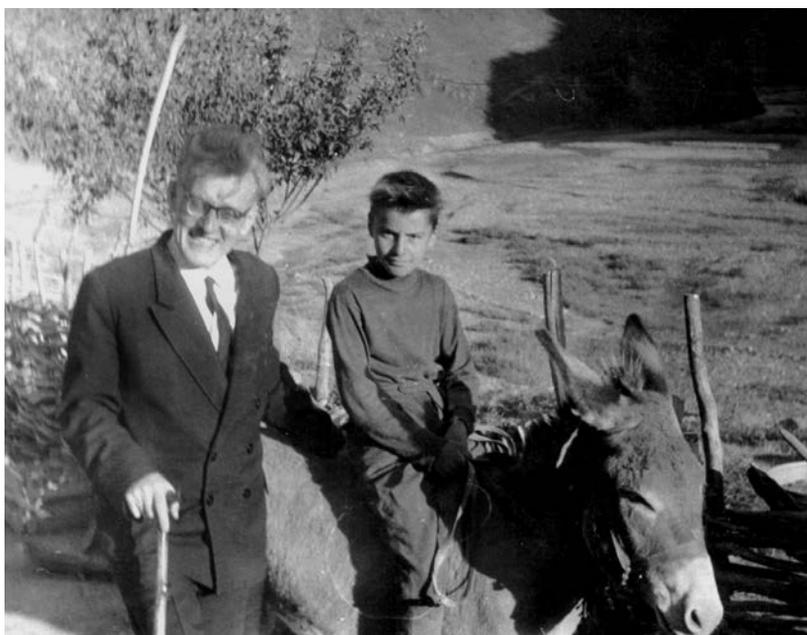

Фото 11. В. И. Абаев в с. Нар. 1966 г.

Фото 12. Путешествие в Нар. 1966 г.

Фото 13. У памятника К. Хетагурову. Северная Осетия, с. Нар, 1966 г.

Фото 14. У памятника К. Хетагурову. Северная Осетия, с. Нар, 1966 г.

Реакции В. И. Абаева на положительное решение членов Королевского Азиатского общества в имеющихся у меня в наличии письмах нет. Вполне возможно, что, зная отношение В. И. Абаева к подобным регалиям, ее могло не быть вообще. Зато Василий Иванович был в восторге от фотографий Гарольда Бейли, о чем и сообщил ему в небольшой открытке от 30 декабря 1966 года:

«Дорогой профессор Bailey! Сердечно благодарю Вас за фотоснимки. Они великолепны и доставили мне большое удовольствие. Город Кембридж за всю свою историю не видел другого такого “джигита”.

Nog azy xorzæx dæ wæd! В. Абаев».

Василий Иванович высоко ценил труды Г. Бейли по иранистике, сакскому языку, по нартам. В этой связи я хотел бы сослаться на еще одно воспоминание Л. А. Чибирова: «17 сентября 1983 года, в субботний день, мы с супругой, а также Тamarой Николаевной Шавлоховой и Иваном Владимировичем Хабалаты навестили Абаевых в Боржоми. Поблагодарив нас за то, что мы приехали, он сказал: “Когда мы утром встали, то думали: неужели никто к нам не придет? Людей здесь много, но хотелось бы встретиться с говорящими на родном языке, с осетинами. И вот сюрприз!”

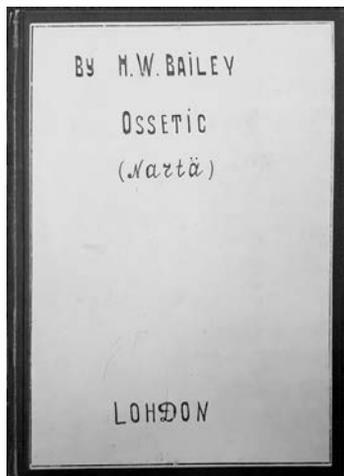

Фото 15. Рабочий перевод книги
Гарольда Бейли

Вообще он в тот день разговаривал оживленно, особенно когда говорил о выходе работы Г. Бейли о Нартовском эпосе, где английский ученый устанавливает иранские истоки эпоса. “Теперь, – говорил Абаев, – крупные нартоведы Дюмезиль и Бейли признали иранские корни эпоса. Если нам, осетинам, не верят, пусть поверят им”» [Чибиров 2010: 32–33]. Здесь Василий Иванович ссылаясь на работу Гарольда Бейли «Осетинские нарты // Традиции героической и эпической поэзии» (1980)¹⁷, которая тогда же была переведена на русский язык и издана в так называемом «рабочем» переводе. (фото 15).

Итак, письма и фотографии. В архиве СОИГСИ писем всего одиннадцать, не считая нескольких открыток, и, конечно же, среди них не было обратных. Они не столь информативны, как в случае с письмами Ж. Дюмезиля, но, конечно же, заслуживали того, чтобы быть переведенными, что и было сделано нашим коллегой Тимуром Чибировым. Я все же не оставлял надежду на то, чтобы попробовать получить обратную корреспонденцию, и фортуна вновь предоставила мне шанс. Я спросил Джорджа Хьюитта, есть ли у меня какая-либо гипотетическая возможность связаться с архивариусом Кембриджа. Ответ не замедлил ждать. Профессор Хьюитт написал мне, что обратился к своему коллеге, члену Британской Академии, почетному профессору Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета Николасу Симс-Уильямсу с просьбой помочь в поиске писем В. И. Абаева. Уже через пару дней я получил письмо от Джорджа, которое я привожу полностью: «Доброе утро, Алексей. Я только что получил ответ от Ника из Кембриджа. Вот оно:

“Дорогой Джордж!

Я почти уверен, что архив Бейли включает письма и, может быть, другие материалы Абаева. Я не вижу причин не предо-

¹⁷ Bailey H. W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. – London: W. S. Manley & Son Limited, 1980. – Volume 2.

ставлять их вашему визави, хотя полагаю, что авторские права принадлежат наследникам Абаева. (Благотворительный фонд¹⁸ владеет авторскими правами на письма Бейли, но мы с радостью дадим разрешение на предлагаемую публикацию.) И наоборот, Благотворительный фонд может использовать некоторые фотографии и письма, переданные Вами, для блога или информационного бюллетеня.

Я попросил Джо, нашего библиотекаря, заглянуть в архив. Проблема может быть в самом большом объеме материала, так как сэр Гарольд никогда не выбрасывал даже самые тривиальные письма!

Всего наилучшего, Ник»».

«Я только что получил копии переписки Абаева – Бейли, которая хранится в Благотворительном фонде Древней Индии и Ирана. Я попытаюсь прикрепить файл сейчас, но если он будет слишком большой, вы должны дать мне свой адрес электронной почты, и я отправлю его по электронной почте», – написал мне спустя пару дней в одном из мессенджеров профессор Хьюитт. Я не знал, как его благодарить. Вновь, как и с письмами Жоржа Дюмезиля, случай и исследовательский дух позволили мне свести вместе хрупкие отголоски взаимоотношений двух Бессмертных. Я получил копии тринадцати писем, в том числе четыре открытки, десять из которых были за авторством Васо. Три письма за подписью Гарольда Бейли были адресованы Василию Ивановичу (их не было в Абаевском архиве), причем одно из них, отпечатанное на пишущей машинке и датированное 11 декабря 1959 года, дублировало такое же из архива Васо. Разница заключалась лишь в том, что «английское» письмо было без подписи Гарольда Бейли. Полагаю, что для большего понимания сути изложенного в письме Васо, Гарольд Бейли помечал его небольшими правками и заметками на английском языке на полях и в самом тексте. В конечном итоге в моем распоряжении оказалось двадцать четыре письма, одно из которых было продублировано дважды. Как и в случае с Ж. Дюмезилем, не вполне ясно, кто же кому написал первым. Как и в случае с письмами Ж. Дюмезиля, наблюдается большой временной разрыв в периодизации, и все же складывается впечатление, что переписка между Абаевым и Бейли была не столь интенсивной, как между Абаевым и Дюмезилем. Но вполне возможно, что это лишь следствие того, что в английской,

¹⁸ Ancient India & Iran Trust (Благотворительный фонд Древней Индии и Ирана) – был основан Гарольдом Бейли и его коллегами в 1978 году.

как и осетинской, «коллекции» недостает существенного пласта корреспонденции.

Первое письмо в архиве обозначено датой 5 августа 1946 года. В нем Гарольд Бейли пишет следующее:

«Уважаемый профессор Абаев!

Я был бы очень признателен, если бы Вы смогли прислать мне какие-либо из Ваших печатных статей. Ваш Г. У. Бейли».

Последнее письмо В. И. Абаева из Кембриджского фонда датировано 4 февраля 1968 года, в то время как Гарольд Бейли точно продолжал писать ему вплоть до 27 июня 1990 года. К тому времени сэр Гарольд страдал от потери большей части зрения, что отразилось и на его почерке. Письмо гласило следующее:

«Уважаемый Васо Абаев!

Сегодня я получил от моего друга Р. Ченсера Ваши приветственные слова. Большое спасибо.

Ваше удивительное полное знание Осетии в 4 томах Вашего словаря – это замечательный памятник.

Моя подруга Анна Батлер уже 4 года работает над диссертацией по осетинским нартским текстам и очень интересуется всем собранием Нартиады. Однажды она хотела бы посетить Осетию.

Пишу небольшую статью для Вашего тома “День рождения 90”. 16 декабря прошлого года у меня была вечеринка в честь 90-летия (см. фото 18. – А. Ч.).

Хотя сейчас из-за некоторых проблем с глазами я не мог работать, мне еще есть что написать, если смогу.

Самые сердечные пожелания Вам здоровья и работы. С наилучшими пожеланиями.

[Г. У. Бейли]»

Последнее письмо Гарольда Бейли вместе с посланием от 20 декабря 1966 года, приведенное мною выше, является одним из самых информативных писем в коллекции, которые включают в себя немного личной информации. В основном же они касаются тем, связанных с обменом статьями и книгами, как своими, так и изданиями, которые были им необходимы в работе, а также вопросами лингвистического характера. Гарольда Бейли интересует интерпретация и значение некоторых осетинских слов дигорского и иронского диалектов. Василий Иванович дает исчерпывающие ответы по всем интересующим коллегу вопросам. Их немного, но по ним явно видно, с какой скрупулезностью сэр Гарольд относится

к весьма важным для него деталям. Раннее письмо от 5 декабря 1955 года. Гарольд Бейли пишет:

«Уважаемый профессор Абаев!

Буду очень признателен, если Вы дадите мне несколько ссылок на слова

<i>Iron zäryn</i>	осыпать
<i>aizäryn</i>	усеивать
<i>baizäryn</i>	
<i>äryzäryn</i>	

которые я нахожу в словарях без ссылок. Если слов нет в книгах, не могли бы Вы дать мне несколько предложений, в которых используются эти глаголы? Я также был бы признателен, если бы Вы сказали мне, встречается ли *azar* (из *älazar* = *älaxiz*) в каком-либо другом месте, отдельно или в другом сочетании?

С наилучшими пожеланиями,

Г. У. Бейли».

В письме от 7 июля 1956 года В. И. Абаев дает необходимые разъяснения:

«Уважаемый профессор!

Как всегда, с большим интересом изучаю Ваши новые труды, *separata* которых Вы с такой любезностью мне прислали. Обращаю Ваше внимание, что иронскому *zæryn* ‘сыпать’ отвечает в дигорском не *ærzalun* (*indo-iranian studies* – III 57), а *rægænun* ← **fra-kan-* (Ос. язык и фольклор I 461 689, 493).

С глубоким уважением и благодарностью,

В. Абаев».

Еще одно письмо от Бейли гласит:

«Куинз-колледж. Кембридж, 20 марта 1957 г.

Я был бы очень признателен, если бы Вы могли дать мне ссылку на дигорский глагол *iværzun*, *iværsun* ‘обещать’. Я только встречал *bajvarsta*».

31 декабря 1958 года. Письмо из Кембриджа (фото 16 и 16а).

«У меня есть вопрос. В переводе поэмы “Слово о полку Игореве” “*Кадæг Игоры Стæрыл*” В. А. Газзаева (2-е издание 1956 г.) на с. 15 встречается *зырыд*: *zyryd sau qærcsurajau zyryd ævrærtu byn*. Кажется, что это означает “развернуться (повернуться) или облетать”, следовательно, это, вероятнее всего, соответствует дигорскому *zurun* “развернуться (повернуться)”.

23

From Professor H. W. Bailey, Queens' College, Cambridge

Tel. 4425

I have a question to ask.

In the translation of the
Igor poem

Kagoz uzoroi smepol

~~is~~ by V. A. Jazzaev (^{2nd edition}
1956)

p. 15 occurs zepoig zyrd

san qarecyrajan zyrd araxty
byn

It would seem to mean "turn
or fly around".

It is therefore likely to correspond
to Digoron zuren 'turn round'.

Could you give me any

information about This
verb зыр- ?

I notice also зурна

кон зурн 'turning-lathe'
Токарный по дереву станок

with best wishes

H. W. Bailey

From Professor H. W. Bailey, Queens' College, Cambridge

Tel. 4425

Dec. 11. 1959

Dear Professor Abaev

I write to thank you for your telegram of good wishes for my birthday.

I have also a question about a Digoron Ossetic word *ærdzæg*. This word I have found only in Bayarata¹ Sozur, Zærdi Duar, ~~1949~~ 1949, p. 113

Fun fæcæg, -- æ fæynnæ næwæg ærdzægi
baftudæg næ bærzæg.

I have not found it in any dictionary. But no doubt you will know it. I should much like to learn the meaning.

With best wishes

HW Bailey

*I have to-day
posted 2 offprints
to you.*

Не могли бы вы дать мне какое-нибудь толкование этого глагола *zyr*-?

Замечу также *zurnæ Iron zyrn* “turning-lathe” “токарный по дереву станок”».

В ответном письме от 10 января 1959 года Василий Иванович дает необходимые разъяснения:

«Глубокоуважаемый профессор Bailey!

С благодарностью подтверждаю получение оттисков двух Ваших статей.

Иронское *zyryn* встречается редко и только в югоосетинских говорах. В моих материалах отмечена форма *nyzzyryd* “закружился, завертелся” (о веретене, о волчке). По значению близко к *zilyn*. Дигор. *zurun* – обычно. Отсюда *zym, zyrnæ* “станок для обточки дерева” (Ос. яз. и ф. I 469 952)».

Комментарии к письму дополнялись следующими разъяснениями:

«Zur-

1. Zyr-

Nyzyryd zakružilsja

Zavertelsja

O veretene

O volčke

Zurnæ

Zyrn

Abaev. Oc Jaz. F. 469. No. 952

Dzurk'a; Dzurunæ kænyn».

Еще одно письмо Гарольда Бейли от 11 декабря 1959 года (фото 17):

«Уважаемый профессор Абаев!

Пишу, чтобы поблагодарить Вас за телеграмму с добрыми пожеланиями на мой день рождения.

Еще у меня вопрос по поводу дигорского слова *ærdzæg*. Это слово я нашел только в [книге] *Baræрати Sozur, Zærdи Duar*, 1949, с. 113.

Fun fæcæj, – æ fæyynnæ næuæg ærdzægi baftudæj næ bærzæj.

Я не нашел его ни в одном словаре. Но я не сомневаюсь в том, что вы будете знать это [слово]. Я очень хотел бы узнать значение».

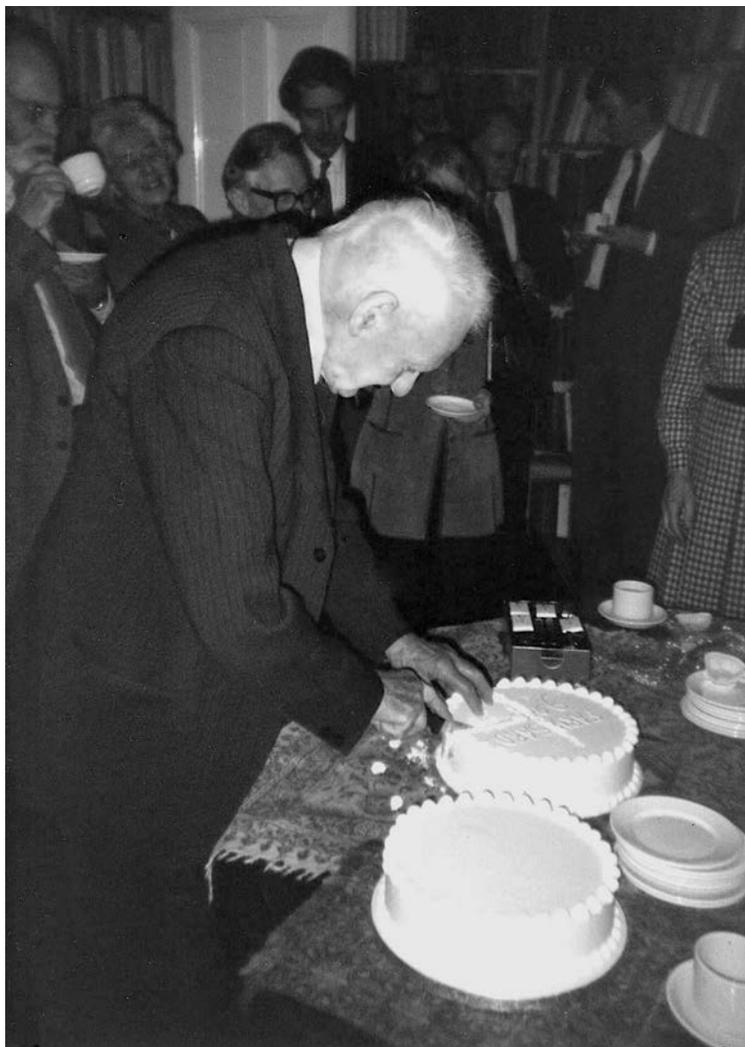

Фото 18. Празднование 90-летия Гарольда Бейли.
Фото из архива Дж. Хьюитта

Фото 19. Надгробная плита на могиле Гарольда Бейли

В ответ Василий Иванович написал в письме от 8 января 1960 года:

«Интересующее Вас слово *ærzæg* я считаю стяженным *ærvæzæg* 'петля': *næwæg ærzægi baftudæj næ bærzæj* = 'в новую петлю попала наша шея'».

К сожалению, остальная корреспонденция, имеющаяся в наличии, не позволяет в полной мере охватить весь спектр вопросов, которые обсуждали между собой ученые, но она дает представление о книгах и статьях, интересующих коллег. Судя по всему, обмен этот был очень активным. В рамках данной статьи нет необходимости комментировать эту часть переписки. Так как они интересны в комплексе, я посчитал нужным представить все письма позже, в отдельном приложении к статье, изложив их в хронологическом порядке.

* * *

История жизни Гарольда Бейли полна ярких событий и приключений. Куинз-колледж Кембриджского университета, в котором Гарольд Бейли проработал практически всю свою жизнь, – это очень статусное учреждение с давними традициями. Следует отметить, что среди многих ученых, связанных с Куинз-колледжем, был величайший ученый так называемого Северного Возрождения – Эразм Роттердамский (1469–1536), прозванный современниками «принцем гуманистов». Так вот. Джордж Хьюитт писал мне, что в бытность его слушателем курсов антиковедения в колледже Святого Иоанна, покойный профессор античной истории Джон Энтони Крук, руководитель научно-исследовательского отдела, считал сэра Гарольда Бейли «величайшим ученым Куинз-колледжа со времен Эразма».

Сэр Гарольд Уолтер Бейли скончался 11 января 1996 года. Согласно завещанию он был похоронен в Австралии рядом с отцом и другими родственниками (фото 19). Незадолго до смерти Гарольда Бейли Джордж Хьюитт посетил его по случаю его последнего дня рождения, проведенного в больнице Адденбрук, что в Кембридже. Профессор Хьюитт сказал мне, что это было, возможно, его предпоследней встречей со своим наставником: «В последний раз мы прогулялись с ним от Куинз-колледжа до здания Фонда, и, должно быть, он испытывал невольное искушение обдумать свой уход из жизни, поскольку, когда я спросил, есть ли у него еще что-то, что он хотел бы написать, он ответил:

«Единственное, что беспокоит меня, это то, что, когда я уйду, все мои знания о словах и связях между ними, которые хранятся в моей памяти, будут утеряны».

ЛИТЕРАТУРА

1. Bosworth C. Edmund. A Century of British Orientalists, 1902–2001. Oxford: Oxford University Press, 2001.
2. Рахно М. Ю. Войско мертвых: нартовский мотив в романе Джона Р. Р. Толкина «Властелин колец» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2013. Вып. II.
3. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб.: Азбука-классика, 2002.
4. Нарты. Осетинский героический эпос: в 3 кн. / сост. Т. А. Хамицаева и А. Х. Бязыров. М.: Наука, 1989. Кн. 2.
5. Гагкаев К. Е. Осетинские этимологии Г. В. Бэйли // Осетинская филология: межвуз. сб. ст. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1981. Вып. 2.
6. Чибиров А. Л. «Да, ночью верить в свет...». Владикавказ, 2020.
7. Чибиров Л. А. Имена. Владикавказ, 2010.

Хасан ЧШИЕВ

**НЕКРОПОЛЬ У СВАТИЛИЩА ДАМБАДЕЛИ /
МАДЫ МАЙРАМ – НОВЫЙ ПАМЯТНИК
ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В МАМИСОНСКОМ УЩЕЛЬЕ РСО-АЛАНИЯ**

Некрополь у святилища Дамбадели / Мады Майрам находится в высокогорной части РСО-Алания, в Мамисонском ущелье. Материалы этого некрополя, расположенного вблизи от Мамисонского перевала – на одной из «веток» древнего и средневекового Шелкового пути, представляют большой интерес для изучения как древней и средневековой истории Осетии-Иристана, так и Кавказа в целом, а также важны для накопления репрезентативных данных по развитию туристического кластера РСО-Алания. Памятник выявлен нашей экспедицией в результате подготовительных работ по созданию Всесезонного туристического комплекса «Мамисон» в 2019 г. В 2022 г., также в рамках подготовки к строительству инфраструктуры для горнолыжного Всесезонного туристско-рекреационного комплекса «Мамисон», нашей экспедицией были проведены уже охранно-спасательные археологические раскопки на части этого некрополя на площади около 1000 кв. м.

Данный грунтовый могильник располагается вокруг святилища Дамбадели / Мады Майрам на окраине селения Камсхо. Обряд захоронения могильника представляет собой, за небольшим исключением, вытянутые на спине погребения, ориентированные головой

на юго-запад. В нескольких случаях зафиксированы захоронения с подогнутыми ногами, с завалом на сторону. Руки погребенных вытянуты вдоль тела или сложены кистями вместе в области паха. Как правило, захоронения взрослых людей произведены в прямоугольных «ящиках», сооруженных из широких и толстых деревянных плах с распорками в середине и на торцах. В детских захоронениях остатки деревянных плах встречаются редко. В основном погребения обложены валунами, в нескольких случаях зафиксировано перекрытие погребений уплощенными сланцевыми плитами. Многие захоронения потревожены или разрушены вследствие позднейших перекопов.

Одним из интересных особенностей этого некрополя является огневой ритуал, прослеживаемый в ряде случаев. Выражался он в присутствии в верхней части засыпи погребальной ямы древесных угольков, а также в обугливание верхней части (крышки) деревянной гробовины. Первоначально мы предположили, что это явление могло быть связано с пожаром, стихийным или искусственным, произошедшем здесь в результате каких-то исторических событий. Однако наличие данного факта на разных участках могильника, а также отсутствие обугливания в верхних пластах почвы над захоронениями вынудило нас отказаться от этого предположения. Единственное объяснение данного явления это то, что здесь мы имеем дело с одним из элементов погребального обряда, т. е. с огневым ритуалом, который заключался в разведении небольшого костра на верхней крышке погребального ящика или в некоторых случаях на каменном перекрытии погребения перед засыпкой погребальной ямы.

Еще одним примечательным элементом обрядности является наличие как минимум в трех захоронениях рассматриваемого памятника колец от кольчуги. В трех мужских захоронениях могильника были зафиксированы железные кольца кольчуги – по одному кольцу в каждом погребении. На современном уровне исследования можно предположить, что эти захоронения принадлежали воинам и таким образом символически обозначался их статус. Христианизированный, как нам представляется, обряд захоронения на этом погребальном памятнике, судя по положению и ориентировке костяков и пр., не предусматривал посвящения оружия, предметов обихода и заупокойной пищи погребенным. Вероятно, таким символическим образом тем не

менее подчеркивался военный статус погребаемых и, возможно, их воинские заслуги перед обществом.

Еще один необычный элемент погребальной обрядности был выявлен в погребении № 95. В прямоугольной яме, обложенной камнями, находился ориентированный, как и другие захоронения, головой на юго-запад костяк взрослого человека. Необычность заключалась в том, что погребенный был уложен в вытянутом положении лицом вниз, на животе, руки, судя по их положению, были связаны спереди, а непосредственно на шею был положен большой камень. Эта особенность обряда требует специального изучения в будущем.

Надо отметить и такую черту обрядности на могильнике, как присутствие в погребениях астрагалов – альчиков ягнят. В одном случае, в погребении № 162, где был захоронен молодой мужчина, их было 24 штуки. Один из сотрудников экспедиции Б. Цопанов метко выразился, оценивая эту находку: «Несомненно, здесь захоронен чемпион по игре в хьултэ́й хьэзт¹!» Будзи Цопанов сам в молодости не раз выигрывал до 30–40 альчиков за одну игру. Астрагалы компактно были расположены в ногах погребенного. Вероятно, первоначально они помещались в холщовом мешочке, который со временем истлел. Их положение, а также количество не оставляет никаких сомнений в том, что они использовались для игры и после смерти владельца были положены ему в погребение.

Представляет интерес и ситуация, зафиксированная в погребении № 26, где был захоронен взрослый мужчина, между позвонками спинного отдела которого находился крупный железный наконечник стрелы вытянуто-ромбовидной формы с валиком – упором для древка стрелы и стержневидным черенком.

Отметим и наличие в ряде женских погребений памятника раковин каури, известных в кавказских памятниках и в древности, и в средневековье как украшение и в качестве оберегов (рис. 1: 4).

Многочисленные находки в погребениях могильника бронзовых Т-образных (или крестовидных) фибул с железной иглой (рис. 2) являются, скорее всего, импортом из причерноморских городских центров. Также многочисленны в захоронениях могильника и разнообразные бусы – стеклянные глазчатые нескольких

¹ Хьултэ́й хьэзт – осетинская народная традиционная игра в альчики, бытовавшая до 80-х гг. XX в.

Рис. 1. 1–3, 5 – стеклянные бусы; 4 – раковина каури

Рис. 2. Бронзовая фибула. Вид сверху

Рис. 3. Стекланные бусы

Рис. 4. 1 – привеска; 2 – перстень; 3, 4 – височные привески (бронза)

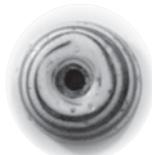
цветов, стеклянные шаровидные с канелированной поверхностью, сердоликовые шаровидные и колесовидные, стеклянные колесовидные, украшенные спиральным узором синего цвета, стеклянные биконической формы и др. (рис. 1, 3). Аналогии значительной части этих бус и вышеописанным фибулам имеются как в Закавказье, Сирии, Причерноморье первой половины 1 тыс. н. э., так и на Северном Кавказе и Предкавказье. Примечательно и нахождение аналогий им в раннеаланских катакомбах Северного Кавказа [1 – с. 55, рис. 40; 2 – с. 81, рис. 56; с. 82, рис. 58б; 5 – с. 261, рис. 15; с. 330, рис. 81; с. 331, рис. 82; с. 332, рис. 83; 4 – с. 305, рис. 112: 2а; с. 327, рис. 135: 5е; 6 – с. 206, табл. 4; с. 212, табл. 10; 3 – с. 102, рис. 9: 4; с. 104, рис. 11: 1–2].

Судя по достаточно престижным и дорогим украшениям (рис. 4) и аксессуарам одежды, в массе своей импортным, население, оставившее могильник у святилища Дамбадели / Мады Майрам, было достаточно зажиточным. Это не должно вызывать удивления, так как оно контролировало караванную трассу на весьма удобный и популярный в эпоху древности и средневековья транскавказский переход – Мамисонский перевал, ведущий, как отмечалось, в Закавказье, Малую Азию, к Черному морю и т. д. Между тем ни оружия, ни заупокойной пищи, ни жертвенных животных, типичных, к примеру, для северокавказского населения той эпохи и в том числе для аланских памятников региона, в этом Мамисонском некрополе нет. Строго говоря, почти все находки (за исключением редких случаев, когда в захоронениях имеются личные вещи – два небольших железных ножа и игральные астрагалы) представлены украшениями и атрибутами одежды. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что население, оставившее этот могильник, в той или иной степени было христианизировано.

В то же время наличие в погребениях огневого ритуала, помещение в ряде случаев в погребения игральные астрагалы – альчииков, железных ножей, колец от кольчуги, раковин каури может свидетельствовать о сохранении в обществе, оставившем этот интересный памятник, части традиционных дохристианских обрядов, ритуалов, представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракелян Б. Гарни 1 // Археологические раскопки в Армении. № 3. Ереван: Изд-во АН АССР, 1951.
2. Аракелян Б. Гарни 1 // Археологические раскопки в Армении. № 7. Ереван: Изд-во АН АССР, 1957.
3. Дзаттиаты Р. Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006.
4. Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Изд. дом Мавраевъ, 2015.
5. Шестопалова Э. Ю. Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. н. э. Владикавказ, 2019.
6. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского естественно-исторического музея) // Аланы: История и культура. Вып. 3. / отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1995.

АВТОРЫ НОМЕРА

ГАЛАЗОВ Ахсарбек родился 15 октября 1929 года в с. Хумалаг Правобережного района Северо-Осетии. В 1938 году его отец Хаджимурза Ильясович (р. 1905) был незаконно репрессирован и спустя несколько лет скончался в местах заключения, посмертно реабилитирован. В 1952 году окончил Северо-Осетинский государственный педагогический институт. Кандидат педагогических наук. С 1952 по 1958 год работал учителем русского языка и литературы и завучем в Хумалагской средней школе. С 1958 по 1959 год являлся инспектором школ Министерства просвещения Северо-Осетинской АССР. С 1959 по 1960 год занимал должность директора института усовершенствования учителей. С 1961 по 1975 год Галазов был министром образования Северо-Осетинской АССР. С 1976 по 1990 год – ректор Северо-Осетинского государственного университета. С 1990 по 1991 год был членом ЦК КПСС (член КПСС с 1959 по август 1991). Избирался народным депутатом РСФСР.

В ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии санкционировал оказание ей гуманитарной помощи. Выступал за мирное решение вопроса о статусе Южной Осетии, а также против выхода Северной Осетии из РФ.

В ноябре 1993 года был выдвинут кандидатом в депутаты Совета Федерации. На выборах выступал в качестве независимого кандидата.

16 января 1994 года был избран первым президентом Республики Северная Осетия-Алания. Вступил в должность 26 января 1994 года на торжественной сессии Верховного Совета Северной Осетии. Занимал пост президента до 1998 года.

Скончался во Владикавказе 10 апреля 2013 года. Похоронен на Аллее Славы с воинскими почестями.

ЗОЛОЕВ Аркадий родился в 1957 году в с. Ставд-Дорт Северо-Осетинской АССР. В 1979 году окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. После окончания института служил в артиллерийском полку. В 2002 году начал заниматься переводами английской и немецкой поэзии на русский и осетинский языки. В 2012 году поступил на Высшие литературные курсы в г. Москве. В настоящее время продолжает свою литературную деятельность во Владикавказе. В 2016 году вышла книга «Для детей Осетии».

МАРЖОХОВ Тенгиз родился в 1974 году в г. Нальчике, Кабардино-Балкария. В 1997 году окончил Академию ветеринарной медицины и

биотехнологии им. К. И. Скрябина в Москве. В 35 лет написал свой первый рассказ. Публиковался в республиканских и региональных изданиях. В 2016 году фондом СЭИП был издан роман «Каверна», написанный на основе большого опыта. В настоящее время пишет второй роман. Работает в электросетевой организации г. Нальчика.

НАДЕЖДИН (Демушкин) Михаил – поэт и журналист, казачий офицер-белоземigrant. Родился 21 ноября (4 декабря) 1902 года во Владикавказе. Будучи кадетом Владикавказского кадетского корпуса, участвовал в Белом движении. Перенес все тяготы ГУЛАГа. В годы Второй мировой войны оказался в Европе, потом эмигрировал в США. Работал в редакции газеты «Русская жизнь», писал политические статьи и стихи. В 1963 году в Сан-Франциско вышел первый и единственный поэтический сборник Михаила Надеждина «Через страдания к звездам».

ОСТАЕВА Татьяна – заслуженный деятель искусств РСО-А, член Союза художников РСО-А. С раннего возраста не задумывалась о профессии искусствоведа. Первоначальное образование получила на хореографическом отделении Владикавказского училища искусств. После окончания стала ведущей солисткой Театра оперы и балета (ныне филиал Мариинского театра в РСО-А). Является автором статей, буклетов, монографий о художниках Осетии. Ее материалы публиковались как в местных, так и в московских изданиях. Это статьи о Магрезе Келехсаеве, Шалве Бедоеве, Казбеке Хетагурове, Юрии Дзантиеве, Батре Калманове, Руслане Тавасиеве и многих других мастерах кисти.

РЕМАРК Эрих Мария родился 22 июня 1898 году в Оснабрюке. В юности Ремарк увлекся творчеством Стефана Цвейга, Томаса Манна, Федора Достоевского, Марселя Пруста и Иоганна Гете. В 1904 году поступил в церковную школу, а в 1915-м – в католическую учительскую семинарию. В 1916 году был призван в армию, 17 июня направлен на Западный фронт. После ранения провел остаток войны в военном госпитале в Германии. В 1921 году начинает работать редактором в журнале Echo Continental. В 1929 году опубликовал наиболее известное свое произведение «На западном фронте без перемен» и еще несколько антивоенных сочинений. В 1933 году нацисты запретили и сожгли произведения Ремарка. Умер 25 сентября 1970 года в г. Локэрно и похоронен на швейцарском кладбище Ронко в кантоне Тичино.

РЫБИН Александр родился в 1983 году. Работает независимым журналистом, специализируется на освещении событий в исламских странах – в основном Ближнего Востока и Центральной Азии. Прозу пишет с 2008 года. С 2012 года регулярно публикуется в журнале «Дарьял» и других российских литературных изданиях.

САСИЕВ Мурат родился в 1975 году во Владикавказе. Окончил с отличием факультет иностранных языков Северо-Осетинского государственного университета. Еще будучи студентом, работал футбольным переводчиком, что впоследствии стало делом жизни. Писал стихи, занимался музыкой. Скончался в марте 2023 года. Последние несколько лет работал в ФК «Локомотив».

ТАВАСИЕВ Руслан родился 22 февраля 1956 года в г. Дигоре Северо-Осетинской АССР. В 1969–1974 годах учился в Московской средней художественной школе при институте им. В. И. Сурикова; в 1974–1980 годах в Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова (МГХИ) на факультете скульптуры. С 1985 года – преподаватель скульптуры в МГХИ им. В. И. Сурикова.

Работы скульптора находятся в Министерстве культуры России, в музее им. Туганова (г. Владикавказ), в частных собраниях России. Неоднократно участвовал в художественных выставках в России, Польше и Болгарии.

ТАКСИДИ Николай родился в 1953 году в г. Орджоникидзе Северной Осетии. Учился в средней школе № 24. В 1971 году поступил в СКГМИ. В 1976-м окончил институт по специальности «горный инженер-механик». Работал инженером на предприятиях г. Орджоникидзе. С 1990 года проживает в Греции – в восточной Македонии. Стихи пишет со школьной скамьи. В Греции публиковался в газете «Афинский курьер» и в ряде журналов.

ТОЛСТОЙ Алексей (имя при рождении – Алексей Алексеевич Бостром; 29 декабря 1882 (10 января 1883), Николаевск, Самарская губерния, Российская империя – 23 февраля 1945, Москва, СССР) – русский и советский писатель и общественный деятель из рода Толстых. Автор социально-психологических, исторических и научно-фантастических романов, повестей и рассказов, публицистических произведений. Лауреат трех Сталинских премий первой степени (1941, 1943; 1946 – посмертно).

ТИЛЬШ Ильза – поэт и прозаик. Родилась в 1929 году в Южной Чехии. В 1945-м бежала вместе с семьей в Австрию. Публикуется с 1964 года. Автор многочисленных поэтических сборников. Переводы стихов Тильш публиковались в русских журналах. Романы и малая проза тематически связаны с историей и судьбами людей ее родного края. Самая значительная книга Тильш – роман «Пирамида предков» (1980) – переведена на русский язык в 1997 году. Скончалась в 2023 году.

УТКИН Сергей родился в 1987 году в г. Шарья Костромской области. Окончил три курса Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (факультет ракетно-космической техники). Работал внештатным автором в районной газете, уборщиком, мойщиком окон, промоутером. Лонг-листер «Илья-премии» (2014), фестиваля «Козьма в Пустыньке» (2014), премии «Белла» (2017). Участник форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2010, 2017). Публиковался в журналах «Нева», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Дарьял», газетах «Литературная Россия», «Литературная газета» и др.

ХИКМЕТ Назым родился 20 января 1902 года в г. Салоники в семье султанского чиновника Хикмета-бея. Поэт, прозаик, сценарист, драматург и общественный деятель. Основоложник турецкой революционной поэзии. Коммунист с 1922 года. Был неоднократно арестован за политические убеждения и провел большую часть взрослой жизни в тюрьме или в изгнании. Лауреат Международной премии Мира за 1950 год. Умер 3 июня 1963 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ЧИБИРОВ Алексей родился 2 марта 1968 года в г. Цхинвали ЮОАО ГССР. Окончил историко-филологический факультет Юго-Осетинского госпединститута по специальности «учитель истории». Публиковался в журналах «Дарьял», «Столица». Живет во Владикавказе и в Цхинвале.

ЧШИЕВ Хасан родился в г. Орджоникидзе в 1970 году. Окончил исторический факультет СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Стажировка на кафедре археологии СПбГУ в 1991 году. Защита кандидатской диссертации по специальности «археология» в Институте археологии РАН в 2017 году. Имеет публикации в двадцати научных и научно-популярных журналах. Участвовал в подготовке академического издания «Истории Осетии» в 2 томах (Владикавказ, 2012). Живет во Владикавказе.

ШАОВ Асфар родился в 1973 году в Майкопе. Выпускник Кубанского государственного университета, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Автор пяти монографий в области гуманитарных наук, имеет более 75 научных публикаций.

ШАОВ Ибрагим родился в 1977 году в Майкопе. Выпускник Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Института права Адыгейского государственного университета. Специалист в области международного права. Автор нескольких десятков научных статей в области юриспруденции.

ДАРЬЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

В оформлении обложки использовано
фото скульптуры Руслана Тавасиева
«Жертвоприношение»

ДАРЬЯЛ-2'2023- ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru